This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is an authorized facsimile
of the original book, printed by
microfilm-xerography on acid-free paper.

UNIVERSITY MICROFILMS INTERNATIONAL
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England
1979

p/8464 Ivanov, Petr Ivanovich
718444

ОПЫТЪ

БІОГРАФІЙ

ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРОВЪ И МИНИСТРОВЪ ЮСТИЦІИ.

Соч. П. Иванова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Правительствующаго Сената.
1863.

DK 27.4
T9

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

ОПЫТЪ БІОГРАФІЙ.

МОСКВА.

ДК 127
.4
.I9

(Приложеніе къ Журналу Министерства Юстиціи)

ОПЫТЪ БІОГРАФІЙ

ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРОВЪ И МИНИСТРОВЪ ЮСТИЦІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со времени единодержавія Петра Великаго начинается новая эра для народа русскаго. Этому Монарху суждено было вывесть Россію изъ того застоя, въ которомъ она находилась столько вѣковъ и призвать ее къ новой дѣятельной жизни. Начавъ это великое дѣло съ полнаго преобразованія всего существовавшаго тогда порядка вещей, Петръ прежде всего обратилъ вниманіе на наши правительственныя учрежденія и съ первыхъ же почти лѣтъ своего царствованія сталъ вводить новыя судебныя инстанціи, болѣе удовлетворявшія потребностямъ народа и при томъ организованныя на иныхъ основаніяхъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ. Въ это время получилъ начало и правительствующій сенатъ, ставшій по своему значенію высшей инстанціей всѣхъ учрежденій, ибо на окончательное разсмотрѣніе и рѣшеніе его поступали дѣла по всѣмъ многоразличнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Но недовольствуясь однимъ только учрежденіемъ новыхъ судебныхъ мѣстъ, Петръ заботился и о неусыпномъ надзорѣ за порядкомъ и за правосудіемъ производившихся въ нихъ дѣлъ. До него въ этомъ отношеніи у насъ не было никакого контроля. Отчетность прежнихъ мѣстъ была неопредѣленна, смутна и касалась

почти одной только финансовой стороны, а потому введеніе у насъ контрольнаго начала вполнѣ справедливо можно приписать заботливости геніальнаго преобразователя. Съ цѣлію слѣдить за дѣятельностію вновь учрежденныхъ судебныхъ инстанцій, не допускать въ нихъ противузаконныхъ отклоненій, объяснять смыслъ и значеніе вновь издаваемыхъ указовъ, Петръ создалъ институтъ прокуроровъ. Въ указѣ 1722 года января 12-го (1), въ пунктѣ 4-мъ, сказано: при сенатѣ долженъ находиться генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ, а при коллегіяхъ—прокуроры. Генералъ-прокуроръ былъ какъ бы представителемъ вообще всего прокурорскаго надзора. Въ одномъ изъ послѣдующихъ указовъ самъ Петръ называетъ его «Государевымъ окомъ» и «стряпчимъ государственныхъ дѣлъ». Только одинъ генералъ-прокуроръ могъ останавливать рѣшеніе сената и по дѣламъ особенной важности доносить немедленно Государю. Такимъ образомъ эта новая, учрежденная Петромъ, должность представляла собою какъ-бы преднослѣднюю ступень въ лѣстницѣ правительственныхъ инстанцій, во главѣ которой стоялъ самъ Монархъ. Изъ этого особаго, исключительнаго положенія вытекаетъ и то высокое значеніе, какое съ самаго начала получила у насъ должность генералъ-прокурора и то громадное вліяніе занимавшихъ ее лицъ на весь ходъ государственной администраціи и то, наконецъ, горячее участіе во всѣхъ правительственныхъ реформахъ, которое принимали въ нихъ эти лица. Обязанности генералъ-прокуроровъ относительно судной части перешли, въ послѣдствіи, по учрежденіи министерства, къ министру юстиціи, удержавшему при немъ и прежнее наименованіе. Понятно послѣ этого, что жизнь и служебная дѣятельность этихъ государственныхъ личностей не можетъ и не должна остать-

---

(1) Полн. собр. зак. т. XI, № 5977.

ся незамѣченною: она есть достояніе исторіи, потому что много событій, занесенныхъ въ ея лѣтописи, неразрывно связаны съ именами того или другаго генералъ-прокурора, того или другаго министра юстиціи. Къ сожалѣнію въ собраніи данныхъ для біографій этихъ общественныхъ дѣятелей представляются необыкновенныя трудности, частію по причинѣ отдаленности отъ насъ по времени ихъ дѣятельности, частію потому, что нѣкоторые роды ихъ уже вымерли, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ ихъ фамильныя достопамятности или вовсе утратились или сохраняются въ рукахъ неизвѣстныхъ лицъ: находящійся же въ нашемъ завѣдываніи московскій архивъ министерства юстиціи не могъ вполнѣ послужить въ этомъ отношеніи богатымъ источникомъ, ибо хотя въ немъ и есть нѣкоторое количество производствъ по дѣламъ генералъ-прокуроровъ, но они по большей части заключаютъ въ себѣ только одну оффиціальную переписку этихъ лицъ съ подвѣдомственными имъ учрежденіями. Но не смотря на всѣ эти затрудненія намъ удалось собрать довольно любопытныхъ матеріаловъ для краткихъ очерковъ біографій нашихъ генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи. Жизнеописанія эти представляемъ теперь читающей публикѣ, въ надеждѣ, что эта слабая попытка наша—соединить въ одно по возможности цѣлое все относящееся до этого предмета—послужитъ какъ бы вызовомъ къ подобному же труду для другихъ изслѣдователей, обладающихъ, быть можетъ, большимъ количествомъ намъ недоступныхъ матеріаловъ и такимъ образомъ поставленныхъ въ лучшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находились мы, приступая къ настоящему изданію.

Въ заключеніе, мы нелишнимъ считаемъ присовокупить, что въ предлагаемомъ трудѣ, по нашему мнѣнію, очертаніе не было бы законченнымъ и картина не представляла бы полноты, если бы мы ограничились ука-

занѣмъ внѣшней стороны и однихъ подвиговъ государственной жизни, не касаясь темныхъ пятенъ, къ сожалѣнію, весьма часто встрѣчающихся въ жизни описываемыхъ нами лицъ. Во избѣжаніе этихъ недостатковъ мы по возможности старались представить и тѣ событія, относящіяся до нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ личностей, которыя бросаютъ тѣнь на ихъ образъ дѣйствій. Дальнѣйшія изысканія въ отечественныхъ матеріалахъ могутъ или подтвердить, или опровергнуть представленныя нами указанія.

П. ИВАНОВЪ.

Рис. А. Санин Лит. К. Эргота

Павелъ Ягужинской

I.

ГРАФЪ ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ЯГУЖИНСКІЙ.

Графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, первый генералъ-прокуроръ правительствующаго сената, родился въ 1683 году, въ Польшѣ, откуда отецъ его въ 1687 году выѣхалъ въ Россію. Императоръ Петръ Великій нечаянно увидѣлъ Ягужинскаго и, замѣтивъ его способности, взялъ къ себѣ на службу, опредѣлилъ въ гвардію, а по производствѣ въ офицерскій чинъ пожаловалъ своимъ деньщикомъ; далѣе возвелъ на степень генералъ-адъютанта (1), дѣйствительнаго каммергера, генералъ-маіора и потомъ генералъ-лейтенанта. Петръ неоднократно давалъ Ягужинскому разныя дипломатическія порученія, такъ: въ 1713-мъ и слѣдующихъ годахъ онъ посылалъ его нѣсколько разъ къ королю датскому, въ 1719 году вмѣстѣ съ Брюсомъ и Остерманомъ на аландскій конгрессъ, въ 1720 г. къ Цесарю, при дворѣ котораго Ягужинскій съ успѣхомъ кончилъ переговоры о возобновленіи дружественныхъ сношеній между императоромъ германскимъ и всероссійскимъ государемъ и о возвращеніи герцогу Карлу Фридриху Гольштиніи, присвоенной королемъ датскимъ, и наконецъ на конгрессъ нейштадскій, для окончанія споровъ между нашими и шведскими министрами относительно границъ (2). Независимо отъ сего Государь возлагалъ на Ягужинскаго и другія весьма важныя обязанности. Въ 1718-мъ году онъ поручилъ ему наблюденіе за порядкомъ дѣлопроизводства въ коллегі-

(1) Что соотвѣтствовало чину полковника.

(2) Словарь достопамятныхъ людей Банты́ш-Каменскаго, т. 3 стр. 560 и слѣд.

ихъ, что видно изъ указа 2-го іюня того года. Содержаніе этого указа слѣдующее: «Господа сенатъ! въ прошломъ декабрѣ Я при отъѣздѣ своемъ начало учинилъ коллегіямъ и чтобы оныя въ нынѣшнемъ году себя въ такое состояніе привели, дабы съ будущаго 1719 года въ состояніи были каждая дѣло свое зачать, а когда возвратился Я изъ Москвы, тогда нашелъ въ нѣкоторыхъ немного, а въ иныхъ ничего, того ради г.г. президентамъ накрѣпко нынѣ подтверждается, дабы коллегіи свои съ ревностію дѣла производили (понеже сей уже другой указъ), для котораго побужденія приказали Мы генералъ-маіору Ягужинскому въ коллегіяхъ часто сей нашъ указъ напоминать, побуждать и смотрѣть, также по вся мѣсяцы рапортовать Себѣ, сколько которая коллегія въ который мѣсяцъ авансировала, дабы видѣть ревностнаго и презорца. Сей указъ объявить всѣмъ президентамъ коллегіевъ» (1). Вѣроятно Ягужинскій съ честью выполнилъ и это новое порученіе Государя, потому что вслѣдъ за изданіемъ указа 1722 года января 12-го, которымъ установлялась должность генералъ-прокурора, Ягужинскій былъ возведенъ въ это почетное званіе. Передъ отъѣздомъ Своимъ въ Астрахань, Государь, представляя его сенаторамъ, сказалъ: «вотъ мое око, коимъ «Я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія, «что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ «показалось, что онъ поступаетъ противно Моимъ и государ«ственнымъ выгодамъ, вы однакожъ то исполняйте и, увѣдо «мивъ Меня о томъ, ожидайте Моего повѣленія».

Считаемъ не лишнимъ сказать тутъ нѣсколько словъ и объ обязанностяхъ, которыя возложены были тогда на генералъ-прокурора. Они были весьма многосложны и состояли главнымъ образомъ, какъ видно изъ указа 27 апрѣля 1722 года, въ наблюденіи: 1) за правильнымъ, безотложнымъ и законнымъ производствомъ дѣлъ и за дѣйствительнымъ исполненіемъ рѣшенныхъ; для этого генералъ-прокуроръ обязывался имѣть книгу, въ которой на одной сторонѣ вписывались со-

(1) Сенатское производство № кн. общ. 1363, част. 39, л. 81.

стоявшіеся указы, а на другой—время исполненія, а ежели въ исполненіе еще не приведено, то по какимъ причинамъ; 2) за справедливымъ и нелицемѣрнымъ рѣшеніемъ сената; ежели генералъ-прокуроръ усматривалъ что либо противное закону, то обязанъ былъ сдѣлать замѣчаніе и ежели его замѣчаніе не принималось въ уваженіе, то протестовать и остановить въ производствѣ, а между тѣмъ по дѣлу особенной важности немедленно доносить Государю, по дѣламъ же обыкновеннымъ доводить до свѣдѣнія Императора во время Его присутствія въ сенатѣ или въ недѣльныхъ вѣдомостяхъ; впрочемъ за ложное донесеніе генералъ-прокуроръ подвергался взысканію; 3) за служебнымъ отправленіемъ обязанностей прокурорами и фискалами, и кромѣ того 4) генералъ-прокуроръ долженъ былъ имѣть въ своемъ управленіи сенатскую канцелярію со всѣми ея служителями (1). Генералъ-прокуроръ обязанъ былъ постоянно присутствовать въ сенатѣ при докладѣ дѣлъ. По выслушаніи сенаторами доклада, позволялось имъ о рѣшеніи того или другаго дѣла переговорить между собою, для чего давался срокъ отъ получаса и даже до 3 часовъ. Для точнаго опредѣленія времени генералъ-прокуроръ имѣлъ всегда передъ собою песочные часы. По прочтеніи доклада, онъ тотчасъ ставилъ часы на столъ. Во время совѣщанія сенаторы могли вставать и совѣтываться одинъ съ другимъ, но когда изъ поставленныхъ на присутственномъ столѣ часовъ песокъ высыпался весь, они немедленно должны были садиться по мѣстамъ и подавать голоса, начиная съ младшихъ. По тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ не было яснаго постановленія закона, генералъ-прокуроръ предлагалъ сенату для разъясненія прежняго законоположенія и постановленія новаго. Помощникомъ генералъ-прокурору былъ оберъ-прокуроръ, который, за отсутствіемъ перваго, исправлялъ его должность. Тотъ и другой подлежали одному Высочайшему суду, а въ отсутствіе Государя только по важному преступленію, какъ напримѣръ измѣнѣ, сенатъ имѣлъ право арестовать

(1) Полн. собр. закон. т. VI № 3979.

ихъ и розыскивать, но безъ употребленія пытки, экзекуціи или наказанія. Генералъ-прокурору были подчинены прокуроры всѣхъ коллегій и надворныхъ судовъ. По дѣламъ неправильно рѣшеннымъ, они обязаны были протестовать и, остановя исполненіе, доносить немедленно генералъ-прокурору.

Дѣятельность Ягужинскаго при Петрѣ, какъ генералъ-прокурора, независимо отъ выполненія имъ оффиціальныхъ его обязанностей, къ сожалѣнію, мало извѣстна, по крайней мѣрѣ намъ не удалось открыть достаточныхъ для сего данныхъ. Въ сказаніяхъ Штелина о Петрѣ Великомъ сохранился только одинъ анекдотъ, относящійся къ этому времени. Вотъ его содержаніе: Государь, засѣдая однажды въ сенатѣ и выслушавъ докладъ о разныхъ воровствахъ, случившихся за нѣсколько до того дней, пришелъ въ такой гнѣвъ, что поклялся прекратить оныя и тотчасъ сказалъ генералъ-прокурору Ягужинскому: «сей часъ напиши отъ моего имени указъ во все государство такого содержанія, что если кто и на столько украдетъ, что можно купить веревку, тотъ, безъ дальнѣйшаго слѣдствія, повѣшенъ будетъ». Генералъ-прокуроръ, выслушавъ такое строгое повелѣніе, взялся было уже за перо, но, нѣсколько поудержавшись, отвѣчалъ Государю: «подумайте Ваше Величество, какія слѣдствія будетъ имѣть такой указъ?» «Пиши, прервалъ Государь, что я тебѣ приказалъ.» Ягужинскій все еще писалъ и наконецъ съ улыбкою сказалъ Монарху: «Всемилостивѣйшій Государь! неужели Ты хочешь остаться императоромъ одинъ, безъ служителей и подданныхъ? Всѣ мы воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ болѣе и примѣтнѣе, нежели другой.» Государь, добавляетъ Штелинъ, услыхавъ такой отвѣтъ, разсмѣялся и замолчалъ.

Можно, впрочемъ, съ достовѣрностію предполагать, что занимая столь важный постъ, Ягужинскій оправдалъ довѣріе Монарха, ибо непереставалъ пользоваться его милостями. Такъ 7-го мая 1724 года, въ день коронованія Императрицы Екатерины Алексѣевны, Государь наградилъ его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго и въ томъ же году сдѣлалъ капита-

помъ вновь учрежденной кавалергардской роты, родоначальницы нынѣшняго кавалергардскаго полка. Императрица Екатерина I за дѣятельное участіе, которое принималъ Ягужинскій въ возведеніи Ея на престолъ, пожаловала его графомъ россійской имперіи. Тогда же онъ былъ отправленъ на гродненскій сеймъ въ качествѣ полномочнаго министра для воспрепятствованія избранію въ курляндскіе герцоги саксонскаго принца Морица.

Ко времени царствованія Екатерины I относится и поданная Ягужинскимъ записка Императрицѣ «о состояніи Россіи». Въ ней говоритъ онъ о необходимости мѣръ, которыя «взять крайняя нужда настоитъ для внутренней и внѣшней цѣлости государства», совѣтуетъ Государынѣ затребовать порознь у всѣхъ министровъ мнѣнія объ этихъ мѣрахъ и представляетъ свое «очищая должность и совѣсть свою». Для внутренняго благосостоянія государства, пришедшаго въ разстройство по причинѣ неурожаевъ и большаго подушнаго сбора, тѣмъ болѣе, что не выключены изъ онаго бѣглые, умершіе и взятые въ 1719 году въ солдаты, а также престарѣлые, увѣчные и младенцы, «отъ которыхъ никакой работы нѣтъ», Ягужинскій предлагаетъ Государынѣ: во 1-хъ, убавить сборъ подушныхъ денегъ; убавка эта, по мнѣнію его, небудетъ обременительною и для содержанія войскъ, ибо по причинѣ мирнаго времени можно прекратить офицерамъ, находящимся съ командами внутри государства, выдачу прибавочнаго по новой табели жалованья, чрезъ что подушный сборъ сократится на 400-т. или 500-т. рублей; во 2-хъ, распустить по домамъ тѣхъ офицеровъ, въ которыхъ «неимѣется великая нужда,» а чрезъ это оставалось бы въ казнѣ ихъ жалованье; въ 3-хъ, назначить, согласно установленію Петра Великаго, одного изъ сенаторовъ для постоянныхъ объѣздовъ всѣхъ провинцій въ государствѣ—этимъ пресѣклось бы воровство и соблюдалась бы правильность въ сборѣ подушныхъ денегъ, «а пока сіе въ дѣйство не будетъ произведено,» замѣчаетъ Ягужинскій, «то ни страху, ни порядку въ провин-

ціяхъ не будетъ»; въ 4-хъ, озаботиться о выборѣ новаго генералъ-фельдцейхмейстера, ибо прежній, по словамъ автора записки, «уже ослабѣлъ, а артиллерія не малый аппартаментъ въ государствѣ»; въ 5-хъ, учредить особую коллегію для ревизіи счетовъ и взысканія государственныхъ доходовъ; въ 6-хъ, имѣть попеченіе о коммерціи, которая нынѣ, говоритъ Ягужинскій, «въ такомъ слабомъ состояніи, что едва нужный человѣкъ въ ней есть, и тарифу, которую Его Императорское Величество опробовать изволилъ, и та сочинена у нихъ и вписана была въ сенатъ для опробаціи; въ сенатѣ же люди купечества такъ искусны, какъ я кузнечнаго дѣла; и тако не диво, хотябъ что и просмотрѣно было въ тарифѣ. А по дѣйству тарифскому является нынѣ, что не безъ страсти было сочиненіе, понеже портовые служители, какія по тарифу людемъ обиды чинятъ, то всѣмъ извѣстно, и тако о семъ дѣлѣ попеченіе имѣть надлежитъ и непорядочнымъ продолженіемъ иностранное бы купечество не отогнать.» Внѣшняя опасность для государства, по мнѣнію Ягужинскаго, представляется и со стороны Персіи, «каковому дѣлу», говоритъ онъ, «положить планъ настоитъ необходимая и время потерпящая нужда,» и со стороны калмыковъ и башкирцевъ, которыхъ онъ ставитъ опаснѣйшими Персіи, ибо «и прочіе пограничные народы съ ними или они съ тѣми совокупясь, пакости починятъ неудобъ поправляемы.» Далѣе, вспомнивая слова Петра Великаго, произнесенныя имъ 22-го октября 1721 года, въ троицкой церквѣ своимъ министрамъ, по случаю заключенія мира съ Швеціей, въ коихъ государь выразилъ желаніе, чтобы россійское оружіе, по примѣру греческаго, никогда не ослабѣвало, Ягужинскій прибавляетъ, что въ настоящее время всѣмъ вѣрнымъ слугамъ государства надлежитъ поступать и разсуждать такъ, чтобы предохранить отечество отъ вышеприведенныхъ имъ опасностей. Въ заключеніе авторъ записки нижайше проситъ государыню, что если угодно будетъ ей принять настоящее его «дерзновенное предложеніе», то, не объявляя о семъ,

требовать письменно по сему предмету мнѣній, отъ кого Ея Величество заблагоразсудитъ (1).

Затѣмъ, въ царствованіи Петра II, Ягужинскій получилъ званіе оберъ-шталмейстера. По кончинѣ сего Императора, когда верховный тайный совѣтъ предлагалъ корону герцогинѣ курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, подъ условіемъ ограниченія самодержавной власти, Ягужинскій немедленно сталъ дѣйствовать въ пользу Императрицы, тайно извѣстивъ ее о преступныхъ замыслахъ совѣта и умножая въ Москвѣ число ея приверженцевъ. За это Императрица Анна, по принятіи ею самодержавія, 25-го февраля 1730 года пожаловала его сенаторомъ и наградила многими деревнями. Но въ слѣдующемъ году, по случаю распри съ Бирономъ, Ягужинскій былъ удаленъ отъ двора и назначенъ посланникомъ въ Пруссію, гдѣ и находился до 1735 года. По возвращеніи въ этомъ году изъ Берлина, Императрица назначила его кабинетъ-министромъ (2) и именнымъ указомъ 23-го сентября повелѣла производить ему жалованье противу другихъ кабинетъ-министровъ по 6000 рублей въ годъ (3). До 1735-го года, надо полагать, носилъ графъ Ягужинскій и званіе генералъ-прокурора, ибо указомъ 1730-го года октября 2-го велѣно исправлять ему должность генералъ-прокурора до назначенія особаго лица, но назначенія этого не послѣдовало, что и продолжалось до кончины Ягужинскаго въ 1736 году, а затѣмъ должность генералъ-прокурора оставалась праздною до 1740 года, т. е. до опредѣленія въ генералъ-прокуроры князя Трубецкаго. Предположеніе это подтверждаютъ подлинныя дѣла сената, изъ коихъ видно, что въ періодѣ времени съ 1735 по 1740 годъ дѣлали предложенія сенату одни оберъ-прокуроры. Въ достоинствѣ кабинетъ—министра Ягу-

(1) Чтен. общ. истор. и древн. росс. 1860 г. кн. 4, стр. 269-273. Вѣроятно вслѣдствіе этой записки Ягужинскаго послѣдовалъ 9-го января 1727 года именный указъ, о дозволеніи всѣмъ свободной торговли у города Архангельска съ платою прибавочныхъ на товары внутреннихъ пошлинъ. Пол. собр. зак. т. XII, № 5000.

(2) Книга сенат. производ. № 2080 стр. 21; имен. ук. 1735 г. мая 2.

(3) Сенатск. дѣлопроизвод. № кн. общ. 1732, част. 137; лист. 1526.

жинскій и скончался 6 апрѣля 1736 года. Онъ погребенъ въ невскомъ монастырѣ, на лѣвомъ крылосѣ нижней церкви. Содержаніе надписи на грабницѣ слѣдующее: «Въ семъ освященномъ храмѣ погребено тѣло въ Богѣ уснувшаго высокосіятельнѣйшаго графа, генералъ-аншефа, россійскихъ орденовъ кавалера, генералъ-прокурора, оберъ-шталмейстера и кабинетнаго министра Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, также конной лейбъ-гвардіи подполковника, графа Павла Ивановича Ягужинскаго. Его сіятельство скончался въ С.-Петергургѣ 1736 года апрѣля въ 6-й день, въ началѣ 53-го лѣта славы и вѣчной памяти достойной жизни своея (1).

Ягужинскій былъ женатъ два раза: съ первою супругою онъ развелся въ 1722 году, по причинѣ ея «задумчиваго и страннаго права»; она была по царскому повѣленію заключена въ одинъ изъ московскихъ монастырей. Вторая жена его была дочь великаго канцлера Головкина, фрейлина, графиня Анна Гавриловна. Ягужинскій женился на ней по волѣ Государя. Императрица Екатерина I-я въ 1725 году пожаловала ее въ статсъ-дамы. Овдовѣвъ, Ягужинская вышла въ маѣ 1743 года замужъ за оберъ-гофмаршала графа М. П. Бестужева-Рюмина, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, за участіе въ заговорѣ противъ Императрицы Елисаветы, была наказана кнутомъ и, по урѣзаніи языка, сослана въ Сибирь. Она пользовалась славой лучшей танцовщицы во всемъ Петербургѣ, была высока ростомъ, имѣла прекрасный станъ и отличалась пріятностію въ обхожденіи (2).

Обладая свѣтлымъ умомъ, блестящими способностями, графъ Ягужинскій кромѣ того извѣстенъ какъ весьма ловкій царедворецъ. Не будучи временщикомъ, онъ, между тѣмъ, исключая неравной борьбы съ Бирономъ, постоянно умѣлъ пользоваться расположеніемъ государей. Особенно, по свидѣтельству современниковъ, благоволилъ къ нему Петръ Великій.

---

(1) Истор. географ. и топогр. описаніе С.-Петербурга, 1779 г. ст. 379 изд. Рубаноли.

(2) Словарь достопамят. людей Бантыш-Каменскаго, част. 1, стр. 130-133, изд. 1836 г.

Много объ этомъ подробностей сообщаетъ Берхгольцъ въ извѣстномъ дневникѣ своемъ. Такъ напримѣръ онъ разсказываетъ о томъ, что самъ Государь почтилъ въ 1723-мъ году своимъ присутствіемъ свадьбу «императорскаго фаворита», какъ называетъ Берхгольцъ Ягужинскаго, съ дѣвицею Головкиною, дочерью вице-канцлера, что на свадьбѣ этой присутствовала и Императрица съ принцесами и придворными дамами. Въ слѣдующемъ году крестнымъ отцомъ у новорожденнаго Ягужинскаго былъ герцогъ Голштингъ-Готторпскій, женихъ одной изъ дочерей Петра. На крестинахъ также присутствовали члены Императорскаго дома. Государь, какъ видно изъ того же дневника Берхгольца, находилъ удовольствіе бывать у Ягужинскаго запросто, въ обществѣ избранныхъ. Такъ однажды, когда Государь былъ у него на васильевскомъ острову, произошелъ пожаръ. Его Величество тотчасъ отправился туда и потомъ, когда огонь потушили, воротился опять къ Ягужинскому. Въ собравшемся тамъ маленькомъ обществѣ, замѣчаетъ Берхгольцъ, было очень весело (1).

Здѣсь мы считаемъ нелишнимъ помѣстить два документа, первый — краснорѣчивый разсказъ о графѣ Ягужинскомъ леди Рондо, супруги англійскаго резидента при россійскомъ дворѣ въ царствованіе Анны Іоанновны, также, какъ и Берхгольцъ, современной о немъ писательницы, второй — прошеніе, поданное этой же государынѣ, женою графа Ягужинскаго.

Вотъ что говоритъ о Ягужинскомъ леди Рондо: графъ Ягужинскій весьма красивый мужчина; лицо его хотя неотличается правильностію, но исполнено величія, живости и выраженія. Въ обхожденіи свободенъ, даже небреженъ, и что въ другомъ показалось бы недостаткомъ воспитанія, то въ немъ весьма естественно, такъ что никто не можетъ быть имъ недоволенъ. Владѣя такою свободою въ обращеніи, что каждое дѣйствіе его кажется какъ будто случайнымъ, онъ имѣетъ преимущество привлекать къ себѣ взоры всѣхъ, и какъ бы ни велико было собраніе, онъ кажется первою осо-

(1) Дневн. Берхгольца т. III, стр. 251-253 и т. IV, ст. 99-101.

бою, одаренъ умомъ высокимъ, разсудительностію и живостію, которая такъ ясно выражается во всемъ, что кажется исключительно составляетъ его характеръ; въ самомъ дѣлѣ, онъ въ одинъ день дѣлаетъ столько дѣлъ, сколько другой не можетъ сдѣлать въ недѣлю. Если кто проситъ у него покровительства, то отказываетъ прямо, если не можетъ оказать его: «я не могу вамъ служить», отвѣчаетъ онъ, «потому и потому»; если не можетъ рѣшиться вдругъ, то назначаетъ просителю время для отвѣта и тогда отвѣчаетъ: «я буду стараться по такой и по такой причинѣ». Но если онъ уже обѣщаетъ что нибудь принять на себя, то скорѣе умретъ, нежели нарушитъ обѣщаніе. Выражаетъ свои мысли свободно, безъ лести, предъ самыми высшими сановниками. Если первый сановникъ имперіи поступаетъ несправедливо, то онъ порицаетъ его съ такою же свободою, какъ и низшаго чиновника. Это на его мѣстѣ такъ опасно, что за него не могутъ не трепетать его друзья. Теперь его особенно боятся высшіе чиновники, потому что его приговоры хотя справедливы, но весьма строги и всѣхъ приводятъ въ страхъ. Весьма къ немногимъ онъ питаетъ дружество, хотя весьма многимъ оказываетъ услуги. Но къ тому, кто однажды пріобрѣлъ его расположеніе, онъ всегда останется вѣрнымъ другомъ. Ничто не можетъ разорвать ихъ любви, развѣ когда онъ ясно убѣдится, что удостоенный имъ дружества не стоитъ его. Онъ старается избѣгать тягостныхъ церемоній, необходимыхъ по его мѣсту, и любитъ обѣдать въ кругу своей фамиліи съ какимъ нибудь своимъ другомъ. Тогда онъ самый занимательный собесѣдникъ, какого гдѣ либо встрѣтить можно. Я разскажу вамъ примѣръ его человѣколюбія, изъ котораго вы лучше узнаете этого отличнаго человѣка, нежели изъ моего описанія. Обѣдая однажды съ нами (точно такъ, какъ я описала выше (*)—честь, которую онъ оказываетъ намъ изъ дружества къ Г. Р. и расположенія ко мнѣ) онъ слышалъ, что я упоминаю съ участіемъ и состраданіемъ объ одномъ несчастномъ человѣкѣ (лишившемся милости императрицы и

(*) *Примѣч.* т. е. въ предъидущихъ этому письмахъ.

заключенномъ въ тюрьму); я не стала распространяться болѣе объ этомъ дѣлѣ, боясь оскорбить его, потому что онъ пришелъ къ намъ отдыхать отъ дѣлъ. Но спустя нѣсколько минутъ, сказалъ мнѣ: «матушка (такъ онъ всегда звалъ меня) я постараюсь объ немъ, только теперь не могу». По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, я искала случая напомнить ему объ его обѣщаніи, которое онъ, казалось, забылъ. Но онъ приходитъ ко мнѣ въ день рожденія императрицы и объявляетъ, что этому человѣку возвращена свобода и должность. Онъ сказалъ мнѣ при этомъ: я люблю васъ за сострадательное сердце, надѣюсь, я доставилъ вамъ живѣйшую радость, избавивъ человѣка отъ несчастія; не бойтесь обращаться ко мнѣ съ подобными просьбами и не питайте той недовѣрчивости, какую вы мнѣ показали въ то время». Онъ былъ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Петра I-го, который обыкновенно называлъ его «своимъ глазомъ», потому что, говорилъ онъ, «если что нибудь осмотритъ Павелъ, то, я знаю, это такъ вѣрно, какъ будто бы я самъ видѣлъ» (1).

Разсказъ леди Рондо о Ягужинскомъ въ общихъ чертахъ подтверждается и свидѣтельствомъ испанскаго посла при русскомъ дворѣ, французскаго маршала, герцога де Лирія (Jacques Fitz James, duc de Berwick et de Liria). Въ запискахъ своихъ онъ говоритъ, что Ягужинскій былъ человѣкъ умный, способный, смѣлый, рѣшительный, другъ искренній, врагъ явный (*).

(1 Выписано изъ письма леди Рондо, изд. 1836 г. въ С.-Петербургѣ, стр. 99, 100 и 101.

(*) *Примѣч.* Совершенно не такимъ представляетъ Ягужинскаго мужъ леди Рондо въ недавно открытой Г. Ю. Толстымъ въ лондонскомъ королевскомъ архивѣ запискѣ подъ заглавіемъ: «характеры нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ» (characters of some Russian noblemen). Ягужинскій, говоритъ резидентъ Рондо, сынъ органиста при лютеранской церкви въ Москвѣ, обязанъ всѣми своими успѣхами въ жизни красивой наружности; за нее взялъ его къ себѣ въ пажи Головинъ, а потомъ въ камеръ-пажи Петръ Великій. Не отрицая, далѣе, въ Ягужинскомъ способностей, соединенныхъ съ живымъ и дѣятельнымъ умомъ, Рондо прибавляетъ, что онъ не имѣлъ необыкновенныхъ дарованій, но придворная жизнь придала ему учтивость въ обращеніи. Ягужинскаго можно бы любить, по словамъ Рондо, за доброе сердце, если бы природная вспыльчивость, очень часто воспламеняемая неумѣренностію въ напиткахъ, не лишала его власти надъ разсудкомъ, не побуждала ругать своихъ лучшихъ друзей и разглашать самыя важныя тайны. Слѣдующимъ заключені-

Содержаніе прошенія, поданнаго Аннѣ Іоанновнѣ женою Ягужинскаго, слѣдующее: въ прошломъ 719 году Его Императорское Величество Всемилостивѣйшій Государь Петръ Великій пожаловалъ мужу моему, нижайшей, для исправленія домовыхъ его, мужа моего, дѣлъ, изъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полку солдата Ивана Елагина, который при мужѣ моемъ и былъ солдатомъ по 1731 годъ, а въ 1731 году оный Елагинъ, по указу Вашего Императорскаго Величества, отъ военной коллегіи пожалованъ флигель-адъютантомъ, а въ 735-мъ году генералъ-адъютантомъ и былъ по должности своей при немъ же, мужѣ моемъ, по кончину, а по кончинѣ мужа моего осталась я нижайшая съ малолѣтными своими дѣтьми и за своими болѣзьми, а дѣти мои за малолѣтствомъ домовыхъ своихъ дѣлъ править не можемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, прошу Вашего Императорскаго Величества да повелитъ Ваше державство для управленія домовыхъ моихъ дѣлъ Всемилостивѣйше пожаловать повелѣть быть показанному генералъ-адъютанту Елагину.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшая раба Анна Ягужинская.

На подлинномъ прошеніи написано тако:

Оному генералъ-адъютанту Елагину указали мы домъ покойнаго генерала графа Ягужинскаго вѣдать и управлять по прежнему (1).

Подъ тѣмъ подписано Ея Императорскаго Величества собственною рукою тако: Анна. Декабря 10 дня 1736 года.

емъ заканчиваетъ англійскій резидентъ характеристику перваго генералъ-прокурора нашего: въ трусости ему нѣтъ равнаго; въ расточительности онъ не знаетъ предѣловъ; онъ растратилъ огромное богатство своей жены, не говоря уже о значительныхъ подаркахъ, которые онъ получилъ въ Россіи и изъ чужихъ краевъ, состоя на жалованьи у датскаго двора и у императора римскаго. Всѣ эти извѣстія противорѣчатъ другимъ историческимъ свидѣтельствамъ, въ особенности послѣднее.—Ягужинскій тѣмъ представленъ образцемъ безкорыстія неподкупности (чт. общ. ист. и древ. 1861 г. т. 2 стр. 8).

(1) Кн. сенат. производ. № общ. 1716, част. 187, № прошенія 1813.

Примѣч. графъ Ягужинскій имѣлъ домъ, кромѣ с.-петербургскаго, въ Москвѣ на знаменкѣ (дѣл. сен. № 1871 лист. 29).

II.

КНЯЗЬ НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ ТРУБЕЦКІЙ.

Князь Никита Юрьевичъ Трубецкій родился въ 1700 году. Служебное поприще свое началъ деньщикомъ Петра Великаго. Въ этой должности встрѣчаемъ его въ годъ заключенія ништадскаго мира (1721 г.). Вотъ что писалъ тогда о немъ Берхгольцъ: «этотъ молодой человѣкъ пользуется расположеніемъ царя. Онъ говоритъ по нѣмецки и вообще довольно хорошо образованъ» (1). Въ 1722 году Трубецкій поступилъ сержантомъ въ преображенскій полкъ. Императрица Екатерина I-я, по восшествіи на престолъ, пожаловала его камеръ-юнкеромъ; въ 1730 году онъ былъ уже генералъ-маіоромъ и подпоручикомъ кавалергардскаго полка. Вскорѣ началась война съ Польшею за курфирста саксонскаго Августа, у котораго оспаривалъ престолъ Станиславъ Лещинскій. Трубецкій участвовалъ въ этой войнѣ въ качествѣ генералъ кригсъ-коммисара. Эту же должность занималъ онъ во время турецкой войны 1736-1739 годовъ, и хотя, по словамъ современниковъ, не обнаружилъ способностей военнаго администратора, но при

(1) Magasin jur die neue Historie 19. 20. Записки Порошина 75 ст.

всемъ томъ получилъ въ 1737 году чинъ генералъ-лейтенанта; въ 1738 году утвержденъ въ должности генералъ кригсъ-коммисара и назначенъ президентомъ военной коллегіи, а по заключеніи мира съ Турціею императрица возложила на него въ 1740-мъ году орденъ Св. Александра невскаго и опредѣлила губернаторомъ въ Сибирь, но князь Трубецкій умѣлъ «кстати», какъ замѣчаетъ Бантышъ-Каменскій, отказаться отъ этой должности (1), вѣроятно имѣя въ виду пріобрѣсть болѣе отличій на другомъ поприщѣ, что вскорѣ и оправдалось.

Именнымъ указомъ 13 апрѣля 1740 года, для изслѣдованія преступленій кабинетъ-министра А. П. Волынскаго, учреждена была коммисія, которая состояла изъ слѣдующихъ членовъ: полныхъ генераловъ: Григорья Чернышева, Андрея Ушакова, Александра Румянцева; генералъ-поручиковъ: князя Никиты Трубецкаго, Михаила Хрущева и князя Василья Рѣпнина; тайныхъ совѣтниковъ: Василья Новосильцева и Ивана Неплюева, генералъ-маіора Петра Шипова. Засѣданія происходили въ итальянскомъ дворцѣ. Къ исправленію секретарской должности назначены: изъ тайной канцеляріи ассессоръ Хрущевъ, изъ военной коллегіи секретарь Рудинъ и изъ доимочной при сенатѣ коммисіи секретарь Даналовъ. Того же 13-го апрѣля данъ былъ на имя коммисіи указъ, въ которомъ, между прочимъ, изображено: «понеже оберъ-егермейстеръ Волынскій дерзнулъ намъ своей самодержавной Императрицѣ и Государынѣ, якобы намъ въ ученіе и наставленіе нѣкоторое важное и въ генеральныхъ многому толкованію подлежащихъ терминахъ, сочиненное письмо подать . . также де дерзнулъ, въ недавнемъ времени, къ явному собственному Высочайшаго нашего достоинства оскорбленію во дворцѣ нашемъ и въ самыхъ покояхъ, гдѣ его свѣтлость, владѣющій герцогъ курляндскій, пребываніе свое имѣетъ, неслы-

(1) Словарь дост. люд. Бантышъ-Каменскаго т. 5 стр. 165.

ханныя насильства производить и, сверхъ, того, многія другія въ управленіи дѣлъ нашихъ не малыя подозрительства въ непорядочныхъ его поступкахъ на него показаны и для должнаго и надлежащаго слѣдствія всего того сія коммисія отъ насъ всемилостивѣйше учреждена, того ради оригинальное вышеупомянутое письмо при семъ въ коммисію сообщается со всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ, чтобы опаго Волынскаго по приложеннымъ же при семъ пунктамъ допросить» и проч. Отсылая любопытствующихъ къ подробной запискѣ объ А. П. Волынскомъ, напечатанной въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей (1858 г. № 2 стр. 135—170), мы скажемъ здѣсь только, что главная причина преданія суду Волынскаго, какъ видно изъ помянутой записки, заключается въ ненависти къ нему Бирона, который на колѣняхъ, какъ милости, испрашивалъ этого у Императрицы, говоря: «либо ему быть, либо мнѣ» (ст. 143). Вѣроятно князь Трубецкій, въ угодность всесильному тогда Бирону, отличился въ качествѣ слѣдователя особенною дѣятельностію въ этой коммисіи, потому что онъ чрезъ нѣсколько дней послѣ назначенія членомъ коммисіи, 29 апрѣля 1740 года, пожалованъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-прокуроромъ (1). За тѣмъ, вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ княземъ Трубецкимъ, кабинетъ-министромъ княземъ Алексѣемъ Черкасскимъ, всѣми сенаторами, членами разныхъ коллегій, выборными отъ гвардіи и полиціи, князь Никита Юрьевичъ засѣдалъ въ генеральномъ собраніи, Высочайше учрежденномъ 19-го іюня 1740 года, для суда надъ Волынскимъ и его сообщниками.

Кромѣ награжденія чиномъ, возведенія въ новую почетную должность, князь Трубецкій не остался и безъ матеріальной награды. Такъ, вмѣстѣ съ Минихомъ, генераломъ, барономъ Густавомъ Бирономъ и не многими другими, между которыми

(1) Книг. сен. произ. № 2140, стр. 1.

было раздѣлено недвижимое имущество преступниковъ, князь Никита Юрьевичъ получилъ каменный домъ въ С.-Петербургѣ на мойкѣ, принадлежавшій сосланному въ соловецкій монастырь, по урѣзаніи языка, графу Мусину-Пушкину. Домъ этотъ отличался богатою мебелью, фарфоровыми издѣліями и другими предметами роскоши (чт. общ. ист. и древ. 1858 г. № 2 стр. 169).

Рядъ наградъ, полученныхъ княземъ Трубецкимъ за участіе въ осужденіи Волынскаго и другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, завершился слѣдующимъ опредѣленіемъ сената 6 сентября 1740 года, состоявшимся вслѣдствіе Высочайшаго указа: «дѣйствительному тайному совѣтнику, кавалеру и генералъ-прокурору князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому управлять дѣла по должности генералъ-прокурора въ учрежденной коммиссіи о Волынскомъ, а лейбъ-гвардіи въ преображенскомъ полку по маіорскому рангу въ полковыя дѣла ему не вступать, только числить его маіоромъ и караулъ потому его маіорскому рангу въ домъ къ нему посылать, а жалованье давать ему по его рангу по 3600 рублевъ на годъ, и то жалованье производить ему съ того числа, какъ онъ въ дѣйствительные тайные совѣтники пожалованъ, и о томъ лейбъ-гвардіи преображенскому полку въ полковую канцелярію и въ штатсъ-контору послать указы» (*).

Въ должности генералъ-прокурора князь Трубецкій остался и послѣ кончины Анны Іоанновны. Анна Леопольдовна не благоволила къ нему и это нерасположеніе правительницы послужило впослѣдствіи Трубецкому въ пользу: онъ не лишился своего важнаго поста и по вступленіи на престолъ Елисаветы. При немъ правительствующій сенатъ, власть котораго со втораго года царствованія Екатерины I-й была совершенно парализирована первоначально верховнымъ тай-

(*) Дѣла сенат. № 1791 лист. 71.

нымъ совѣтомъ, а потомъ кабинетомъ министровъ, снова возведенъ былъ на ту степень, на каковой находился при Петрѣ Великомъ. 12 декабря 1741 года послѣдовалъ именный указъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось: «такъ какъ произошло многое упущеніе въ дѣлахъ внутреннихъ всякаго рода, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло, а потому въ отвращеніе бывшихъ до сего времени безпорядковъ повелѣваемъ быть сенату въ прежде бывшей силѣ, а въ отношеніи управленія внутренними дѣлами государства пользоваться властію, дарованною ему указами Петра 1-го». Далѣе поручалось сенату составить реэстръ всѣхъ указовъ, до селѣ вышедшихъ въ предшествовавшія царствованія, а тѣ указы, которые съ состояніемъ сего настоящаго времени не сходны и пользѣ государственной противны — уничтожить. Избрано 11 человѣкъ сенаторовъ изъ лицъ знатнѣйшихъ фамилій; имъ предоставлено было право доносить безъ всякаго пристрастія о злоупотребленіяхъ въ государствѣ и о нарушителяхъ закона имъ извѣстныхъ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ по очереди присутствовать въ сенатской конторѣ. Оберъ-прокуроромъ сената назначенъ былъ дѣйствительный камергеръ Иванъ Брылкинъ (1). Генералъ прокурору подчиненъ былъ и оберъ-прокуроръ святѣйшаго сунода. По силѣ данной ему инструкціи онъ обязанъ былъ доносить генералъ-прокурору о нарушеніи генеральнаго регламента и вообще о всѣхъ противныхъ дѣйствіяхъ членовъ сунода, какъ то видно изъ рапорта Трубецкому отъ 12 января 1743 года, тогдашняго оберъ-прокурора сунода князя Шаховскаго (*). На генералъ-проку-

(1) Полн. собр. зак. т. XI, № 8480.

(*) № кн. общ. 6, част. 6, лист. 8—11. Вотъ содержаніе этого рапорта: въ 1742 году состоялось въ сунодѣ по сношеніи съ сенатомъ опредѣленіе о переводѣ, по причинѣ ветхости, петербургской троицкой церкви въ сунодальный домъ на с.-петербургскомъ островѣ и о перемѣщеніи находящейся тамъ канцеляріи сунода въ построенный для сего по указу Императора Петра I-го домъ на васильевскомъ островѣ. Между тѣмъ въ началѣ 1743 года оберъ-про-

рора же возложенъ былъ надзоръ за юнкерами, получавшими юридическое образованіе въ школахъ, учрежденныхъ при сенатѣ и коллегіяхъ. Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, при которыхъ юнкера обучали ь дѣлопроизводству или состояли въ различныхъ должностяхъ, неисключая секретарей, предписано было рапортовать по третямъ года генералъ-прокурору объ ихъ успѣхахъ, поведеніи и способности къ дѣламъ (указ. 1754 г. январ. 12, № 10172). Въ послѣдствіи времени таковыя вѣдомости доставлялись генералъ-прокурору еженедѣльно (дѣл. сен. №: общій 1841, част. 281, лист. 229). Прокуроры коллегіальные и губернскіе должны были представлять къ генералъ-прокурору третныя вѣдомости о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, равно и о содержащихся подъ стражею, а также и о наличномъ числѣ чиновъ каждаго мѣста (дѣл. генер. прокур. 1740 г. № 1 лист. 390 и 815).

Въ обрядности производства дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ въ документахъ, относящихся ко времени нахожденія князя Трубецкаго въ должности генералъ-прокурора, встрѣчаемъ мы слѣдующее обстоятельство: при докладѣ дѣлъ генералъ-про-

---

курору сунода, князю Шаховскому, принесено было секретаремъ сунодальной канцеляріи письменное предложеніе суноду первенствующаго члена его, новгородскаго архіепископа Амвросія, которымъ послѣдній объявлялъ, что Ея Величество соизволила указать сунодальной канцеляріи быть по прежнему на с.-петербургскомъ островѣ. Вслѣдствіе сего оберъ-прокуроръ чрезъ экзекутора пригласилъ всѣхъ сунодальныхъ членовъ въ канцелярію, перемѣщенную уже на васильевскій островъ, для учиненія опредѣленія по силѣ генеральнаго регламента относительно перевода той канцеляріи опять на прежнее мѣсто. Но большая часть второстепенныхъ членовъ отказались явиться, увѣдомляя, что уже подписали опредѣленіе о семъ перемѣщеніи канцеляріи, составленное епископомъ псковскимъ и суздальскимъ. Оберъ-прокуроръ, принимая во вниманіе, что означенное опредѣленіе, вопреки регламенту и указамъ, сочинено и подписано не въ указномъ присутственномъ мѣстѣ, а въ домѣ ипатскаго архимандрита и при томъ безъ вѣдома оберъ-прокурора, снова пригласилъ членовъ сунода въ канцелярію и вторично получилъ отказъ. Тогда онъ объяснилъ о семъ архіепископу новгородскому, который, признавая поступки прочихъ членовъ сунода противузаконными, тотчасъ же поѣ-

куроръ или оберъ-прокуроръ спрашивали у наличнаго просителя о томъ, не имѣетъ ли онъ подозрѣнія на кого либо изъ сенаторовъ, на генералъ-прокурора, оберъ-прокурора, генералъ-рекетмейстера и секретаря, у коихъ въ производствѣ было дѣло; по полученіи отзыва дѣло слушалось. Потомъ у просителя спрашивалось: «всели чтено». Послѣ дачи отзыва, проситель удалялся изъ присутствія, тогда читалась сенаторамъ присяга, а по подписаніи ея начиналось совѣщаніе по дѣлу и собираніе голосовъ (дѣл. сен. 1746 г. № част. 368, общ. 2249, лист. 126 и 127 и № част. 334 общ. 2215, лист. 91). Обыкновеніе это указомъ сената 28 ноября 1760 года получило силу института обязательнаго, съ нѣкоторыми впрочемъ противъ прежняго измѣненіями. Такъ помянутымъ указомъ челобитчикамъ вмѣнено было въ обязанность давать подписки послѣ выслушанія ими доклада ихъ дѣлъ въ сенатѣ въ томъ, что они не имѣютъ никакого подозрѣнія на секретарей, что все дѣло ими читано и всѣ обстоятельства и документы въ ономъ изъяснены и что всѣмъ тѣмъ они (челобитчики) довольны (указ. сен. ноября 28, 1760 г. полн. собр. зак. № 11151).

халъ во дворецъ для донесенія о помянутыхъ безпорядкахъ Ея Величеству, но не успѣвъ въ тотъ день увидѣть Государыню, отправился въ сунодальную канцелярію, приказавъ собраться туда и прочимъ членамъ для составленія, согласно съ законами, опредѣленія. Архіепископъ суздальскій отказался подписать его, ссылаясь на то, что онъ уже подписалъ одно опредѣленіе по тому же предмету. Обо всемъ этомъ князь Шаховскій и счелъ нужнымъ рапортовать генералъ-прокурору Трубецкому, для донесенія Ея Величеству: «дабы освященнаго мѣста члены, отъ которыхъ образъ кротости и всякаго благочинія, для утвержденія и другихъ, происходить долженъ, означенными своевольными поступками должность мою въ пренебреганіе, а въ произвожденіе по надлежащему порядку дѣлъ помѣшательства чинить и впредь бы поводу не имѣли». 13-го января того же года князь Трубецкій увѣдомилъ Шаховскаго, что въ потребное время онъ доложитъ Ея Величеству о всѣхъ обстоятельствахъ, изложенныхъ въ рапортѣ Шаховскимъ, а между тѣмъ немедленно предписывалъ ему перевести сунодальную канцелярію съ васильевскаго на с.-петербургскій островъ.

Княземъ Трубецкимъ, какъ генералъ-прокуроромъ, даны были три слѣдующіе приказа канцеляріи сената съ подчиненными ей конторами: 1) 1744 года февраля 20-го о томъ, въ которомъ часу являться въ присутствіе оберъ-секретарямъ, секретарямъ, экзекутору и канцелярскимъ служителямъ и о штрафованіи ихъ вычетами изъ жалованья за неисполненіе сего приказа (1); 2) въ 1749 году мая 17, о строжайшемъ запрещеніи входить въ сенаторскую палату во время совѣщаній посторонним лицамъ, а должностнымъ, не въ назначенные дни или не по дѣлу, кромѣ сенаторовъ, оберъ-прокурора, оберъ-секретаря, секретарей и протоколиста (2); 3) 1753 іюня 26, о надзорѣ за канцелярскими служителями въ томъ, чтобы они не принимали на себя ходатайства по разнымъ посторонним дѣламъ (3).

Кромѣ того къ дѣятельности князя Трубецкаго, какъ генералъ-прокурора, относятся еще два слѣдующія постановленія:

а) Журналъ 1740 года іюля 31, коимъ установлены слѣдующія правила для доклада дѣла въ сенатѣ: 1) журналы и протоколы минувшаго дня непремѣнно должны быть изготовлены и по подписаніи ихъ оберъ-секретаремъ положены на столъ генералъ-прокурора для пропуска на слѣдующій день; когда отъ него сданы будутъ они протоколисту читать ихъ въ собраніи сенаторамъ и предлагать къ подписанію прежде всякаго доклада; 2) по подпискѣ журналовъ и протоколовъ оберъ-секретарь немедленно долженъ былъ докладывать по полученнымъ именнымъ Высочайшимъ указамъ и кабинетскимъ резолюціямъ, объяснивъ объ нихъ прежде генералъ-прокурору; 3) затѣмъ входили съ

(1) Книг. приказ. канц. сен. № 117 л. 65, 66.

(2) Книг. приказ. 1745—1760 г. № 117 л. 27—29.

(3) Книг. приказ. 1746—1760 г. № 117 л. 19—21.

докладомъ тѣ секретари, дѣла коихъ назначались по реестру, предварительно просмотренному генералъ-прокуроромъ, въ тотъ день къ слушанію; 4) послѣ 12-ти часовъ допускался въ присутствіе сената герольдмейстеръ; 5) прочимъ секретарямъ, а также генералъ-рекетмейстеру и герольдмейстеру не въ докладные дни въ судейскую камору входить воспрещалось; въ случаѣ же важности встрѣтиться могущаго обстоятельства, требовавшаго немедленнаго распоряженія, испрашивалось на это разрѣшеніе генералъ-прокурора; 6) дабы поставить просителей въ извѣстность о ходѣ ихъ дѣлъ, помянутымъ журналомъ установлено выставлять наклеенные на доскахъ билеты при дверяхъ входа на сенатскую лѣстницу внизу и также вверху на стѣнѣ сенатскаго крыльца, въ коихъ объяснялось, въ который день, кому изъ секретарей и по какимъ дѣламъ назначалось докладывать (1).

б) Предложеніе 1743 года ноября 14-го, данное Трубецкимъ сенату, вслѣдствіе именнаго указа, состоявшагося во время личнаго присутствія Государыни въ семъ учрежденіи 9-го ноября того года, о томъ, чтобы сенаторы немедленно приступили къ разсмотрѣнію послѣдовавшихъ по кончинѣ Императора Петра Великаго указовъ, касающихся до наслѣдства и до выкупа заложенныхъ деревень, и за тѣмъ, составивъ «ясный» указъ, поднесли къ Ея Величеству на апробацію. Для скорѣйшаго окончанія такого «весьма нужнаго» дѣла Трубецкій предлагалъ г.г. сенаторамъ: «прибавить нѣкоторые часы къ собранію и «положа дни съѣзжаться по полудни, хотя по дважды въ недѣлю» (2).

Въ званіи генералъ-прокурора князь Трубецкій находился до 15-го августа 1760 года, т. е. 20 лѣтъ, почти во все время царствованія Императрицы Елисаветы, пожа-

(1) Дѣла по произв. генер. прокур. № вязк. 1, лист. 53-55.

(2) Сен. производ. № книг. 4221, л. 361—363.

ловавшей его 25-го апрѣля 1742 года орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Въ 1756 году, по свидѣтельству Вейдемейера, Трубецкій, вмѣстѣ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ и графомъ Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ, возведенъ былъ въ достоинство генералъ-фельдмаршала (1). Онъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи для произведенія суда надъ графомъ Минихомъ, графомъ Остерманомъ и Головкинымъ (2), потомъ въ 1759 году надъ канцлеромъ графомъ Бестужевымъ (3).

Императоръ Петръ III очень любилъ Трубецкаго и даже пожаловалъ его полковникомъ преображенскаго полка. Онъ былъ однимъ изъ членовъ совѣта, собиравшагося ежедневно въ комнатахъ Государя подъ собственнымъ его предсѣдательствомъ, для разсужденія о дѣлахъ государственныхъ (4). Императрица Екатерина II, по вступленіи на престолъ, лишила Трубецкаго званія полковника преображенскаго полка, объявивъ ему, какъ разсказываетъ Бантышъ-Каменскій, «что желаетъ служить съ нимъ въ одномъ полку и увѣрена, что онъ уступитъ ей начальство надъ онымъ» (5). Затѣмъ Трубецкій переименованъ былъ подполковникомъ того полка, а 9-го іюня 1763 года уволенъ вовсе отъ службы по прошенію, съ полнымъ пенсіономъ, единовременнымъ награжденіемъ въ 50,000 рублей серебромъ и съ назначеніемъ ему почетнаго караула во время пребыванія его въ столицахъ. Скончался 16-го октября 1767 года. Онъ женатъ былъ два раза: въ первый разъ—на графинѣ Анастасіѣ Гавриловнѣ Головкиной, умершей

---

(1) Вейдемейеръ: цар. Елисаветы, изд. 1849 г. ч. 2 стр. 3. Бантышъ-Каменскій, пожалованіе Трубецкаго въ этотъ чинъ, относитъ къ царствованію Петра III, слов. достопр. люд. т. 5 стр. 166.

(2) Вейдемейеръ: цар. Елисаветы, ч. 1 стр. 4.

(3) Вейдемейеръ ч. 2 стр. 10.

(4) Вейдемейеръ: цар. Елисаветы, издан. 1849 года стр. 67, час. 2.

(5) Словарь достопр. людей т. 5 стр. 166.

въ 1735 году, а во вторый—на Аннѣ Даниловнѣ Херасковой, урожденной княжнѣ Друцкой (1).

Князь Трубецкій былъ весьма друженъ съ извѣстнымъ княземъ А. Д. Кантеміромъ, который посвятилъ ему седьмую свою сатиру. Кантеміръ описываетъ друга своего, «что онъ съ правомъ честнымъ, тихимъ, соединялъ совѣсть чистую». Когда до Кантеміра дошла вѣсть въ Парижъ (гдѣ онъ былъ чрезвычайнымъ посломъ), о назначеніи Никиты Юрьевича генералъ-прокуроромъ, князь прислалъ ему особое посланіе, въ которомъ описалъ, между прочимъ, и обязанность на него возложенную (2). Но за исключеніемъ Кантеміра, большая часть современниковъ отзываются не благосклонно о Трубецкомъ. Такъ князь Щербатовъ говоритъ, что князь Никита Юрьевичъ умѣлъ необыкновенно искусно льстить государынѣ и лестью привлекать на свою сторону ея любимца Разумовскаго.

Г. Семевскій, въ статьѣ своей: первый годъ царствованія Елисаветы Петровны (3), приводитъ слѣдующій разсказъ Финча, англійскаго резидента при тогдашнемъ дворѣ нашемъ: во время слѣдствія по дѣлу Миниха, Остермана и друг., Трубецкій допрашивалъ лично фельдмаршала и однажды укоряя его въ большой тратѣ людей при осадѣ Данцига, спросилъ: «чѣмъ можешь ты въ томъ оправдаться?—Продолжайте, отвѣчалъ Минихъ, читайте мнѣ и другіе вопросные пункты, я на все вдругъ отвѣчу». По прочтеніи ихъ, онъ произнесъ свое оправданіе съ убѣдительнымъ и сильнымъ краснорѣчіемъ, ссылаясь на донесенія, хранившіяся въ военной коллегіи. «Во всемъ этомъ, говорилъ покоритель Данцига, буду отвѣчать предъ судомъ Всевышняго. Тамъ конечно оправданіе мое бу-

(1) Россійск. родосл. книг. кн. Петра Долгорукова стр. 322.

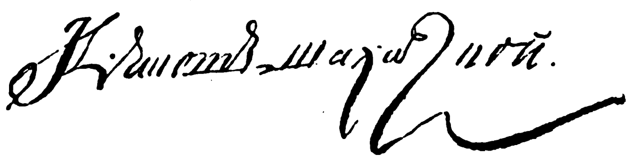
(2) Сочиненіе Кантеміра изд. А. Смирдина, 1847 года.

(3) Русск. слово 1859 г. № 6, стр. 279.

детъ лучше принято.» Въ одномъ только, по словамъ фельдмаршала, онъ долженъ былъ упрекать себя, что не подвергъ заслуженному наказанію Трубецкаго когда послѣдній, состоя въ должности генералъ-кригсъ-коммисара во время турецкой войны, былъ обвиненъ въ растратѣ казенныхъ денегъ. «Этого—заключилъ объясненія свои съ Трубецкимъ Минихъ—я себѣ не прощу и эта моя единственная вина». Разсказъ этотъ повторенъ и Вейдемейеромъ съ тою только разницею, что онъ не называетъ въ немъ Трубецкаго по фамиліи, а «однимъ изъ членовъ суда», и при томъ не указываетъ, откуда его заимствовалъ (1).

(1) Вейдемейеръ: цар. Елисаветы ч 1, стр. 8 примѣч.

Рис. А. [illegible]инъ Лит. К. Эрготъ



III.

КНЯЗЬ ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ ШАХОВСКІЙ.

Князь Яковъ Петровичъ Шаховскій родился въ октябрѣ 1705 года. На 14-мъ году отъ рожденія онъ вступилъ лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ солдатомъ и исправлялъ въ немъ дѣйствительную службу до офицерскаго званія. Петръ II-й произвелъ его въ поручики лейбъ-регимента, переименованнаго Императрицею Анною Іоанновною въ конную-гвардію, и скоро потомъ въ капитаны. Въ 1734 году Шаховскаго взялъ къ себѣ на службу дядя его Алексѣй Ивановичъ Шаховскій, назначенный Императрицею Анною въ коммисію учрежденія слободскихъ полковъ въ Малороссіи. Желая дать племяннику возможность быть полезнымъ отечеству, дядя употреблялъ его по важнымъ дѣламъ и, между прочимъ, посылалъ съ докладами къ Императрицѣ. Эта же обязанность возложена была дядею на Якова Петровича и тогда, когда по смерти малороссійскаго гетмана Даніилы Апостола Императрица поручила главное начальство надъ Малороссіей Алексѣю Ивановичу (1). Въ 1735 году Яковъ Петровичъ былъ произведенъ въ секундъ-ротмистры, а вслѣдъ за тѣмъ по именному указу въ ротмистры на открывшуюся тогда вакансію (2). Яковъ Петровичъ безстрашно оправдывалъ предъ герцогомъ Бирономъ своего дядю,

(1) Жизнь князя Я. П. Шаховскаго. А. Н. Радищева. Москва, 1810 г. ст. 1—5. Словарь Бантышъ-Каменскаго част. 5 стр. 282 и слѣд.

(2) Жизнь Як. П. Шаховскаго, 1810 г. стр. 6.

обвиняемаго въ дурномъ состояніи выступившихъ въ походъ казацкихъ полковъ, которые, по словамъ Бирона, были болѣе похожи на маркитантовъ, нежели на воиновъ (1). Обвиненія эти возведены были на Алексѣя Шаховскаго Минихомъ, доследовавшимъ на князя за то, что послѣдній не состоялъ подъ его начальствомъ. Однажды Бирон въ присутствіи своихъ любимцевъ объявилъ Якову Шаховскому, что онъ недоволенъ поступками его дяди. Защищая послѣдняго, Яковъ Петровичъ безтрепетно отвѣчалъ Герцогу, что полученное имъ донесеніе «несправедливо». Бирон съ гнѣвомъ спросилъ Шаховскаго: какъ смѣетъ онъ отвѣчать ему такъ дерзко и можетъ ли фельдмаршалъ графъ Минихъ ложно представлять Императрицѣ? «Можетъ быть, продолжалъ князь Шаховскій, фельдмаршалъ самъ не осматривалъ казацкаго войска, а положился на людей, недоброжелательствующихъ моему дядѣ. Посторонее лицо откроетъ кто правъ, кто виноватъ. Если же личность будетъ брать верхъ надъ правдою, то самые вѣрные и ревностные сыны отечества, очерняемые коварными завистниками, лишатся способовъ отправлять должности, на нихъ возлагаемыя». Смѣлость Шаховскаго еще болѣе раздражила Бирона: «вы, русскіе — сказалъ онъ — часто въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете»! «Для общаго благоденствія — отвѣчалъ Шаховскій — необходимо истребить коварство обманщиковъ, защищать невинныхъ. Дядя мой и я не будемъ просить помилованія, если оправданіе наше окажется несправедливымъ». Тогда, добавляетъ Бантышъ-Каменскій, у котораго заимствовали мы весь предъидущій разсказъ, Шаховскій, къ чрезвычайному удивленію своему, услыхалъ голосъ Императрицы. Ея Величество, приподнявъ сукно, висѣвшее на боковыхъ дверяхъ, позвала къ себѣ герцога. Всѣ предстоявшіе почитали Шаховскаго погибшимъ, но Бирон показалъ себя на этотъ разъ великодушнымъ (2).

---

(1) Idem. стр. 9; слов. Бантышъ-Каменскаго ч. 5. стр. 283.

(2) Словарь достопам. людей Бантышъ-Каменскаго, ч. 5 стр. 283, 284 и жизнь Шаховскаго, стр. 15, 16.

Въ 1737 году Яковъ Петровичъ, по собственному желанію, поступилъ въ дѣйствующую армію во время турецкой войны и за отличіе во многихъ сраженіяхъ заслужилъ особенную благодарность Миниха. Возвратясь въ 1740 году въ Петербургъ, Шаховскій умѣлъ снискать благосклонность, кромѣ Бирона, еще кабинетъ-министра, и шталмейстера Волынскаго, продолжая посѣщать его и тогда, когда онъ попалъ въ немилость при дворѣ и ему не приказано было выѣзжать изъ дома (1). Въ это время Шаховскій былъ назначенъ управляющимъ полиціею, а потомъ, по кончинѣ Императрицы Анны, начальникомъ оной и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ (2). Бирономъ очень любилъ Шаховскаго и даже позволилъ входить къ себѣ безъ доклада (3). Это расположеніе регента повредило Шаховскому, когда правительницею сдѣлалась Анна Леопольдовна. Она, не уволивъ князя отъ службы, назначила генералъ-полиціймейстеромъ тайнаго совѣтника и сенатора Наумова и такимъ образомъ Шаховскій изъ главнаго начальника полиціи сдѣлался только товарищемъ управляющаго ею (4). Впрочемъ въ немъ принялъ вскорѣ участіе тогдашній новый министръ графъ М. Г. Головкинъ и чрезъ его ходатайство въ 1741 году Яковъ Петровичъ пожалованъ былъ сенаторомъ (5).

Вступивъ на престолъ, Императрица Елисавета уволила Шаховскаго отъ должности сенатора вмѣстѣ съ другими произведенными правительницею въ это почетное званіе (6), но вслѣдъ за тѣмъ назначила его оберъ-прокуроромъ святѣйшаго сунода, при чемъ онъ получилъ отъ генералъ-прокурора Н. Ю. Трубецкаго инструкцію совершенно сходную съ той, которая дана была при Императорѣ Петрѣ Великомъ первому оберъ-прокурору сунода, съ тою только разницею, что по-

(1) Жизнь Шаховскаго стр. 20, 21.
(2) Idem. стр. 30, 31.
(3) Idem. стр. 34.
(4) Idem стр. 40.
(5) Idem. стр. 41.
(6) Словарь Бантышъ-Каменскаго, ч. 5 стр. 287. Жизнь Шаховскаго стр. 53.

слѣдною инструкціею предписывалось всѣ дѣла, рѣшеніе коихъ зависило отъ Императрицы, подносить ей чрезъ генералъ-прокурора. Кромѣ того Шаховскій долженъ былъ представлять генералъ-прокурору недѣльные рапорты, одинъ на имя его, а другой Ея Величеству (1). Въ это время Шаховскому было поручено, по изустному Высочайшему повелѣнію, отправить въ ссылку Остермана, Миниха, Головкина и другихъ. Можно вообразить, что чувствовалъ Шаховскій, когда ему пришлось приводить въ исполненіе приговоръ надъ бывшимъ благодѣтелемъ его Головкинымъ (2).

Вступивъ въ отправленіе должности оберъ-прокурора сунода, Шаховскій умѣлъ водворить благоустройство въ канцеляріи этого учрежденія и порядокъ въ дѣлопроизводствѣ. Члены сунода скоро возненавидѣли князя за его любовь къ справедливости и пользуясь нѣкоторою его права, нарочно заводили съ нимъ споры, стараясь вывести его изъ себя, а однажды со слезами, на колѣняхъ, просили Императрицу, чтобы она, или удалила Шаховскаго изъ сунода, или уволила ихъ всѣхъ (3), но Императрица поняла Шаховскаго и въ доказательство своей довѣренности повелѣла ему лично отъ нея принимать всѣ указы и словесныя повелѣнія, касающіеся до сунода, а также поручила подавать доклады о духовныхъ дѣлахъ (4). Усердная служба его награждена была въ 1745 году чиномъ тайнаго совѣтника и орденомъ св. Анны (5), а въ 1752 году орденомъ св. Александра Невскаго (6). Въ 1753 году, въ бытность въ Москвѣ, Императрица пожаловала Шаховскаго генералъ-кригсъ-коммисаромъ (7). Находясь въ сей должности Шаховскій принесъ большую пользу и казенному интересу и русской промышленности, настоявъ на томъ, что-

(1) Жизнь кн. Шаховскаго, стр. 63, 64.
(2) Жизнь кн. Шаховскаго, стр. 67, 74—77.
(3) Словар. Бантыша-Каменскаго, ч. 5. стр. 289.
(4) Жизн. Шаховскаго стр. 77-79.
(5) Ibem. стр. 82. Слов. Бантыша-Каменскаго ч. 5. стр. 289.
(6) Жизн. Шаховскаго стр. 118.
(7) Ibem. стр. 118.

бы поставка суконъ для нашей арміи производилась внутри Россіи, а не за границей, какъ прежде, англійскимъ купцомъ Вульфомъ, который за то, чтобы поставка опять осталась за нимъ, предлагалъ Шаховскому 25-т. золотомъ (сумму по тогдашнему весьма значительную) (1). Въ запискахъ своихъ Шаховскій признается, что по недостаточному своему состоянію онъ едва не поколебался, однако любовь къ справедливости восторжествовала и на этотъ разъ. У Вульфа нашлось много покровителей, а потому Шаховскій пріобрѣлъ сильныхъ враговъ, въ томъ числѣ графа Петра Ивановича Шувалова, отъ котораго потерпѣлъ онъ вскорѣ не мало непріятностей (2). По случаю рекрутскаго набора и жестокихъ морозовъ, число больныхъ солдатъ и рекрутъ такъ увеличилось, что негдѣ было помѣстить ихъ въ московскомъ военномъ госпиталѣ, которымъ завѣдывалъ Шаховскій. Для устраненія этого неудобства онъ приказалъ нанять для больничныхъ служителей особыя квартиры, а въ ихъ покои помѣстилъ больныхъ. Но жители столицы, опасаясь болѣзней, сдѣлавшихся тогда прилипчивыми, ни за что не соглашались пускать къ себѣ на квартиры означенныхъ служителей, а между тѣмъ смертность увеличивалась. Тогда Шаховскій рѣшился перевести больничныхъ служителей въ никѣмъ не занимаемое строеніе, принадлежавшее конюшенной конторѣ, испросивъ предварительно согласія ея членовъ, но по тѣснотѣ этого зданія желалъ также занять и нѣсколько покоевъ придворной пивоварни, съ каковымъ требованіемъ обратился въ дворцовую контору. Получивъ отвѣтъ, что контора не можетъ согласиться на это безъ дозволенія главнаго начальства и зная, что переписка съ Петербургомъ потребуетъ много времени, Шаховскій самъ перевелъ часть служителей въ пивоварню, увѣдомивъ впрочемъ о томъ П. И. Шувалова. Но вскорѣ затѣмъ Яковъ Петровичъ получилъ указъ, коимъ се-

(1) Ibem. стр. 120. 121.

(2) Жизн. кн. Шаховского стр. 121.

нать требовалъ отвѣта: почему онъ занялъ пивоварный заводъ безъ дозволенія главной дворцовой канцеляріи? Кромѣ того присланъ былъ изъ Петербурга офицеръ гвардіи Безобразовъ съ слѣдующимъ письменнымъ приказаніемъ отъ управлявшаго тайной канцеляріей, брата П. И. Шувалова, Александра Ивановича: «ежели по свидѣтельствованіи его найдутся въ покояхъ пивоваренаго двора больные и прачки, то всѣхъ ихъ немедленно перевесть для житія въ домъ князя Шаховскаго, необходя ни одного покоя, даже спальни». Подобное распоряженіе объясняется тѣмъ, что Государынѣ было ложно передано, будто бы Шаховскій самовольно въ пивоварнѣ, гдѣ разливаютъ полпиво и кислыя щи для стола, во время пребыванія Ея Величества въ Москвѣ, положилъ на столахъ зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями больныхъ и велѣлъ мыть бѣлье и перевязки. Коммисаръ госпиталя, бывъ подкупленъ, ко дню пріѣзда Безобразова перевелъ больныхъ и прачекъ въ пивоварню, но потомъ, мучимый совѣстью, отравился. Безобразовъ, исполняя возложенное на него порученіе, помѣстилъ больныхъ и прачекъ въ домѣ Шаховскаго и въ томъ числѣ трехъ солдатъ въ спальнѣ князя. Шаховскій радушно принялъ «дорогихъ гостей», утѣшалъ свою дочь, писалъ къ Императрицѣ, Шуваловымъ, генералъ-прокурору Трубецкому и наконецъ избавился отъ тягостнаго постоя (1).

Шаховскій осмѣлился даже непослушаться конференцъ-министровъ, дѣйствовавшихъ именемъ Государыни, когда они дали ему повелѣніе отправиться за границу, для покупки нужныхъ вещей для арміи у иностранцевъ, но поднесъ лично Императрицѣ записку о томъ, сколько уменьшится денегъ въ государствѣ отъ распоряженія министровъ и останется людей безъ работы. Вслѣдствіе этого конференція вынуждена была поручить Шаховскому заготовленіе вещей для войска внутри Россіи (2). Подобными благоразумными мѣрами князь

(1) Словарь Бантышъ-Каменскаго ч. 3. стр. 290—293.

(2) Жизнь Шаховскаго, стр. 140, 141 и 143.

успѣлъ уберечь 4-милл. рублей, за что и удостоился особой Высочайшей признательности.

Цѣня заслуги Шаховскаго, Императрица назначила его 15-го августа 1760 года генералъ-прокуроромъ и присутствующимъ въ конференціи министровъ (1). Это новое назначеніе не обрадовало Шаховскаго, какъ самъ сознается онъ въ своихъ запискахъ. Будучи тогда уже въ преклонныхъ лѣтахъ и желая спокойствія, Шаховскій откровенно высказалъ Ивану Ивановичу Шувалову, сообщившему ему на балѣ въ Петергофѣ волю Государыни, что въ должности генералъ-прокурора онъ еще болѣе будетъ имѣть непріятелей, нежели прежде. Едва могли успокоить его увѣренія Шувалова, что возложеніе такой важной обязанности есть знакъ неограниченной довѣренности Монархини, отъ котораго нельзя отказаться (2). На другой день вступленія Шаховскаго въ должность генералъ-прокурора полученъ былъ въ правительствующемъ сенатѣ Высочайшій указъ, въ которомъ Императрица, изъявляя свое прискорбіе о многихъ злоупотребленіяхъ въ присутственныхъ мѣстахъ, поручила членамъ сената вездѣ содѣйствовать ей къ возстановленію «надлежащаго порядка, правосудія, благосостоянія и обильнаго добра» (3).

Будучи постоянно и въ прежнихъ должностяхъ ревностнымъ исполнителемъ законовъ, Шаховскій такимъ показалъ себя и въ новомъ званіи, и какъ только вступилъ въ сенатъ, тотчасъ же потребовалъ отъ канцеляріи отчета о рапортахъ, присылаемыхъ изъ другихъ присутственныхъ мѣстъ относительно производящихся въ нихъ дѣлъ и находящихся въ распоряженіи оныхъ денежныхъ суммъ. Отъ этого произошло въ канцеляріи большое замѣшательство, и одинъ изъ оберъ-секретарей прямо сказалъ, что многія мѣста о денежныхъ суммахъ, не смотря на частыя понужденія, не присылаютъ въ сенатъ вовсе никакихъ донесеній, а въ особенности экспеди-

(1) Idem. стр. 146, 147. Словарь Бантыш-Каменскаго, ч. 5, стр. 294.
(2) Жизнь кн. Шаховскаго стр. 145, 146.
(3) Имен. указ. 1760 г. августа 16. Полн. собран. закон. № 11092.

ція о передѣлѣ мѣдной монеты, находившаяся тогда подъ вѣдѣніемъ графа П. И. Шувалова. Шаховскій приказалъ экзекутору написать строжайшіе запросы о присылкѣ вѣдомостей во всѣ мѣста, ихъ недоставившія (1). Получивъ подобный запросъ въ своей экспедиціи, Шуваловъ, почти никогда небывавшій въ сенатѣ, на этотъ разъ немедленно пріѣхалъ туда и строго спросилъ оберъ-секретарей и экзекуторовъ о томъ, кто осмѣлился прислать къ нему въ экспедицію понужденіе? На спокойный отвѣтъ Шаховскаго, что экзекуторъ сдѣлалъ это по его приказанію, Шуваловъ съ сердцемъ сказалъ князю: «такъ вы это сдѣлали, сударь?» «Я, сударь», съ прежнимъ спокойствіемъ отвѣчалъ Шаховскій. Не привыкши встрѣчать противорѣчій, Шуваловъ разсердился еще болѣе, отвернулся отъ Шаховскаго и началъ разговаривать съ сенаторами о посторонннихъ предметахъ. Впрочемъ, собираясь уѣзжать изъ сената, снова подошелъ къ князю и на этотъ разъ уже ласково объяснилъ ему, что прибылъ въ сенатъ вовсе не для ссоры, а для того, чтобы узнать, отъ кого послѣдовало помянутое выше требованіе о присылкѣ вѣдомостей (2). Вотъ первый примѣръ того, какимъ показалъ себя Шаховскій въ новой должности. Понятно, что такимъ образомъ съ перваго же раза онъ сдѣлался врагомъ П. И. Шувалова. Находясь постоянно по службѣ въ столкновеніяхъ съ нимъ, князь всегда безъ боязни противорѣчилъ временщику во всѣхъ его незаконныхъ требованіяхъ. Тотъ наконецъ пожаловался родственнику своему Ивану Ивановичу (3). Послѣдній, сдѣлавъ князю выговоръ, предложилъ ему помириться съ братомъ. Князь согласился. Свиданіе враговъ въ присутствіи П. И. Шувалова произошло въ дежурной генералъ-адъютантской комнатѣ, гдѣ тогда находился по дѣламъ службы Петръ Ивано-

(1) Жизнь Шаховскаго стр. 148.

(2) Жизнь Шаховскаго стр. 149,—151.

(3) Радищевъ ошибочно называетъ П. И. Шувалова братомъ Петра Ивановича. Жизнь Шаховскаго стр. 153. См. слов. Бантышъ-Каменскаго ч. 5 стр. 345. Біогр. П. И. Шувалова.

вить (1). Выслушавъ всѣ укоры его въ причиненныхъ будто бы княземъ непріятностяхъ, Шаховскій съ своей стороны вычислилъ Петру Ивановичу всѣ его противозаконные поступки, основанные на личныхъ выгодахъ. Длинное объясненіе свое Шаховскій кончилъ слѣдующими словами: «ваше сіятельство! Теперь вы уже довольно богаты и имѣете большіе доходы, а я, при всѣхъ высокихъ титлахъ своихъ, и не мыслилъ еще о какихъ либо пріобрѣтеніяхъ. Дадимъ въ присутствіи его превосходительства честное слово другъ другу: отнынѣ впредь незаниматься болѣе увеличеніемъ нашего достоянія, неслѣдовать влеченію страстей своихъ, отступая отъ обязанностей и справедливости; но идти прямымъ путемъ, куда долгъ, честь и общая польза сограждан будетъ насъ призывать. Тогда только соглашусь я носить имя вѣрнѣйшаго друга вашего; въ противномъ случаѣ молчать предъ вами, угождать вамъ и ласкать васъ я не буду, чего бы мнѣ то ни стоило» (2). Слова эти не понравились П. П. Шувалову и онъ разстался съ Шаховскимъ такимъ же врагомъ, какимъ былъ прежде. Графъ почти вовсе пересталъ ѣздить въ сенатъ и конференцію, ссылаясь на то, что онъ боленъ, и что всѣ болѣзни происходятъ отъ непріятностей, причиняемыхъ Шаховскимъ (3). Это озлобленіе П. П. увеличилось вскорѣ по слѣдующему случаю. Занимая, какъ выше мы сказали, мѣсто начальника экспедиціи о передѣлѣ мѣдной монеты, Шуваловъ подалъ въ сенатъ проэктъ, въ которомъ предлагалъ, какъ мѣру весьма выгодную для казны, передѣлать всю мѣдную монету такъ, чтобы изъ пуда выходило не шестнадцать рублей, какъ прежде, а тридцать два, и потомъ всю находящуюся въ экспедиціи сумму раздать въ займы по четыре процента подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Сенаторы единогласно одобрили планъ Шувалова. Несогласился съ нимъ одинъ Шаховскій, и понимая весь вредъ, могущій произойти отъ введенія въ

(1) Жизнь Л. П. Шаховскаго, стр. 154.
(2) Слов. Бант. Каменск. ч. 5. стр. 295—296.
(3) Жизнь Шаховскаго стр. 154.

государство дешевой монеты, протестовалъ по формѣ и сдѣлавъ выписку изъ проэкта вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ представилъ Государынѣ, и проэктъ не удостоился Высочайшаго утвержденія (1).

Не смотря на всѣ непріятности по службѣ, Шаховскій изъ любви къ справедливости продолжалъ оказывать дѣятельное сопротивленіе врагамъ своимъ, а милостивое къ нему расположеніе Императрицы постоянно было надежною защитою отъ всѣхъ ихъ козней. Такъ длилось до тѣхъ поръ, пока Государыня пользовалась здоровьемъ и Шаховскій могъ лично доносить Ея Величеству о всѣхъ дѣлахъ. Но мало по малу у Елисаветы начали обнаруживаться припадки той роковой болѣзни, которая свела ее потомъ преждевременно въ могилу, а вслѣдъ за тѣмъ для Государыни сдѣлались не возможными занятія дѣлами государственными. Лишившись надежды видѣть Государыню, а между тѣмъ почти каждый день получая новыя непріятности отъ недоброжелателей, Шаховскій написалъ къ Елисаветѣ письмо съ просьбою объ увольненіи его отъ должности генералъ-прокурора. Письмо не было подано Государынѣ по причинѣ ея болѣзни, и Шаховскій противъ воли оставался на своемъ мѣстѣ (2). Но лишь только скончалась Императрица 25 декабря 1761 года, онъ подалъ въ отставку и, получивъ къ утѣшенію своему ее немедленно, сдалъ дѣла новому генералъ-прокурору Глѣбову (3).

Вотъ краткое исчисленіе тѣхъ полезныхъ постановленій, виновникомъ которыхъ былъ князь Шаховскій, находясь въ должности генералъ-прокурора: онъ убѣдилъ сенаторовъ поровнять сборъ денегъ съ черносошныхъ и государственныхъ крестьянъ съ помѣщичьими доходами, отъ чего казенные доходы увеличились ежегодно на 500-т. рублей; по его же старанію дозволено помѣщикамъ отдавать правительству крѣпостныхъ людей своихъ за худые поступки съ зачетомъ вмѣ-

(1) Idem. стр. 155—157.
(2) Жизнь Шаховскаго стр. 163, 164
(3) Idem. стр. 164.

сто рекрутъ, для отсылки въ Сибирь на поселеніе, посредствомъ чего заселены и обработаны пустыя отдаленныя мѣста; остановилъ опредѣленіе сената и синода, состоявшее въ томъ, что всѣ архіерейскія и монастырскія деревни со всѣми доходами предоставлены были полному вѣдомству и распоряженію властей духовныхъ съ ежегоднымъ взносомъ въ казну только 400-т. рублей (1); при Шаховскомъ же послѣдовалъ указъ о немедленномъ докладѣ сенату доносовъ о взяткахъ и обязаніи просителей по таковымъ дѣламъ подписками, чтобы они до разсмотрѣнія ихъ не выѣзжали изъ города (2).

Находясь въ отставкѣ, Шаховскій удалился сперва въ Москву, а по наступленіи весны въ свою подмосковную деревню, гдѣ въ постоянныхъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ проводилъ тихую семейную жизнь (3). Императрица Екатерина II, вступивъ на престолъ, снова пригласила князя на службу, повелѣвъ ему присутствовать въ сенатѣ (4). Государыня возлагала неоднократно на Шаховскаго многія порученія, которыя послѣдній выполнялъ всегда блистательно, такъ между прочимъ имъ написанъ важный указъ объ учрежденіи коммисіи для разсмотрѣнія дѣлъ о монастырскихъ и церковныхъ крестьянахъ; посредствомъ этой мѣры до 900,000 душъ поступили въ казенное вѣдомство (5). Шаховскій находился неотлучно при Императрицѣ во время поѣздки ея изъ Петербурга въ Москву, гдѣ въ день коронаціи Ея Величество возложила на него орденъ Св. Андрея Первозваннаго; онъ же сопровождалъ Государыню, сидя въ одномъ экипажѣ съ ней, во время путешествія ея въ Ростовъ и Ярославль, при чемъ, разговаривая о разныхъ дѣлахъ, касающихся до внутренняго благоустройства, упомянулъ и о повелѣніи Петра Великаго,

---

(1) Словарь Бантышъ—Каменскаго ч. 5. стр. 296.
(2) Указъ сен. 1761 г. іюня 15; пол. соб. зак. № 11273.
(3) Жизнь Шаховскаго стр. 164.
(4) Idem. стр. 168.
(5) Жизнь Шаховскаго стр. 168—169. Слов. Бант.-Камен. ч. 5, стр. 297.

чтобы каждый годъ одинъ изъ сенаторовъ объѣзжалъ, для надзора за порядкомъ въ производствѣ дѣлъ, губерній и провинцій. Подобный осмотръ Шаховскій вызвался сдѣлать въ городахъ, чрезъ которые будетъ проѣзжать Государыня и произвелъ его въ Ярославлѣ, Ростовѣ и Переславлѣ—Залѣсскомъ (1). Онъ постоянно пользовался благоволѣніемъ Екатерины, такъ она пожаловала серьги въ 5000 рублей женѣ его (2). ему 30,000 рублей золотомъ, а въ 1766 году, когда Шаховскій по слабости здоровья испросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ, Государыня приказала выдавать ему въ пенсію получаемое имъ на службѣ жалованье по смерть (3). Удалившись отъ дѣлъ, Шаховскій снова поселился въ Москвѣ, проводя весну и лѣто въ своей подмосковной деревнѣ. Онъ скончался на 72-мъ году, 23-го іюля 1777 года, погребенъ въ Москвѣ въ трапезѣ теплой соборной церкви донскаго монастыря (4).

Послѣ Шаховскаго остались весьма любопытныя записки, изданныя въ Москвѣ въ 1810 году. По свидѣтельству современниковъ онъ отличался необыкновенною любовью къ справедливости и твердостью характера. А. Н. Радищевъ, написавшій біографію Шаховскаго, взялъ слѣдующій для нея, вполнѣ характеризующій князя, эпиграфъ изъ Державина:

«Закону Божію неслушенъ,
«Чувствителенъ, великодушенъ,
«Не гордъ, не подлъ и не трусливъ,
«Къ себѣ строжае, чѣмъ къ другому,
«Къ поступкамъ хитрымъ не ревнивъ,
«Идетъ лишь по пути прямому.

---

(1) Жизнь Шаховскаго стр. 169—171.

(2) Шаховскій былъ женатъ вторымъ бракомъ на вдовѣ генералъ-маіора Лопухина; жизнь Шаховскаго стр. 110.

(3) Жизнь Шаховскаго стр. 171, Слов. Бант.-Камен. ч. 5, стр. 297.

(4) Жизнь Шаховскаго стр. 171—172 Бант.-Кам. смерть Шаховскаго относитъ къ 21 іюня 1777 года. Слов. ч. 5, стр. 297.

IV.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛѢБОВЪ.

Александръ Ивановичъ Глѣбовъ былъ старшій сынъ генералъ-аншефа и сенатора Ивана Ѳеодоровича Глѣбова. Онъ записанъ къ военную службу въ 1737 году, но гдѣ и въ какихъ должностяхъ первоначально проходилъ ее—неизвѣстно. Черезъ 12-ть лѣтъ послѣ того Глѣбовъ перемѣщенъ къ гражданскимъ дѣламъ и назначенъ оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената, въ которой должности онъ и находился съ 1756 года по 1760 годъ. Въ этомъ званіи онъ получилъ орденъ Св. Анны (25 ноября 1758 года). Вообще быстрому возвышенію Глѣбова при Императрицѣ Елисаветѣ много способствовали его родственныя отношенія къ Государынѣ. Онъ находился въ супружествѣ съ родною племянницею Императрицы Екатерины I-й, графиней Маріею Симоновной, урожденной Гендриковой (1). Кромѣ того, не смотря на свой меланхолическій характеръ, Глѣбовъ умѣлъ снискать благосклонность наслѣдника престола (въ послѣдствіи Императора Петра III) и дружбу графа Петра Ивановича Шувалова. Покровительству этого могущественнаго вельможи онъ обязанъ назначеніемъ въ генералъ-кригсъ-коммисары съ чиномъ генералъ-маіора (1760 года). Вскорѣ послѣ того графъ Шуваловъ занемогъ и предложилъ поручить во время болѣзни его

---

(1) Графиня Марья Симоновна Гендрикова была въ первомъ бракѣ за оберъ-церемоніймейстеромъ Николаемъ Наумовичемъ Чоглоковымъ. Она скончалась *23 марта* 1756 года. Слов. Бантыш-Каменскаго т. I стр. 290.

управленіе главною артиллеріею и оружейною канцеляріею Глѣбову, хотя послѣдній до того времени никогда не состоялъ въ артиллерійской службѣ. Не смотря на сильное противорѣчіе со стороны правдиваго князя Шаховскаго, бывшаго въ то время генералъ-прокуроромъ, Глѣбовъ принялъ управленіе канцеляріями артиллерійскою и оружейною. Въ самый день кончины Императрицы Елисаветы Петровны (25 декабря 1761 г.) ему поручена должность генералъ-прокурора и пожалованъ онъ чиномъ генералъ-поручика съ сохраненіемъ должности генералъ-кригсъ-коммисара. Императоръ Петръ III возложилъ на него орденъ Св. Александра Невскаго 9 февраля 1762 года. Это былъ первый александровскій кавалеръ при Петрѣ III. Вскорѣ потомъ назначилъ его членомъ военной коммисіи, учрежденной для приведенія войскъ въ лучшее состояніе (1). Императоръ благоволилъ къ Глѣбову, который съ своими докладами ежедневно являлся во дворецъ въ 9 часовъ утра. Глѣбовъ былъ сочинителемъ трехъ замѣчательныхъ манифестовъ: а) объ уничтоженіи тайной канцеляріи (2); б) о правахъ дворянства (3), и в) объ отобраніи крестьянъ отъ духовенства (4). Послѣдній приведенъ въ исполненіе уже въ послѣдующее царствованіе. Императрица Екатерина II-я оставила Глѣбова при занимаемыхъ имъ должностяхъ, но званіе генералъ-прокурора онъ сохранилъ не на долго. Судебная часть, ввѣренная его надзору, представляла въ себѣ тогда крайнее разстройство; лихоимство господствовало въ судебныхъ мѣстахъ въ высшей степени Судьи, безъ всякаго знанія и способностей, извлекали доходъ изъ всего. Въ самой канцеляріи правительствующаго сената допущенъ былъ величайшій безпорядокъ: она не имѣла даже исправныхъ писцовъ; колодники томились по нѣскольку лѣтъ въ заключеніи. Императрица неоднократно убѣждала Глѣбова словесно

(1) Полн. собр. зак. т. XV, указ. 1762 г. марта 6, № 11161.
(2) Манф. 1762 г. февр. 21 № 11145. Подтверждено октяб. 19, № 11687.
(3) Манф. 1762 г. февр. 18 № 11144.
(4) Указ. 1762 г. февр. 16 № 11141.

и письменно не идти по слѣдамъ своего предшественника князя Трубецкаго, но дѣятельно заняться искорененіемъ злоупотребленій и безпорядковъ. Она поручала доносить ей обо всемъ откровенно. Заботливость Государыни о водвореніи правосудія выражаютъ состоявшіяся тогда по сему слѣдующія Высочайшія повелѣнія: а) объ удержаніи судей и чиновниковъ отъ лихоимства (указ. 1762 г. іюля 18-го № 11616); б) о подачѣ ежедневныхъ меморій отъ сената о рѣшенныхъ дѣлахъ (Высоч. пов. объявл. генер.-прокур. Глѣбову 1763 г. іюня 2-го № 11839); в) о прекращеніи въ сенатѣ междоусобнаго несогласія, вражды и раздѣла на партіи (Выс. указ. 1763 г. іюня 6-го № 11845); но наконецъ рѣшилась удалить его отъ должности генералъ-прокурора, назначивъ на его мѣсто князя Вяземскаго (1764 г. 3 февраля) (1). Впрочемъ

(1) *Примѣч.* П. В. Сушковъ представилъ въ общество исторіи и древностей россійскихъ (*) записку Императрицы по дѣлу иркутскаго слѣдователя Крылова, по большей части писанную рукою государыни, которая найдена была въ бумагахъ статсъ-секретаря Александра Васильевича Храповицкаго, роднаго дяди Сушкова; эта записка объясняетъ болѣе всего причину окончательнаго увольненія Глѣбова отъ должности генералъ-прокурора. Вотъ ея содержаніе: Сегодня я пріѣхала (сказала Императрица въ сенатъ, чтобъ (2) съ вами поговорить о такомъ дѣлѣ, которое четыре года на сердцѣ моемъ лежало (3). Я оное окончать способа не находила, не нарушая справедливости, то есть иркутскаго слѣдователя Крылова. Я нынѣ къ вамъ назадъ привезла сенатскій докладъ 1762 года, въ которомъ нахожу одну только ясно выведенную вину Крылова, по которой онъ именнымъ указомъ блаженныя памяти тетки нашей Императрицы Елисаветы Петровны лишенъ всѣхъ чиновъ и, скованъ, привезенъ сюда, сирѣчь (4) арестованіе иркутскаго вице-губернатора Вульфа. На все прочее въ сенатскомъ докладѣ мнѣ представленное, Я смотрю какъ на неоконченное, слѣдственно оныя рѣшить не могу (5). Моя воля есть, чтобъ сенатъ кратчайшимъ и законнымъ образомъ окончалъ то, что по правосудію принадлежитъ (6). Крылову же сенатъ имѣетъ примѣняясь

(1) Чтен. общ. ист. и древн. рос. 1858 г. кн. 2, стр. 171.

(2) Послѣ сего написано, но зачеркнуто: «чистосердечно».

(3) Далѣе было написано, но зачеркнуто: и «совѣстію мучилась часто, что Я оное».

(4) Сирѣчь приписано самой Государыней сверху слова «то есть», которое зачеркнуто.

(5) Приписаны самою Государынею сверху 4 слова: «слѣдственно оныя рѣшить не могу».

(6) Сверху приписано самою Государынею «принадлежитъ» вмѣсто: «правосудія требуетъ, и въ чемъ притѣсненіе есть», что все зачеркнуто.

Глѣбову оставлено было званіе генералъ-кригсъ-коммисара, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ произведенъ въ генералъ-аншефы (21-го апрѣля 1773 года). Въ 1775 г. онъ находился въ числѣ лицъ, судившихъ Пугачева и его сообщниковъ и подписавшихъ о немъ приговоръ. Въ томъ же 1775 году Императрица ввѣрила ему управленіе смоленскимъ намѣстничествомъ и бѣлогородскою губерніею. 25 декабря (1) онъ открылъ намѣстническое правленіе, дѣятельно занимался устройствомъ города, учрежденіемъ уѣздныхъ судовъ и нижнихъ расправъ, пріобрѣлъ любовь жителей благосклоннымъ обхожденіемъ, но, мало заботясь о соблюденіи казенныхъ выгодъ, на всегда утратилъ свое прежнее значеніе и силу. Въ 1777 году вмѣсто Глѣбова смоленскимъ и бѣлогородскимъ намѣстникомъ назначенъ князь Рѣпнинъ (2). Императрица Екатерина II отзывалась о Глѣбовѣ (который славился своимъ вкуснымъ столомъ и любилъ пресыщаться), что она никогда не могла его насытить. Александръ Ивановичъ Глѣбовъ скончался въ 1790 году (3).

къ нашему милосердію и взирая на семилѣтнее нынѣшнее его состояніе, опредѣлить правосудный жребій, не докладывая уже болѣе намъ. Осталось только упомянуть о генералъ-прокурорѣ Глѣбовѣ, который въ семъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ оказался подозрительнымъ и тѣмъ самымъ уже лишилъ себя довѣренности, соединенной съ его должностію; но какъ генералъ-прокуроръ никѣмъ кромѣ насъ не судимъ, то предоставляемъ Себѣ должностію его впредь диспонировать, а ему отнынѣ симъ чиномъ не писаться. При (*) семъ за благо нахожу сдѣлать вамъ примѣчанье, сколь страшныя слѣдствія имѣютъ тѣ дѣла, кои страстію производятся, и до какихъ дерзостей доведятъ, когда вмѣсто законовъ руководствуютъ, чего нигдѣ такъ не видно, какъ изъ всего сего дѣла».

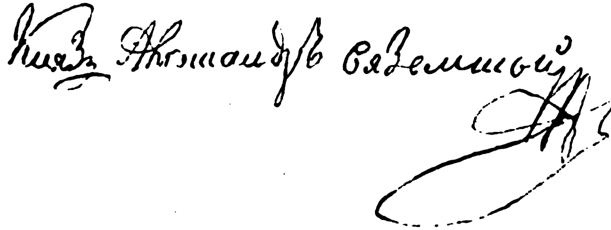
(*) Все дальнѣйшее отсюда до конца писано рукою самой Государыни.

(1) Бант.-Каменск. слов. достопам. людей т. 1 стр. 290.

(2) *Примѣч.* Впрочемъ по управленію смоленскимъ намѣстничествомъ Глѣбовъ находился подъ судомъ, по этому случаю Императрица Екатерина собственноручно къ нему писала: совѣтуя остаться въ Москвѣ и отдалиться отъ губерніи.

(3) Слов. дост. людей русск. зем. Бант.-Каменскаго част. 1 ст. 288—290, изъ другихъ источниковъ, а также и изъ свѣдѣній, доставленныхъ генер.-лейт. А. В. Висковатымъ.

Рис. А. Скино   Лит. К. Эртель



V.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ВЯЗЕМСКІЙ.

Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, сынъ флота-лейтенанта, родился 3 августа 1727 года; образованіе получилъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1747 году и выпущенъ прапорщикомъ въ армію. Въ аттестатѣ, выданномъ князю Вяземскому изъ кадетскаго корпуса, написано слѣдующее: «окончалъ геометрію и регулярную фортификацію, учится иррегулярной съ аттакою, рисуетъ ландшафты красками хорошо, разумѣетъ и говоритъ по нѣмецки, переводитъ съ россійскаго на нѣмецкій языкъ, нарочито сочиняетъ нѣмецкія письма по диспозиціи и переводитъ съ нѣмецкаго на россійскій языкъ, учится исторіи универсальной, географіи по гомановскимъ картамъ и исторіи спеціальной новѣйшихъ временъ, фехтуетъ нѣсколько, танцуетъ минуеты» (1). Вяземскій участвовалъ въ походѣ Русскихъ въ Пруссію, потомъ съ разными тайными порученіями посланъ былъ въ чужіе краи, гдѣ едва не лишился жизни, исполняя возложенную на него обязанность. Далѣе служилъ генералъ-квартирмейстеромъ, а въ 1763 году отправленъ Императрицею Екатериною II на сибирскіе заводы для усмиренія бунтовавшихъ тамъ крестьянъ. Въ 1764 году князю Вяземскому повелѣно было вступить въ исправленіе должности генералъ-прокурора, при чемъ Императрица дала ему «секретнѣйшее» наста-

(1) *Слов.* достопамят. людей, т. 1 стр. 366—367.

вленіе. Наставленіе это въ свое время дѣйствительно было особенною тайною, но такъ какъ съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, притомъ же оно было напечатано въ 1858 году въ «чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ», то мы и рѣшаемся помѣстить здѣсь содержаніе этого любопытнаго акта въ изложеніи нѣсколько подробномъ. Государыня начинаетъ его объясненіемъ причинъ, побудившихъ ее смѣнить прежняго генералъ-прокурора Глѣбова. Причины эти были: худое поведеніе его, корыстолюбіе, лихоимство и дурная вслѣдствіе того репутація, недостатокъ искренности и чистосердечія въ отношеніи къ Государынѣ, а также и короткое знакомство еще въ молодости съ графомъ Петромъ Шуваловымъ, отъ котораго Глѣбовъ «и напоился принципіями, не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для самихъ ихъ», отъ всего этого, по словамъ Императрицы, произошло то, что въ поведеніи предмѣстника Вяземскаго было «много сокровеннаго», а ничего не можетъ быть вреднѣе для общества, какъ такой генералъ-прокуроръ, который не имѣетъ откровенности и чистосердечія къ своему Государю, а чрезъ это пользуется и самъ довѣренностію Монарха, между тѣмъ какъ власть сего послѣдняго только и есть одна подпора для генералъ-прокурора, обязаннаго по должности своей оказывать сопротивленіе напильнѣйшимъ людямъ. Во 2-мъ пунктѣ наставленія для того, чтобы Вяземскій зналъ «съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло», Императрица, объясняя ему свой образъ мыслей, говоритъ, что она не имѣетъ иныхъ видовъ, кромѣ благополучія и славы отечества и благоденствія подданныхъ и что если Вяземскій окажетъ прилежаніе въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей и чистосердечіе, то получитъ отъ Государыни довѣренность, безпредѣльную. Предлагая далѣе говорить всегда ей правду и спорить по имя ея безъ малѣйшаго опасенія, Екатерина прибавляетъ, что слышала о Вяземскомъ, какъ о честномъ человѣкѣ, а съ подобными качествами, какъ она опытомъ докажетъ, и при дворѣ люди живутъ благополучно. Въ 3-мъ пунктѣ Императрица упоминаетъ о существовавшихъ тогда въ сенатѣ двухъ пар-

тіяхъ (1) и что та и другая будутъ стараться склонить Вяземскаго на свою сторону. «Вамъ—замѣчаетъ Екатерина—не должно уважать ни ту, ни другую сторону; обходиться должно учтиво и безпристрастно, выслушивать всякаго, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду». Въ случаяхъ сомнительныхъ предлагаетъ обращаться къ ней и что она, видя такое угодное ей поведеніе Вяземскаго, его не выдастъ, а самъ онъ чрезъ соблюденіе вышеписанныхъ принциній заслужитъ почтеніе у представителей той и другой партіи. Не прилежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями, говоритъ Императрица въ 4-мъ пунктѣ наставленія, всѣ мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній. Такъ сенатъ, установленный только для исполненія законовъ, часто самъ выдавалъ ихъ; раздавалъ чины, деньги, деревни и утѣснялъ прочія судебныя мѣста, а чрезъ это они пришли въ такой упадокъ, что вовсе позабыли регламентъ, которымъ повелѣно о сенатскихъ указахъ, если они даны не по силѣ законовъ, представлять въ это учрежденіе, а потомъ Государю. «Вышедъ единожды изъ своихъ границъ—добавляетъ Императрица—сенатъ и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія нынѣ чинамъ прежніе примѣры прелестны; однакожъ покамѣсть я жива, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская Имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго Государя, всякая другая форма правленія вредна ей: ибо—заключаетъ Екатерина—всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного Государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда, и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ, а другіе всѣ, по

(1) На сторонѣ одной изъ этихъ партій, по словамъ Екатерины, были люди честные нравомъ, хотя иногда и недальновидные разумомъ, а у приверженцевъ другой партіи, замѣчаетъ Императрица, виды далѣе простираются, *но не ясно*, всегда ли оные полезны.

слову Евангельскому, наемники суть». Въ 5-мъ пунктѣ Императрица объясняетъ новому генералъ-прокурору о великой нуждѣ по обширности государства въ умноженіи «циркуляціи денегъ», ибо, какъ видно изъ счетовъ монетнаго департамента, въ народѣ въ обращеніи находилось тогда только 80 милліоновъ рублей, т. е. среднимъ числомъ по 4 рубли на человѣка, если не меньше, а между тѣмъ введеніе мѣдной монеты породило много жалобъ. «До умноженія серебра въ государствѣ—говоритъ далѣе Императрица—сей вредъ сносить должно», а только стараться о томъ: во 1-хъ, чтобы не было монеты разнаго вѣса, одинаковой притомъ цѣнности и на оборотъ разныхъ цѣнъ, а одного вѣса и металла, а во 2-хъ, всевозможными способами и торговлею хлѣбомъ, какъ уже предписано коммиссіи о коммерціи, привлекать серебро въ государство. Въ 6-мъ пунктѣ Государыня поручаетъ Вяземскому вникнуть въ дѣло о «выписываніи серебра», хотя, прибавляетъ она, сія матерія весьма деликатна и многимъ о семъ непріятно слышать.» Въ 7-мъ пунктѣ Екатерина говоритъ о трудностяхъ управлять новому генералъ-прокурору сенатскою канцеляріею, чему примѣромъ представляетъ слова французскаго кардинала де-Ришлье, говаривавшаго, что ему менѣе труда управлять государствомъ и «вводить въ свои виды Европу, нежели править королевскою антикаморою», ибо въ семъ послѣднемъ дѣлѣ всѣ «праздноживущіе» придворные старались препятствовать Ришлье своими интригами.» «Для насъ впрочемъ—заключаетъ этотъ пунктъ Государыня—есть здѣсь средство, которое Ришлье не имѣлъ, именно перемѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады.» Въ 8-мъ пунктѣ Императрица находитъ, что законы наши требуютъ исправленія и что хотя она и помышляла объ этомъ но по краткости времени не успѣла еще сего привести въ исполненіе. Въ 9-мъ пунктѣ Екатерина полагаетъ, что не худо бы поискать мѣры для пресѣченія въ государствѣ корчемства, въ которомъ столько виновныхъ, что пришлось бы наказывать цѣлыя провинціи. Наконецъ въ 10-мъ пунктѣ Государыня говоритъ, что Малороссію, Лифляндію, Финляндію,

а также и Смоленскую провинцію подлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы они «перестали глядѣть какъ волки къ лѣсу; ибо хотя они и управляются особыми конфирмованными привилегіями, которыя нарушать вдругъ было бы весьма непристойно, однакоже и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше, нежели ошибка, а «можно назвать съ достовѣрностію глупостію» (1).

Назначеніе Вяземскаго въ генералъ-прокурорскую должность долго удивляло современниковъ. Вотъ что говоритъ Порошинъ въ дневникѣ своемъ (17 ноября 1765 года): «никита Ивановичъ Панинъ изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ и удивляется, какъ фортуна его въ это мѣсто поставила; упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе». «Ваше Величество дѣлаете чудеса, говаривалъ потомъ Румянцевъ Екатеринѣ, изъ обыкновеннаго квартирмейстера у васъ вышелъ государственный человѣкъ».

Вступленіе Вяземскаго въ отправленіе должности генералъ-прокурора совпадаетъ со многими реформами, послѣдовавшими по волѣ Императрицы въ сенатѣ. Объ этихъ реформахъ, а также и о тѣхъ обязанностяхъ, которыя лежали тогда на генералъ-прокурорѣ, мы не лишнимъ сочли привести здѣсь нѣкоторыя подробности. За нѣсколько мѣсяцевъ до назначенія Вяземскаго въ должность генералъ-прокурора Императрица раздѣлила сенатъ на 6-ть независимыхъ одинъ отъ другаго департаментовъ. Правда, мысль о подобномъ устройствѣ принадлежала собственно не Екатеринѣ II-й; еще въ царствованіе Анны Іоанновны сенатъ былъ раздѣленъ на пять департаментовъ, но тогда въ основаніи этого раздѣленія лежало другое начало. Департаменты не имѣли никакого особеннаго значенія: они сами не рѣшали дѣлъ, а только занимались предварительнымъ ихъ приготовленіемъ для слушанія въ общемъ собраніи. Екатерина же дала каждому изъ департаментовъ полную самостоятельность и въ рѣшеніи произво-

(1) Чтен. Импер. общ. ист. и древ. рос. 1858 г. т. 1 стр. 101—104.

димыхъ и и дѣлъ всю власть и права, какими прежде пользовался сенатъ только въ совокупномъ составѣ (1). При каждомъ департаментѣ сената учреждена была канцелярія, подъ завѣдываніемъ (кромѣ 1-го департамента) особаго оберъ-прокурора. Генералъ-прокуроръ былъ директоромъ всей канцеляріи сената; первоначально онъ состоялъ при 1-мъ департаментѣ, но потомъ когда въ 1774 году и въ этомъ департаментѣ опредѣленъ былъ особенный оберъ-прокуроръ, то генералъ-прокурору назначено находиться при общемъ собраніи сената. Канцелярія каждаго департамента раздѣлялась на экспедиціи. Ближайшимъ начальникомъ экспедиціи былъ оберъ-секретарь: онъ обязанъ былъ доносить генералъ-прокурору или оберъ-прокурору словесно или письменно во всѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой департаментъ сената, не смотря на представленія оберъ-секретаря, давалъ резолюцію не согласную съ законами. Дѣла по департаментамъ рѣшались единогласно. Такія рѣшенія почитались окончательными, какъ будто бы сдѣланы были цѣлымъ сенатомъ (2). Но когда не всѣ сенаторы были одного мнѣнія, или когда оберъ-прокуроръ находилъ ихъ рѣшенія неправильными, тогда онъ немедленно доносилъ генералъ-прокурору. Вслѣдствіе такого донесенія послѣдній бралъ дѣло къ себѣ въ 1-й департаментъ и, созвавъ туда всѣхъ наличныхъ сенаторовъ другихъ департаментовъ, предлагалъ оное на ихъ общее разсмотрѣніе. Такъ продолжалось до 1774 года, т. е. до опредѣленія въ 1-й департаментъ особаго оберъ-прокурора; тогда дѣла не рѣшенныя поступали уже на разсмотрѣніе общаго собранія, при которомъ по новому положенію назначенъ былъ состоять генералъ-прокуроръ. Если и въ общемъ собраніи не рѣшалось дѣло единогласно, то онъ долженъ былъ имѣть съ своимъ мнѣніемъ представлять его на Высочайшее усмотрѣніе. Генералъ-прокуроръ объявлялъ также сенаторамъ Высочайшія повелѣнія для немедленнаго исполненія и каждую недѣлю представлялъ Государынѣ копіи съ этихъ повелѣній съ отмѣткою

(1) Указъ 1763 г. декабр. 15; пол. собр. зак. № 11989.
(2) Указъ 1763 г. декабр. 15; полн. соб. зак. № 11989 п. 4.

объ исполненіи ихъ (1). Къ генералъ-прокурору присылали вѣдомости и всѣ городовыя канцеляріи по указу 1775 года, о наличной всѣхъ сборовъ денежной и сѣмочной казнѣ; ему же подшенъ былъ и архивъ сената.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность генералъ-прокурора, Вяземскій былъ утвержденъ въ этомъ почетномъ званіи, получилъ чинъ генералъ-поручика и пожалованъ кавалеромъ орденовъ польскаго бѣлаго орла и Св. Анны. За тѣмъ повелѣно было ему присутствовать въ межевой экспедиціи при 1-мъ департаментѣ сената, въ С.-Петербургѣ, учрежденной для главнаго надзора за успѣшнымъ производствомъ межеванія, разрѣшенія могущихъ встрѣтиться по оному вопросовъ и окончательнаго рѣшенія дѣлъ по межеванію (2). Въ 1767 году Вяземскій предсѣдательствовалъ въ коммиссіи о составленіи новаго уложенія. Екатерина, желая вполнѣ узнать нужды и недостатки каждаго уѣзда, «постановить доброе учрежденіе внутреннихъ распорядковъ», словомъ создать новую лучшую систему управленія, сдѣлала въ 1766 году воззваніе о высылкѣ отъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій, уѣздовъ, городовъ, жителей разныхъ званій и состояній и даже отъ кочующихъ народовъ депутатовъ, изъ коихъ основала особую коммисію для сочиненія проекта новаго уложенія (3). Всѣхъ депутатовъ собралось 652 человѣка, имъ выданы были для ношенія въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ золотыя же овальныя медали съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензелеваго имени Ея Величества, а на другой—пирамиды, увѣнчанной Императорскою короною съ подписью: «блаженство каждаго и всѣхъ», а внизу «1766 года декабря 14-го» (4). Коммисіи этой, образовавшейся подъ вѣдѣніемъ генералъ-прокурора Вяземскаго и подъ управленіемъ особо назначеннаго директора графа Шувалова и депутатскаго маршала Бибикова, указанъ былъ весьма обширный кругъ дѣйствій; именно ей предписывалось из-

(1) Пол. собр. зак. указ. 1762 г. іюля 3 № 11592.
(2) Пол. собр. зак. указъ 1765 г. октябр. 8 № 12188 и декабр. 31 № 12340.
(3) Полн. собр. зак. указ. 1766 декабр. 14 № 12801.
(4) Жизнь А. И. Бибикова стр. 79 и 80.

мѣнить къ лучшему весь бытъ государства въ цѣломъ его составѣ. Для облегченія дѣйствій общей коммиссіи въ уваженіе чрезвычайнаго разнообразія и важности порученныхъ ей дѣлъ, она была раздѣлена на 18-ть частныхъ коммиссій, изъ коихъ каждая имѣла свое особенное назначеніе и особые предметы занятій (1). Кромѣ депутатовъ въ коммиссіи положено присутствовать еще четыремъ самымъ искуснымъ юриспруденгамъ, подъ завѣдываніемъ генералъ-прокурора, который въ важныхъ случаяхъ могъ требовать мнѣній отъ университета, академіи наукъ и юридическаго класса въ кадетскомъ корпусѣ (2); также и всѣ мѣста обязывались исполнять требованія коммиссіи немедленно (3). По составленіи проекта новаго уложенія, коммиссія должна была представить его на предварительное разсмотрѣніе сената; сенатъ же, прочтя сей проектъ въ своемъ собраніи, обязанъ былъ призвать потомъ всѣ коллегіи и снова прочесть оный въ ихъ присутствіи; за тѣмъ, согласясь съ нимъ или сдѣлавъ свои замѣчанія, доложить Императрицѣ, ходатайствуя о назначеніи дня для Высочайшей конфирмаціи проэкта. 31 іюля 1767 года послѣдовало торжественное открытіе коммиссіи. Наказъ, данный въ руководство ей, начертанъ самою Императрицею.

Кромѣ этого великаго событія, въ которомъ такое участіе принималъ Вяземскій, онъ вмѣстѣ съ сенатомъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Екатерины и въ другомъ столь же важномъ государственномъ дѣлѣ, именно раздѣленіи всего государства на губерніи съ подраздѣленіемъ на уѣзды. Мысль объ этомъ новомъ устройствѣ государства постоянно озабочивала Великую Монархиню. Вникая во всѣ подробности состоянія Россіи, она ясно видѣла, что прежнее дѣленіе Имперіи на 20 областей несоразмѣрно ни съ пространствомъ, ни съ числомъ жителей, не существовало въ этихъ областяхъ и достаточнаго количества правительственныхъ учрежденій, притомъ областное управленіе соединяло въ себѣ всѣ части администраціи, равно

(1) Матер. статист. Арсеньева, стр. 43.

(2) Пол. собран. зак. Наказъ генералъ-прокурору 1767 года іюля 30 № 12918 п. 13.

(3) Пол. собр. зак. указ. 1767 г. ноябр. 30 № 13026.

и суда, а такимъ образомъ въ одной и той же воеводской канцеляріи стекались самые разнородныя дѣла, какъ-то: уголовныя, гражданскія, о государственныхъ доходахъ и расходахъ и полицейскія. Здѣсь получали всѣ эти дѣла окончательное рѣшеніе, которое по распоряженію этого же мѣста приводилось и въ исполненіе, за изъятіемъ только смертныхъ приговоровъ, представляемыхъ воеводою на утвержденіе губернатора. Возвѣстивъ «учрежденіемъ о губерніяхъ» (1) новое стройное раздѣленіе государства, Императрица объявила въ то же время и объ общемъ преобразованіи губернскаго управленія и судопроизводства. Эта великая реформа всего государственнаго устройства, начатая въ 1775 году въ тверской губерніи, продолжалась до конца царствованія Императрицы Екатерины. На обязанность сената при этомъ возложено было Ея Величествомъ объявленіе въ общее свѣдѣніе о послѣдовательномъ открытіи тѣхъ или другихъ новыхъ губерній; онъ же давалъ упраздняемымъ присутственнымъ мѣстамъ наставленія относительно разбора прежнихъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ; наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ этихъ наставленій; по усмотрѣнію же сената члены и судьи упраздняемыхъ учрежденій получали самое жалованье сообразно ихъ дѣятельности. Въ общемъ собраніи сената утверждались новые губернскіе чины, за исключеніемъ только генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и вице-губернаторовъ, назначеніе коихъ зависило отъ самой Императрицы; генералъ-прокурору предоставлено было при этомъ право опредѣлять губернскихъ прокуроровъ. Сенатъ же заботился о дальнѣйшемъ устройствѣ новыхъ учрежденій, опредѣляя кругъ ихъ дѣятельности, взаимныя отношенія, права и обязанности (2).

Отличаясь постоянно ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ Императрицею обязанностей, Вяземскій не переставалъ пользоваться и ея милостями, такъ въ 1770 году по-

(1) Указъ 1775 г. ноябр. 7 пол. собр. зак. № 14392.

(2) Указы: 1775 г. ноябр. 25 № 14400; учреж. о губер., 1781 г. октябр. 5 № 15245 и 1782 г. октяб. 2 № 15330; 1782 г. сентябр. 24 № 15519; октября 10 № 15539; ноября 5 № 15568; 1787 г. іюля 3 № 16553; 1793 г. ноября 29.

лучилъ орденъ Св. Александра Невскаго и пожалованъ членомъ совѣта (1768 г.) (1), а въ 1773 году кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, при чемъ Императрица удостоила его слѣдующимъ рескриптомъ: «извѣстно намъ, сколько вы, во время исправленія нынѣшняго вашего чина, во всѣхъ дѣлахъ оказывали прилежанія, усердія и ревности къ пользѣ службы; по отмѣнный вашъ трудъ въ приведеніи государственныхъ доходовъ въ порядокъ и въ сочиненіи окладной государственнымъ доходамъ книги, о которой чрезъ пятьдесятъ лѣтъ стараніе по нынѣ тщетно прилагаемо было, доказалъ еще болѣе, что сіе полезное и великое дѣло вашему только трудолюбію совершить надлежало» (2). Въ 1774 году князь Вяземскій произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; въ 1775 году, по случаю заключенія мира съ турціею, получилъ двѣ тысячи душъ въ Бѣлоруссіи; въ 1782 году орденъ Св. Владиміра 1-й степени, въ день учрежденія онаго, вмѣстѣ съ княземъ Потемкинымъ, и наконецъ сто тысячь рублей въ 1784-мъ году.

Въ должности генералъ-прокурора Вяземскій находился 29-ть лѣтъ. Въ продолженіи столь многолѣтней службы въ этомъ почетномъ званіи, отвлекаемый неоднократно, какъ мы уже сказали выше, возложеніемъ другихъ сложныхъ обязанностей, Вяземскій постоянно обращалъ вниманіе на устройство канцелярій сената. Въ документахъ московскаго архива министерства юстиціи намъ удалось открыть 25-ть приказовъ его, свидѣтельствующихъ о неусыпной заботливости генералъ-прокурора въ этомъ отношеніи. Неограничиваясь однимъ только изданіемъ того или другаго приказа, Вяземскій ревностно наблюдалъ и въ послѣдствіи за точнымъ его исполненіемъ и когда замѣчалъ уклоненіе отъ предписанныхъ имъ правилъ, тотчасъ же возобновлялъ ихъ и иногда съ новою строгостію. Вотъ содержаніе въ порядкѣ хронологическомъ этихъ приказовъ, обнимающихъ собою промежутокъ 22-хъ лѣтъ изъ всей дѣятельности Вяземскаго, какъ генералъ-прокурора: 1) 1764-го

(1) Истор. образ. госуд. совѣта г. Даневскаго стр. 33.
(2) Словар. достоп. люд. Бантышъ-Каменскаго т. 1. стр. 368.

года марта 29-го (1), относительно исполненія чинами канцеляріи сената обязанностей службы и всего порядка теченія оной, какъ то: о времени прихода чиновниковъ на службу и выхода, о записке входящихъ бумагъ въ реэстры и немедленномъ по оныхъ распоряженіи, о публикованіи особой книжкой чрезъ каждые полгода Высочайшихъ указовъ, следующихъ въ законъ и пр.; 2) 1764 года апреля 15-го (2), о веденіи исправныхъ формулярныхъ списковъ всѣхъ служащихъ въ канцеляріи сената лицъ; 3) 1764 года ноября 23-го (3), о сочиненіи приговоровъ по резолюціямъ сената въ 1-мъ департаментѣ въ теченіе одной, а по общимъ собраніямъ, двухъ недѣль; 4) 1765 года мая 2-го (4), о порученіи ассесору герольдмейстерской конторы Матюшкину, какъ «свѣдущему человѣку,» просматривать и исправлять всѣ доклады и рапорты, приготовляемые къ поднесенію Ея Величеству, по причинѣ незнанія правилъ орфографіи большею частію писцовъ въ сенатѣ. Приказъ этотъ въ 1789 году февраля 16-го былъ снова подтвержденъ г.г. оберъ-секретарямъ и секретарямъ (5); 5) 1765 года сентября 27-го (6), о подтвержденіи по Высочайшему повелѣнію всѣмъ чинамъ канцеляріи сената хранить канцелярскую тайну подъ страхомъ жесточайшаго наказанія за неисполненіе сего. Подобнаго же содержанія послѣдовалъ приказъ 1773 года сентября 13-го (7); 6) 1765 года ноября (8), о наблюденіи канцелярією сената, при печатаніи въ сенатской типографіи указовъ, разныхъ правилъ для отвращенія безпорядковъ, до сего происходившихъ. Правилами этими предписывалось со всѣхъ подлежащихъ къ печатанію указовъ, манифестовъ и пр. отдавать для набора вѣрныя копіи за скрѣпою секретаря и копіи эти оставлять всегда въ типографіи, для ея оправданія, «если бы послѣ какая погрѣшность учинилась,»

(1) Книг. приказ. сената № общ. 1, част. 117.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же.
(6) Тамъ же.
(7) Тамъ же.
(8) Тамъ же.

по наборѣ указа для разсмотрѣнія генералъ-прокурору или оберъ-прокуроромъ и сличенія съ оригиналомъ болѣе одного экземпляра изъ типографіи не брать, а по апробаціи возвращать снова въ типографію съ надписью секретаремъ количества экземпляровъ потребнаго для печатанія; 7) 1766 года августа 10 (1), о томъ, чтобы впредь никто ни подъ какимъ предлогомъ не бралъ съ собою изъ канцеляріи на домъ дѣлъ; 8) 1766 года сентября 7-го (2) о томъ, чтобы протоколы и другіе документы, назначаемые къ подписанію г.г. сенаторами, напередъ показывались генералъ-прокурору; 9) 1768 года марта 5-го (3), о наблюденіи оберъ-секретарямъ, секретарямъ и протоколистамъ, чтобы во всѣхъ бумагахъ по сенатской канцеляріи были выставляемы «орѳографическіе знаки,» какъ то: запятыя, точки и пр.; 10) 1768 года іюня 4 (4), оберъ-секретарямъ сената о томъ, чтобы они впредь сносились между собою по всѣмъ именнымъ указамъ. Приказъ этотъ послѣдовалъ по слѣдующему случаю: въ 1768 году Императрицею было пожаловано нѣсколько деревень камердинеру Ея, въ томъ числѣ мыза Танцы, а между тѣмъ, какъ оказалось по дѣламъ сената, мыза эта еще въ 1766 году подарена была Государынею графу Григорью Григорьевичу Орлову и такимъ образомъ вышло два указа на одну деревню. Для избѣжанія такого противорѣчія Вяземскій и предписывалъ оберъ-секретарямъ сноситься между собою по всѣмъ именнымъ указамъ и въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, ни кому о томъ не объявляя, прежде исполненія доносить генералъ-прокурору. «Сіе же—заключаетъ приказъ этотъ Вяземскій—содержать секретно»; 11) 1768 года апрѣля 17-го (5), о сдачѣ рѣшенныхъ дѣлъ въ сенатскій архивъ въ положенный срокъ и непремѣнно самими производителями, безъ передачи оныхъ, въ случаѣ оставленія службы, тѣмъ, кто заступитъ мѣста вы-

(1) Книг. приказ. сената № общ. 4, част. 117.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же.
(4) Тамъ же
(5) Тамъ же.

шедшихъ чиновниковъ; 12) 1771 года февраля 10-го (1), о томъ, чтобы всѣ чиновники канцеляріи сената говѣли въ великій постъ. Оберъ-секретарямъ и экзекуторамъ предписывалось подавать списки о тѣхъ, кто говѣлъ и кто нѣтъ и по какой причинѣ. Непремѣнное исполненіе всѣми чинами сената этой христіанской обязанности было постояннымъ предметомъ заботливости Вяземскаго. Неограничиваясь помянутымъ приказомъ, онъ неоднократно подтверждалъ его; такъ подобнаго же содержанія приказы даны были имъ: 1780 года марта 8-го (2) и 1789 года февраля 16-го (3). Въ приказахъ этихъ для говѣнья назначалась первая и послѣдняя недѣля; 13) 1771 года іюля 30-го (4), о подтвержденіи канцелярскимъ служителямъ сената, чтобы они при займахъ денегъ старались не допускать въ сенатъ просьбъ о вычетѣ для уплаты изъ жалованья ихъ подъ опасеніемъ, что всякое взысканіе съ неисполнившаго это вмѣнится ему въ «недостатокъ добраго поведенія». Подобнаго же содержанія послѣдовалъ приказъ 1788 года ноября 10-го (5), съ такимъ впрочемъ прибавленіемъ, что всѣ изъ чиновниковъ канцеляріи сената, неуплатившіе въ срокъ по векселямъ деньги, будутъ исключены изъ службы, а потомъ отосланы въ губернское правленіе, для поступленія съ ними по законамъ; 14) 1773 года октября 21-го (6), о вмѣненіи въ обязанность всѣмъ служащимъ въ канцеляріи сената, чтобы они, отлучаясь съ своихъ квартиръ, говорили домашнимъ, куда отправляются. Приказъ этотъ повторенъ Вяземскимъ въ 1781 году октября 26 (7); 15) 1773 года октября 23 (8), о наблюденіи секретарямъ и экзекуторамъ, чтобы рапорты разныхъ присутственныхъ мѣстъ объ исполненіи ими указовъ сената всегда въ свое время

(1) Книг. приказ. сената № общ. 4, част. 117.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же.
(6) Тамъ же.
(7) Тамъ же.
(8) *Книг. прик. генералъ-прокур. № 2.*

были получаемы, подъ опасеніемъ наказанія за неисполненіе сего; 16) 1775 года декабря 11 (1), о храненіи дежурнымъ секретаремъ у себя ключей отъ ковчега, въ которомъ положены писанные собственною Ея Величества рукою наказъ коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія и новыя учрежденія для управленія губерній и о показываніи сихъ узаконеній въ неприсутственные часы любопытствующимъ; 17) 1776 года іюля 15 (2) о подтвержденіи секретаримъ сената и управляющимъ въ немъ экспедиціями непребовать изъ присутственныхъ мѣстъ излишнихъ по дѣламъ выправокъ; 18) 1779 года ноября 15 (3), о доставленіи къ генералъ-губернаторамъ, во время пребыванія ихъ въ С.-Петербургѣ, указовъ правительствующаго сената, слѣдующихъ къ отсылкѣ въ подвѣдомственное каждому изъ нихъ намѣстническое правленіе, подъ открытою печатью; 19) 1782 года ноября 23 (4), о предписаніи гг. оберъ-секретарямъ и секретарямъ сдачу и пріемъ дѣлъ по экспедиціямъ производить не болѣе какъ въ продолженіе двухъ недѣль. Вяземскимъ же написано и извѣстное наставленіе казеннымъ палатамъ.

Князь Вяземскій находился въ почетномъ званіи генералъ-прокурора по самую кончину свою, послѣдовавшую 8-го января 1793 года (5). Онъ былъ женатъ на второй дочери бывшаго при Елисаветѣ генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича

(1) Книг. приказ. генер.-прокур. № 2.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же.
(4) Тамъ же.
(5) *Примѣч.* Такъ говоритъ Бантышъ-Каменскій (слов. дост. людей т. 1 стр. 368), но изъ записокъ Храповицкаго видно, что за нѣсколько лѣтъ до кончины своей Вяземскій по болѣзни рѣшительно не могъ заниматься дѣлами государственными. Императрица долго извиняла ему это, выражая нерѣдко сожалѣніе о постигшемъ князя несчастіи. Такъ 9-го января 1790 года Храповицкій отмѣтилъ въ запискахъ своихъ слѣдующія слова Императрицы: «жаль князя Вяземскаго, онъ мой ученикъ и сколько я за него выдержала.» (Зап. Храп. чт. общ. ист. и древ. 1862 г. ч. 3 стр. 216). Но наконецъ, когда Екатерина убѣдилась, что болѣзнь Вяземскаго неизлѣчима, а между тѣмъ онъ и самъ сталъ проситься въ отставку, то 17 сентября 1792 года (слѣдовательно за четыре почти мѣсяца до кончины Вяземскаго) рѣшилась подписать указъ объ отставкѣ князя со всѣми получаемыми имъ окладами, поручивъ тогда же на короткое время должность генералъ-прокурора Самойлову. (Зап. Храпов. чт. общ. ист. и древ. 1862 г. ч. 3 стр. 273).

Трубецкаго, Елисѣ Никитишнѣ (род. 27 декабря 1745 года, умерла 14 октября 1832 года) (1).

По свидѣтельству современниковъ князь Вяземскій отличался вѣрностью къ престолу, правдивостію и чрезвычайнымъ трудолюбіемъ; умѣлъ выбирать достойныхъ себѣ помощниковъ (2); не терпѣлъ роскоши и при всемъ томъ былъ скупъ и завистливъ. Особенно неблагопріятно отзывается о Вяземскомъ Державинъ въ извѣстныхъ своихъ запискахъ. Онъ представляетъ этого генералъ-прокурора какимъ-то деспотомъ, такъ между прочимъ говоритъ, что онъ (Державинъ) можетъ похвалиться тѣмъ, что по своей ли невинности, по Божьему ли къ нему благоволенію, одинъ только изъ многихъ острыхъ и дѣльныхъ головъ, извѣстныхъ всему государству, (нечего сказать, скромный о самомъ себѣ отзывъ), не только невредимъ, но еще съ честью вырвался изъ когтей князя Вяземскаго (3). За тѣмъ перечисляетъ гоненія, которыя будто бы несправедливо претерпѣвалъ отъ генералъ-прокурора, напр. за то: во 1-хъ, что, будучи совѣтникомъ въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, хотѣлъ «исполнить узаконеніе и повѣрять по мѣсячнымъ мѣстамъ суммы ассигнованныя, точно ли онѣ тѣми мѣстами получены были, куда назначены»; во 2-хъ, что не хотѣлъ обмануть Императрицы и оклеветать начальниковъ губерній, будто отъ нихъ никакихъ въ полученіи нѣтъ вѣдомостей, по которымъ бы можно изъясненіе сдѣлать въ пріумножившихся доходахъ отъ новой ревизіи и прибавки оброку на государственныхъ крестьянъ по рублю на душу; словомъ, что онъ не только не получалъ никакого одобренія къ ревностной службѣ отъ генералъ-прокурора, но напротивъ того «всякое притѣсненіе и неудовольствіе по службѣ и выговоры за такія дѣла, за которыя бы похвалить

(1) Росс. родосл. книга изд. кн. Петромъ Долгорукимъ, ч. 1 стр. 135 изд. 1854 года.

(2) При Вяземскомъ находились графъ А. И. Васильевъ, Ермоловъ, отецъ недавно умершаго извѣстнаго генерала отъ артиллеріи А. П. Ермолова; А. В. Храповицкій, оставившій послѣ себя любопытныя записки. Они напечатаны въ чтеніяхъ общества истор. и древн. 1862 г. № 2 и 3.

(3) Зап. Держав. стр. 293.

должно»; обвиняетъ даже Вяземскаго въ томъ, что онъ скрывалъ отъ сенаторовъ сущность рѣшаемыхъ ими дѣлъ «дабы никто невѣдалъ истины» (1), а въ одномъ мѣстѣ записокъ прямо говоритъ, что «столь низку быть генералъ-прокурору (какъ Вяземскій) непростительно (2). Вотъ какова большая часть отзывовъ Державина о Вяземскомъ, но вѣрить первому даже вполовину едва ли возможно: вообще въ запискахъ своихъ онъ говоритъ дурно почти обо всѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему имѣть дѣло по службѣ; постоянно видитъ онъ во всѣхъ враговъ; жалуется на казни ихъ, приписывая имъ всѣ свои служебныя неудачи, незначительность, по его мнѣнію, полученныхъ наградъ и т. д. Но все это не мѣшало Державину при случаѣ воспѣвать въ звучныхъ риѳмахъ доблести этихъ самыхъ недоброжелателей, а также и слагать стихи на разныя событія изъ жизни ихъ. Такъ, нещадя ни гдѣ въ запискахъ Вяземскаго, Державинъ тѣмъ не мѣнѣе написалъ стихи въ честь князя и княгини Вяземскихъ въ 1791 году, когда они праздновали годовщину своего супружества (3) Кромѣ того при всей «любви своей къ справедливости», но мимо посмертныхъ записокъ, Державинъ не отваживался тогда гласно ни въ чемъ обвинять Вяземскаго по службѣ, чему доказательства находимъ въ этихъ же самыхъ запискахъ На вопросъ Императрицы: «почему онъ неужился съ Вяземскимъ»? Державинъ, по словамъ его, «не желая будто бы разсказывать всѣхъ безпорядковъ въ управленіи казеннома, дабы не показаться доносителемъ, отвѣчалъ кратко: Государыня! Вамъ извѣстно, что я написалъ оду Фелицѣ. Его сіятельству она не понравилась. Онъ зачалъ насмѣхаться надо мною явно, ругать и гнать, придираться ко всякой бездѣлицѣ, то я ничего другаго не сдѣлалъ, какъ просилъ объ увольненіи изъ службы и по милости Вашей отставленъ» (4) Стоитъ только вспомнить, кого олицетворялъ Державинъ въ своей Фелицѣ, тогда смыслъ отвѣта его дѣлается понятенъ какъ нельзя болѣе.

---

(1) Зап. Держав. стр. 495—497.

(2) Тамъ стр. 327.

(3) Соч. Держав. т. II изд. Смирдина 1851 года стр. 273. «Родственное празднество на брачное воспоминаніе кн. Александра Алексѣевича и княгини Елены Никитишны Вяземскихъ, представленное невзначай семействомъ Алексѣя Ивановича Васильева въ селѣ александровскомъ въ саду». 18 іюля 1791 г.

(4) Зап. Державина стр. 296.

Рис. А. Сийна Лит. К. Орготъ

VI.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ САМОЙЛОВЪ.

Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ былъ сынъ сенатора Николая Борисовича Самойлова, женатаго на родной сестрѣ князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго. Годъ его рожденія неизвѣстенъ.

Въ самой ранней молодости Самойловъ вступилъ въ военную службу въ 1760 году рядовымъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ; въ 1772 году онъ получилъ чинъ поручика. Согласно желанію, переведенъ былъ въ дѣйствующую армію противъ турокъ и здѣсь, за оказанную храбрость при взятіи крѣпости Силистріи въ 1773 году, награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса. Объ этомъ сказано въ именномъ указѣ, состоявшемся на имя государственной военной коллегіи 26-го ноября того года: «за произведенное имъ минувшаго іюня 18 сего 773 года храброе и мужественное дѣло при Силистріи, во время атаки непріятельскаго ретраншамента, когда онъ, подавая собою примѣръ гренадерамъ, способствовалъ къ занятію онаго». Съ сего времени Самойловъ сталъ быстро возвышаться. Въ 1775 году онъ находился въ числѣ лицъ, составлявшихъ коммисію, учрежденную надъ Пугачевымъ и его сообщниками, и въ томъ же году 10 іюля, въ день торжествованія въ Москвѣ кучукъ-кайнарджійскаго

мира, былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ; далѣе назначенъ правителемъ дѣлъ совѣта, учрежденнаго въ 1768 году императрицею Екатериною II-ю. Въ этой должности онъ находился съ 1776 по 1787 годъ, а затѣмъ поступилъ изъ сего званія въ члены совѣта (1). Въ 1779 году Самойловъ получилъ чины бригадира и генералъ-маіора. Въ послѣднемъ чинѣ онъ командовалъ таврическимъ егерскимъ корпусомъ и, въ эпоху покоренія Крыма (1783 г.), съ большимъ успѣхомъ содѣйствовалъ прекращенію безпокойствъ, возникшихъ между тамошними жителями; послѣ того назначенъ былъ начальникомъ войскъ въ Херсонѣ и въ 1786 году произведенъ въ генералъ-поручики. Въ 1787 году, передъ началомъ новой войны съ Турціею, онъ состоялъ въ екатеринославской арміи, ввѣренной князю Потемкину, подъ ближайшимъ начальствомъ генералъ-аншефа князя Николая Васильевича Рѣпнина. Въ это время Самойловъ командовалъ пятью полками пѣхоты, двумя корпусами егерей, семью полками казацкими, при 40 орудіяхъ артиллеріи.

Въ 1788 году Александръ Николаевичъ находился въ походѣ подъ Очаковымъ, потомъ при блокадѣ и осадѣ сей крѣпости и былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ во взятіи ея кровопролитнымъ штурмомъ 6-го декабря. Въ этотъ день онъ командовалъ шестою колонною аттакующихъ войскъ, назначенною брать крѣпость съ восточной стороны и исполнилъ это порученіе съ совершеннымъ успѣхомъ, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія втораго класса. Въ 1789 году онъ былъ съ княземъ Потемкинымъ при занятіи крѣпостей Каушанъ и Бендеръ и получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Въ 1790 году находился съ Суворовымъ при взятіи приступомъ твердыни Измаила, гдѣ съ отличіемъ командовалъ лѣвымъ крыломъ, состоящимъ изъ

(1) Исторія образованія государств. совѣта въ Россіи, Даневскаго, 1859 года стр. 37, 38.

12000 человѣкъ и получилъ за это орденъ Св. Владиміра 1-й степени. Въ 1791 году князь Потемкинъ, по окончаніи войны, назначилъ Самойлова, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Рибасомъ и статскимъ совѣтникомъ Лошкаревымъ, для переговоровъ съ турками о мирѣ, который и былъ заключенъ, при содѣйствіи графа Безбородко, въ Яссахъ, уже по смерти Потемкина. Извѣстіе о заключеніи этого мира Александръ Николаевичъ самъ привезъ въ концѣ января 1792 года въ Петербургъ. У императрицы тогда было собраніе въ верху. Она тотчасъ же распустила всѣхъ, осталась одна съ Самойловымъ и долго съ нимъ занималась, на слѣдующее утро сама возложила на него орденъ Св. Андрея Первозваннаго и кромѣ того пожаловала 30,000 рублей. Въ это время онъ былъ также кавалеромъ польскихъ орденовъ Бѣлаго Орла и Станислава.

До сихъ поръ Александръ Николаевичъ Самойловъ являлся только знаменитымъ дѣятелемъ на военномъ поприщѣ и славнымъ сподвижникомъ великихъ людей того времени: Румянцева, Потемкина, Суворова; съ этого же времени мы видимъ его перешедшимъ на другое поприще, не менѣе славное. Императрица Екатерина, какъ видно изъ записокъ статсъ-секретаря Храповицкаго, уволивъ князя Вяземскаго 17-го сентября 1792 года отъ должности генералъ-прокурора, тогда же поручила эту должность на «краткое время» Самойлову, но потомъ, по словамъ того же Храповицкаго, Самойловъ, въ должности генералъ-прокурора, равно и государственнаго казначея, остался уже «не на короткое время» (зап. Храпов. Чтен. общ. ист. и древн. 1862 г. ч. 3 стр. 275 и 279) (1). Любо-

(1) Назначенія Самойлова въ должность генералъ-прокурора желалъ князь Потемкинъ. Объ этомъ найдена въ бумагахъ его послѣ кончины собственноручная замѣтка (изъ свѣдѣній, сообщенныхъ покойнымъ генералъ-лейтенантомъ Висковатымъ). Хотя вступленіе Самойлова въ новую должность послѣдовало по смерти уже князя Таврическаго, но, вѣроятно, въ послѣднее пребываніе свое въ Петербургѣ, зная о неизлѣчимой болѣзни Вяземскаго,

пытно замѣтить, что правителемъ его канцеляріи въ это время былъ статскій совѣтникъ Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ, отецъ славнаго генерала отъ артиллеріи Алексѣя Петровича Ермолова, бывшаго въ первое время своей службы адъютантомъ при Самойловѣ. Исправляя свою должность, Самойловъ 2-го сентября 1793 года въ день торжества, происходившаго въ С.-Петербургѣ, по случаю заключенія (29 декабря 1791 года) мира съ оттоманскою портою, читалъ сидѣвшей на тронѣ императрицѣ поздравительную и благодарственную рѣчь отъ лица сената и всѣхъ вѣрноподданныхъ. Въ ней провозгласилъ онъ императрицу «матерью отечества и великою предъ лицомъ свѣта, предъ согражданами»; «провозглашаемъ, воскликнулъ онъ, что титло матери, титло великой принадлежитъ тебѣ по благости сердца, по дѣламъ твоего духа, по подвигамъ добрымъ». По представленію Самойлова, межевая экспедиція сената переименована въ межевой департаментъ сената (указ. 1794 г. іюл. 23 № 17227). Во время генералъ-прокурорства графа Самойлова, въ 1795 году 23 октября послѣдовалъ необыкновенный случай по сенату: въ общее собраніе московскихъ департаментовъ сената явился одинъ только для присутствія сенаторъ тайный совѣтникъ Матвѣй Петровичъ Ржевскій. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія императрицы, она указать соизволила: «объявить сенату, что Ея Величество въ предслѣдующее время примѣтитъ такой случай болѣе не надѣется» (смот. дѣл. № $^{123}/_{3}$ стр. 447).

Уважаемый императрицею Александръ Николаевичъ 1-го января 1795 года былъ пожалованъ графомъ. Его любилъ и наслѣдникъ престола. Передъ кончиною Екатерины II, когда уже потеряна стала всякая надежда на сохраненіе ея жизни, графъ Самойловъ имѣлъ порученіе отъ Павла

свѣтлѣйшій успѣлъ рекомендовать императрицѣ Александра Николаевича, какъ человѣка, хорошо ему извѣстнаго и способнаго занять постъ генералъ-прокурора.

Петровича запечатать вмѣстѣ съ графомъ Ростопчинымъ кабинетъ императрицы. Ростопчинъ очень не любилъ Самойлова и невыгодно о немъ отзывался. По кончинѣ императрицы, графъ Александръ Николаевичъ объявилъ всѣмъ собравшимся въ зимнемъ дворцѣ особамъ объ этомъ событіи слѣдующими словами: «милостивые государи, императрица Екатерина II скончалась и государь императоръ Павелъ Петровичъ соизволилъ взойти на всероссійскій престолъ». Затѣмъ на мѣсто графа Самойлова 4-го декабря 1796 года назначенъ генералъ-прокуроромъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Александръ Николаевичъ сохранилъ впрочемъ званіе члена совѣта, пожалованное ему въ предшествовавшее царствованіе (1).

При началѣ своего новаго служебнаго поприща, Самойловъ далъ, въ концѣ 1793 года, самое энергическое предложеніе сенату, по поводу вышедшей тогда трагедіи Княжнина «Вадимъ Новгородскій». Трагедія эта въ свое время надѣлала много шуму, и потому мы считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ ней. Написана она была Княжнинымъ въ 1789 году. Дѣйствіе ея происходитъ во времена Рюрика, а развязка заключается торжествомъ русскаго государя надъ новгородскими мятежниками. Въ печати она появилась по смерти автора, съ разрѣшенія президента академіи княгини Дашковой въ 1793 году, въ двухъ видахъ: отдѣльною книжкою и въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» въ части 39. Вообще, по содержанію, «Вадимъ» не представляетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ другими трагедіями классической школы. Правда, въ немъ есть нѣсколько отдѣльныхъ смѣлыхъ стиховъ, но подобные стихи появлялись и прежде, напримѣръ въ трагедіи Николаева (1785 года) «Сорена и Замиръ» (Росс. Ѳеатръ ч. V) и если напугали тогдашняго московскаго главнокомандовавшаго графа Брюса, который остановилъ

(1) Истор. образ. госуд. совѣта въ Россіи, Даневскаго, стр. 12.

представленіе трагедіи «Сорена» и донесъ о ней императрицѣ, то сама же Екатерина выразила удивленіе въ письмѣ къ Брюсу за подобное его распоряженіе. Но «Сорена» явилась въ 1785 году, а «Вадимъ» въ 1793 году, именно въ то время, когда отсѣкли голову Людовику XVI, когда властвовалъ Робеспьеръ и яростно волновалась Польша. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, долгомъ благоразумія было со стороны правительства зорко слѣдить за направленіемъ литературы. Вотъ причина, почему трагедія «Вадимъ Новгородскій» подверглась запрещенію. Петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Рылѣевъ отобралъ всѣ отдѣльные экземпляры этой трагедіи изъ академической книжной лавки, кромѣ того она была вырвана и изъ 39 ч. Росс. Ѳеатра. Въ Москву также былъ отправленъ нарочный курьеръ, по Высочайшему повелѣнію, къ главнокомандовавшему князю Прозоровскому съ письмомъ генералъ-прокурора Самойлова, отъ 11 ноября 1793 года, коимъ онъ просилъ князя, отосланные въ Москву экземпляры «Вадима» отобрать отъ книгопродавцевъ безъ огласки, не вмѣшивая Высочайшаго повелѣнія, а также отобрать отъ издателя помянутой книги, с.-петербургскаго книгопродавца Ивана Глазунова, проживавшаго тогда въ Москвѣ, свѣдѣніе, какимъ образомъ и отъ кого онъ пріобрѣлъ оригиналъ помянутой книги, равно, нѣтъ ли у него въ лавкѣ подобныхъ книгъ, что Прозоровскимъ и исполнено 18 ноября того же года (Русск. Вѣсти. 1860 г. т. 2 «матеріалы для исторіи просвѣщенія и литературы» стр. 631—650 и Русск. Архивъ 1863 г. выпуски 5 и 6 стр. 467—474). Содержаніе предложенія Самойлова сенату слѣдующее: «въ публику вышла книга, напечатанная въ 1793 году подъ названіемъ «трагедія Вадимъ Новгородскій», сочиненія покойнаго надворнаго совѣтника Якова Княжнина. Въ сей трагедіи помѣщены нѣкоторыя слова, не токмо соблазнъ подающія къ нарушенію благосостоянія общества, но даже есть выраженія противу цѣлости законной власти царей, что усмотритъ самъ правительствующій сенатъ изъ той трагедіи, при семъ

сообщаемой. Таковыя дерзкія изрѣченія противны вначалѣ божественнымъ, а потомъ и гражданскимъ законамъ. Священное писаніе гласитъ: «нѣсть власть; аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть, тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется». Гражданскія законоположенія на тотъ конецъ расположены, чтобы каждому видѣть отечество свое на самой высшей степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія, и охраняется ими какъ общая, такъ и личная каждаго безопасность. Пекущаяся о семъ Всемилостивѣйшая Государыня и матерь отечества доказываетъ ежедневными опытами, воздая всегда заслугѣ должное и отвращая всякое и малѣйшее отъ вѣрноподданныхъ ея утѣсненіе и соединяя праведный свой судъ съ милостію. Правительствующій сенатъ, яко хранилище законовъ и исполняющій велѣнія Ея Императорскаго Величества, болѣе другихъ о томъ извѣстенъ. И такъ, по тѣмъ же самымъ спасительнымъ Ея Величества законамъ, постановлено всякое покушеніе, клонящееся къ нарушенію безопасности общей и частной, удалять и истреблять; посему, въ основаніе принятому истинному правилу, не благоугодно ли будетъ правительствующему сенату сію вышедшую столь съ дерзкими словами трагедію разсмотрѣть и сдѣлать объ ней надлежащее рѣшеніе (выписано изъ дѣлъ по производству генералъ-прокурора 1793 г. № вязк. 286 стр. 928) (*).

Къ сожалѣнію, дальнѣйшая служебная дѣятельность Самойлова до самой кончины его, послѣдовавшей 1-го ноября 1814 года, намъ мало извѣстна; изъ сохранившихся тогдаш-

(*) *Примеч.* Хотя на отпускѣ съ этого предложенія и находится отмѣтка, что оно дано сенату 7 декабря 1793 года, но ни по дѣламъ правительствующаго сената, ни по дѣламъ генералъ-прокурорскимъ не видно, была ли разсматриваема, согласно предложенію генералъ-прокурора, трагедія Княжнина «Вадимъ Новгородскій» и какое послѣдовало по этому дѣлу рѣшеніе сената. Замѣтимъ кстати, что можетъ быть это предложеніе впослѣдствіи времени и было поводомъ къ подчиненію цензуры, имѣющейся въ Россіи, правительствующаго сената 3-му деп. (Высоч. указ. 1796 г. октября 22 № 17523).

него времени адресъ-календарей мы видимъ, что съ 1793 года по 1796 годъ Самойловъ значится исправляющимъ должность генералъ-прокурора и дѣйствительнымъ камергеромъ, а съ 1796 года генералъ-прокуроромъ.

По отзыву современниковъ, графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ былъ храбрый и честный человѣкъ, но мало свѣдущій въ дѣлахъ гражданскихъ (*). Впрочемъ, сохранившіяся дѣла показываютъ, что онъ дѣятельно занимался вѣренною ему частію и вообще, гдѣ представлялся случай, всегда давалъ должное направленіе дѣлу или проэкту, хотя бы и могъ иногда отъ того отклониться.

(*) Какъ изъ архивныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ А. В. Висковатымъ, и другихъ источниковъ.

Рис А Скино   Лит Х Эрготъ

VII.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ БОРИСОВИЧЪ КУРАКИНЪ.

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ родился 19-го сентября 1759 года. Онъ началъ свою службу въ гвардіи. Императрица Екатерина II-я пожаловала его камеръ-юнкеромъ; въ этомъ званіи онъ избранъ былъ (1780 г.) въ засѣдатели 1-го департамента верхняго земскаго суда, потомъ поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора князя Вяземскаго, гдѣ находился подъ начальствомъ умнаго и дѣловаго Ал. Ив. Васильева, впослѣдствіи графа и министра финансовъ, подъ руководствомъ котораго и образовалъ себя для гражданской службы. Въ это время онъ получилъ камергерскій ключъ, награжденъ орденами св. Анны (1793 г.) и св. Владиміра 2-й степени (1794 г.) и чиномъ тайнаго совѣтника (1795 год.). Когда вступилъ на престолъ императоръ Павелъ I, князь Куракинъ, имѣя только 35-ть лѣтъ отъ роду, назначенъ былъ главнымъ директоромъ ассигнаціоннаго банка, генералъ-прокуроромъ (4 декабря 1796 г.) и присутствующимъ въ совѣтѣ Его Императорскаго Величества, пожалованъ далѣе кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго (19 декабря) и вслѣдъ затѣмъ министромъ департамента удѣльныхъ имѣній, канцлеромъ россійскихъ орденовъ, съ сохраненіемъ прежнихъ должностей, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ (5 апрѣля 1797 года), кавалеромъ ордена св. Апдрея Первозваннаго (19-го декабря того жъ года) на 39-мъ году отъ рожденія; затѣмъ получилъ нѣсколько деревень и богатыя рыбныя ловли на Волгѣ. Въ 1798 году ему вѣрено главное попечительство надъ новоучрежденнымъ государственнымъ банкомъ для

дворянъ. Кромѣ того, исправляя должность генералъ-прокурора, князь Куракинъ завѣдывалъ въ тоже время тайною экспедиціею, коммисіею составленія новаго уложенія (Выс. ук. 1796 г. декабр. 4 № 17610); на него же возложены были обязанности государственнаго казначея для управленія казенною частію. Князю Куракину, какъ генералъ-прокурору, поручено было также составленіе изъ существующихъ узаконеній трехъ книгъ законовъ: уголовныхъ, гражданскихъ и казенныхъ дѣлъ (указы: 1796 г. декабр. 16, 1797 г. мая 3 чиселъ, №№ 17752, 17654, 17978).

По вступленіи въ должность генералъ-прокурора, князь Куракинъ замѣтилъ огромное количество накопившихся перѣшенныхъ дѣлъ въ департаментахъ сената и по общему собранію, число коихъ къ концу 1796 года было по департаментамъ сената 11476 гражданскихъ и уголовныхъ и 360 гражданскихъ по общему собранію. Сенатъ не могъ и думать когда либо привести ихъ къ окончанію тѣми средствами, которыя находились въ его распоряженіи. Кромѣ этихъ недостатковъ въ производствѣ, равно тягостныхъ для судей и судящихся, оказались оные и въ самомъ раздѣленіи занятій по департаментамъ: нѣкоторые изъ нихъ до того были обременены дѣлами, что не было физической возможности приготовить и половины къ докладу.

Вполнѣ постигая всю важность затруднительнаго положенія сената, отъ котораго страдало и само правосудіе, князь Алексѣй Борисовичъ немедленно представилъ государю императору проэктъ преобразованія сената, заключавшійся въ новомъ разпредѣленіи дѣлъ по департаментамъ и въ учрежденіи 3-хъ временныхъ департаментовъ. По проэкту этому изъ всѣхъ департаментовъ должны составляться два общія собранія: одно — изъ департаментовъ постоянныхъ, другое — изъ временныхъ, что и было Высочайше утверждено (указ. 1796 г. декабр. 13 № 17559, 1797 г. янв. 21-го № 17751). Кромѣ того, со времени исправленія имъ должности генералъ-прокурора, обнародованы слѣдующія замѣчательныя узаконенія: 30 декабря 1796 года установлено: въ случаѣ упущеній, учинен-

ныхъ опекунами по дѣламъ малолѣтныхъ, дозволять послѣднимъ приносить на тѣ упущенія жалобы по достиженіи совершеннолѣтія (№ 17698); 17 января 1797 года опредѣлено: опубликовывать по имперіи правительствующему сенату неправильныя рѣшенія судебныхъ мѣстъ (17741); 1-го апрѣля: возбранено губернаторомъ отмѣнять, безъ разсмотрѣнія правительствующаго сената, наказанія, опредѣляемыя уголовными палатами (№ 17900); 5-го апрѣля: запрещено принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни (№ 17909); 19 іюля состоялся указъ о ябедникахъ, чтобы сверхъ штрафа публиковать о нихъ въ газетахъ за напрасное вчинаніе дѣлъ (№ 18055); 31 августа обнародовано наставленіе прокурорамъ межевыхъ канцелярій и конторъ, въ которомъ между прочимъ сказано: «лучше представленіемъ ошибиться, нежели молчаніемъ» (№ 18119); 25 сентября вмѣнено въ обязанность сенату обращать особенное вниманіе какъ на доставленіе, такъ и на продажу дровъ и фуража въ столицѣ (полн. собр. зак. № 18158); съ 20 января 1797 года по 5 августа 1798 года князь Куракинъ занимался составленіемъ общаго гербовника дворянскихъ родовъ (Выс. указ. 1797 г. янв. 21 № 17749); 8 августа 1797 года велѣно ему присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. Затѣмъ князь Куракинъ вышелъ въ отставку.

Императоръ Александръ повелѣлъ снова присутствовать князю Куракину въ 1 департаментѣ правительствующаго сената (1801 г.) и потомъ назначилъ его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (4 февр. 1802 г.). Онъ, благоразумнымъ управленіемъ ввѣреннаго ему края, пріобрѣлъ любовь и благодарность жителей, а сооруженіемъ каменныхъ благотворительныхъ и общественныхъ зданій въ Полтавѣ, служащихъ украшеніемъ городу, оставилъ тамъ по себѣ всегдашнюю память. Съ 1807 года князь Куракинъ назначенъ управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; а въ слѣдующемъ году (30 августа) удостоенъ ордена Св. Владиміра 1-й степени «за благовременныя распоряженія (какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ) разныхъ мѣръ, къ обезпеченію продовольствія относящихъ-

ся, распространеніе нужнѣйшихъ отечественныхъ мануфактуръ и удобнѣйшій распорядокъ медицинской части.»

Въ 1810 году князь Куракинъ отправленъ былъ государемъ въ Парижъ, для привѣтствія Наполеона, по случаю бракосочетанія его съ Маріею—Луизою. Вскорѣ (1810 г.) князю Куракину повелѣно было присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, причемъ онъ исправлялъ неоднократно должность и предсѣдателя онаго (1821 г.). Въ 1826 году Куракинъ именованъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ и, когда князь Лопухинъ назначенъ былъ предсѣдателемъ верховнаго уголовнаго суда, учрежденнаго надъ государственными преступниками, велѣно князю Куракину, въ случаѣ болѣзни его, предсѣдательствовать въ семъ судѣ.

Князь Алексѣй Борисовичъ скончался 30 декабря 1829 г. на 71 году отъ рожденія, послѣ 50-ти лѣтней усердной и полезной для государства службы. Имъ составленъ Высочайше утвержденный статутъ знака отличія безпорочной службы (*).

Князь Куракинъ оказалъ первое покровительство М. М. Сперанскому, знаменитому впослѣдствіи сановнику и графу; первоначально принялъ онъ его къ себѣ въ домашніе секретари, а потомъ помѣстилъ на службу въ 1797 году въ канцелярію генералъ-прокурора, съ чиномъ титулярнаго совѣтника по званію магистра и жалованьемъ 760 рублей въ годъ. Далѣе, въ продолженіе полутора года, отъ начала новаго служебнаго поприща Сперанскаго, князь исходатайствовалъ ему чины надворнаго и коллежскаго совѣтниковъ (жизнь Сперанскаго, въ 1861 г. состав. барономъ Корфомъ стр. 47).

Князю Куракину также обязано улучшеніемъ своего положенія потомство Ломоносова, по слѣдующему обстоятельству: И. И. Ахвердовъ, архангельскій губернаторъ, объѣзжая уѣзды своей губерніи, узналъ о томъ, что родная сестра Ломоносова живетъ въ крестьянскомъ быту; онъ написалъ о ней князю Куракину, а послѣдній доложилъ государю императору. Павелъ I-й подписалъ указъ объ избавленіи всего потомства Ломоносова отъ подушнаго оклада и рекрутской повинности (Вѣст. Европы 1801 г. ч. 11 № 8 стр. 312, ст. И. И. Ахвердовъ, или, нѣчто о потомствѣ Ломоносова).

(*) Слов. достоп. людей русск. земл. Бант.—Каменскаго. ч. 2 стр 221—227.

VIII.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ БЕКЛЕШЕВЪ (*).

Александръ Андреевичъ Беклешевъ, генералъ отъ инфантеріи и разныхъ орденовъ кавалеръ, родился 1-го марта 1743 года. Фамилія его принадлежала къ одному изъ древнѣйшихъ русскихъ дворянскихъ родовъ. Получивъ воспитаніе въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, куда вступилъ въ 1756 году, онъ здѣсь же оставался и на службѣ до капитанскаго чина. Переведенный въ 1769 году поручикомъ въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, Беклешевъ участвовалъ въ морскомъ походѣ графа Орлова противъ турокъ. Въ 1773 году онъ былъ выпущенъ изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи въ армейскій полкъ полковникомъ, гдѣ, получивъ чинъ бригадира 7-го января 1779 года и генералъ-маіора 5-го мая того же года, сдѣланъ былъ командиромъ шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка. Но не воинскими доблестями суждено было прославиться Беклешеву; онъ вскорѣ замѣченъ былъ императрицею Екатериною II-ю, какъ отличный администраторъ и назначенъ въ 1782 году губернаторомъ въ Ригу. Въ продолженіе 6 ти лѣтъ онъ занималъ эту должность съ особеннымъ успѣхомъ и неутомимою дѣятельностію. Пожалованный за труды свои чиномъ генералъ-поручика въ 1789 году, онъ былъ переведенъ на болѣе важный постъ. Императрица поручила ему въ 1790

(*) Въ краткій промежутокъ времени между генералъ-прокурорствомъ кн. Куракина и Беклешева, должность генералъ-прокурора занималъ (отъ 1798 до 1799 г.) кн. Лопухинъ. Впослѣдствіи (въ 1803 г.) кн. Лопухинъ назначенъ былъ министромъ юстиціи и занималъ эту должность семь лѣтъ. Посему, жизнеописаніе его мы признали за лучшее помѣстить, соблюдая хронологическій порядокъ, вслѣдъ за біографіею Державина, послѣ котораго кн. Лопухинъ вступилъ въ управленіе министерствомъ юстиціи.

году исправлять должность генералъ-губернатора орловскаго и курскаго намѣстничества и за отличную 6-ти лѣтнюю службу въ сей послѣдней должности наградила его орденомъ Св. Александра Невскаго.

Императоръ Павелъ I-й, вступивъ на престолъ, переименовалъ Беклешева въ генералъ-лейтенанты и назначилъ военнымъ губернаторомъ Каменецъ-Подольска 3-го декабря 1796 года; въ слѣдующемъ году 10-го апрѣля государь произвелъ его въ чинъ генерала отъ инфантеріи, а 14 марта 1798 года переименовалъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; но чрезъ три съ половиною мѣсяца, именно 30-го іюня, повелѣлъ ему вновь быть генераломъ отъ инфантеріи и вмѣстѣ съ тѣмъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ; затѣмъ 24-го октября государь перевелъ его военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, назначилъ шефомъ кіевскаго гренадерскаго полка и инспекторомъ украинской дивизіи по инфантеріи; въ 1799 году причислилъ его къ своей свитѣ; пожаловалъ сенаторомъ 25-го іюня, генералъ-прокуророхъ 7-го іюля и кавалеромъ большаго креста Св. Іоанна Іерусалимскаго. Назначеніе Беклешева на этотъ важный постъ было привѣтствовано всѣми, какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ выборовъ кратковременнаго, но обильнаго перемѣнами людей, этого царствованія: «зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ?—спросилъ его Павелъ при первомъ ихъ свиданіи—какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! какой Лопухинъ! ты да я, я да ты, впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать» (жизн. Сперанскаго, составленная статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ част. 1 стр. 49); но вскорѣ затѣмъ императоръ, 2-го февраля 1800 года, уволилъ его не только отъ генералъ-прокурорскаго званія, но и вовсе отъ службы. Причину увольненія Беклешева приписывали тому, что онъ мало уважалъ требованія случайныхъ при дворѣ и потому часто бывалъ съ ними въ размолвкѣ (тамъ же стр. 59). Въ кратковременное исправленіе Беклешевымъ должности генералъ-прокурора послѣдовали слѣдующія замѣчательныя узаконенія: 1) 1799-го года января 25-го именнымъ указомъ учреждены фискалы въ Подольской, Волынской, Минской, Литовской и

Кіевской губерніяхъ, 7-го класса, съ жалованьевъ по 500 рублей въ годъ. Главною обязанностію ихъ было наблюденіе за недопущеніемъ проволочки по дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ; для чего они должны были по два раза въ годъ, не назначая времени, обозрѣвать лично каждый свою губернію и не только входить въ существо и теченіе дѣлъ, производящихся въ судахъ, но развѣдывать о всякомъ злоупотребленіи власти и безгласномъ притѣсненіи обывателей, и какъ скоро откроютъ то или другое, немедленно доносить губернатору и генералъ-прокурору (полн. собр. зак. т. 25 № 18826). Но такъ какъ этимъ фискаламъ не было дано точной инструкціи въ руководство, то отъ этого происходило много недоразумѣній. Для отвращенія ихъ, генералъ-прокуроръ подалъ его величеству докладную записку, въ коей опредѣлилъ «точныя границы» для дѣятельности фискаловъ. Докладъ этотъ 8 го декабря 1799 года и удостоился Высочайшаго утвержденія (пол. собр. зак. т. 25 № 19218); 2) указомъ 31 іюля 1799 года смягчено наказаніе за воровство въ 20 руб.; такъ, вмѣсто каторжной казни, наказанія кнутомъ, велѣно такихъ преступниковъ наказывать плетьми и отсылать на мѣста жительства, откуда годныхъ отдавать въ рекруты (пол. соб. зак. № 19059); 3) о засѣданіяхъ сената въ это же время состоялись постановленія: а) о бытіи общему собранію сената по дѣламъ, особаго уваженія требующимъ, въ мѣстѣ резиденціи (Высоч. повел. объяв. генер.-прокур. 1799 г. ноября 15 № 19189); б) о назначеніи присутствія 1 департамента по дѣламъ, государственную важность заключающимъ, въ Гатчинѣ. Послѣ этихъ распоряженій въ октябрѣ 1799 года вечеромъ генералъ-прокуроръ Беклешевъ получилъ отъ государя приказаніе, чтобы на другой день общее собраніе сената было въ Гатчинѣ. Всѣ сенаторы отправились туда ночью, не зная причины собранія. Длинная и узкая комната отведена была для присутствія; большой столъ по срединѣ оставлялъ мало мѣста для прохода. Въ половинѣ 10 часа, послѣ развода, повѣщено было правительствующему сенату, что государь императоръ изволитъ итти въ

общее собраніе. Сенаторы стали въ двѣ шеренги на одной сторонѣ комнаты. Императоръ вошелъ въ сопровожденіи великаго князя Александра Павловича и, подойдя къ своимъ кресламъ, представилъ присутствующимъ великаго князя, какъ сенатора, выразивъ свое повелѣніе относительно этого предмета слѣдующими словами: «милостивые государи! Я хочу, чтобы наслѣдникъ мой занималъ первое по мнѣ мѣсто въ сенатѣ». По занятіи великимъ княземъ мѣста по правую сторону императора, государь продолжалъ: «предметъ настоящаго собранія есть разсмотрѣніе составленнаго по моему приказанію проэкта объ учрежденіи запасныхъ магазиновъ въ имперіи. Поручаю вамъ, милостивые государи, неотлагательно заняться этимъ дѣломъ, съ которымъ сопряжено благосостояніе народа, претерпѣвающаго большія бѣдствія во времена неурожая». Вслѣдъ затѣмъ государь спросилъ генералъ-прокурора; «есть ли указы къ моей подписи?» Указы были подписаны и подписаны. Послѣ того государь всталъ съ кресель, и, когда сенаторы расположились въ прежнемъ порядкѣ на одной сторонѣ комнаты, оставилъ собраніе съ такими словами: «я оставляю васъ, милостивые государи, но надѣюсь, что вы не оставите меня и погостите съ недѣлю въ Гатчинѣ. Хозяинъ постарается, чтобы вы, среди занятій, провели время пріятно.»

Вступивъ на престолъ, Александръ 1-й снова вызвалъ Беклешева на службу отечеству, возвративъ ему 16 марта 1801 года должность генералъ-прокурора съ тѣмъ, чтобы онъ каждонедѣльно подносилъ государю рапорты и меморіи отъ сената лично (Высоч. повел. 1801 г. апрѣл. 3 № 19818), а 15 сентября, въ день своего коронованія, пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Вслѣдъ за тѣмъ состоялся высочайшій указъ о сочиненіи сенату новаго доклада о правахъ и обязанностяхъ его для утвержденія онаго на незыблемыхъ основаніяхъ. Докладъ этотъ въ непродолжительномъ времени былъ составленъ, поднесенъ государю генералъ-прокуроромъ и удостоился высочайшаго утвержденія 8 сентября 1802 года (пол. собр. зак. № 20405). Основ-

ныя положенія его были слѣдующія: сенатъ есть верховное мѣсто въ имперіи, онъ охраняетъ законы, печется о повсемѣстномъ отправленіи правосудія, наблюдаетъ за сборомъ податей и за расходомъ, заботится о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденію тишины и спокойствія. Всѣ присутственныя мѣста подчинены сенату, поэтому верховная ревизія по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и межевымъ принадлежитъ безпристрастному и нелицемѣрному его правосудію; даже дѣйствія самихъ министровъ, по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, должны быть разсматриваемы сенатомъ. Каждый изъ министровъ въ концѣ года долженъ подавать государю императору чрезъ сенатъ письменный отчетъ объ управленіи ввѣренными ему частями, исключая дѣлъ, подлежащихъ особой тайнѣ. Сенатъ, изслѣдовавъ этотъ отчетъ въ присутствіи самаго министра, могъ требовать отъ него, въ случаѣ надобности, объясненій, сравнивать его показанія съ рапортами, доставленными прямо отъ тѣхъ или другихъ мѣстъ, разсматривать всѣ высочайшіе указы, изданные въ томъ году по его управленію, равно какъ и высочайше конфирмованные доклады, объявленные симъ министромъ сенату. По учиненіи всѣхъ сихъ соображеній, сенатъ обязанъ былъ входить докладомъ къ государю, представляя означенный отчетъ министра, вмѣстѣ съ мнѣніемъ своимъ объ управленіи и состояніи дѣлъ, порученныхъ послѣднему. «Впрочемъ, въ случаѣ, ежели и прежде окончанія года сенатъ усмотритъ изъ получаемыхъ имъ рапортовъ или донесеній губернскихъ прокуроровъ, что въ какую нибудь часть вкрались злоупотребленія, и что дѣла, до нея касающіяся, производятся безпорядочно и противузаконно, то онъ обязанъ былъ, не отлагая до другаго времени, тотчасъ требовать объясненія отъ министра той части, и ежели отвѣтъ не будетъ признанъ удовлетворительнымъ, представить о томъ всеподданнѣйшій докладъ» (манифъ. 1802 года сентября 8-го № 20406). Власть сената ограничивается единственно властію государя, который одинъ только и имѣетъ право предсѣдать въ сенатѣ. Указы сената исполняются всѣми, какъ собственные ука-

зы императорскаго величества. Одинъ государь или его именной указъ можетъ остановить сенатскія повелѣнія. За нарушеніе своей должности сенаторъ долженъ судиться въ общемъ собраніи сената. Сенату предоставлено право опредѣлять чиновниковъ на мѣста, также производить ихъ въ чины, по выслугѣ установленныхъ закономъ сроковъ. (Высоч. утв. докладъ прав. сен. 1802 г. сентяб. 8 № 20106) (*). Затѣмъ, того же 8 сентября 1802 года, Беклешевъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить этотъ трудный и важный постъ. Здѣсь кстати мы нелишнимъ считаемъ присовокупить, что Беклешевъ любилъ науки и ученыхъ, а потому, тотчасъ попавъ и оцѣнивъ состоявшаго тогда въ генералъ-прокурорской канцеляріи М. М. Сперанскаго, какъ одного изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ своихъ экспедиторовъ, исходатайствовалъ ему чинъ статскаго совѣтника. Въ 1804 году Беклешевъ вновь вступилъ въ службу и опредѣленъ главнокомандующимъ въ Москву. Въ этомъ почетномъ званіи онъ удостоился получить въ 1805 году высочайшій рескриптъ, которымъ изъявлена была ему благодарность за отличное усердіе къ службѣ, долговременнымъ опытомъ выказанное, и труды, къ благоустройству и спокойствію ввѣреннаго ему управленія подъемлемые. И не смотря на отдаленность времени, слѣды попечительной заботливости Александра Андреевича о порядкѣ, правосудіи въ первопрестольной столицѣ, ея украшеніи до сихъ поръ остаются въ памяти жителей оной. Вскорѣ однако разстроенное здоровье

(*) *Примѣч.* Сверхъ того этимъ генералъ-прокуроромъ были объявлены слѣдующія Высочайшія повелѣнія: а) объ учрежденіи генералъ-прокурорскаго дома (1801 г. декабря 25). Въ именномъ высочайшемъ указѣ, данномъ посему сенату, сказано: гоф-интендантской конторѣ исправить и, убравъ пристойнымъ образомъ, сдать по описи, кому отъ сената и ручено будетъ, купленный у бывшаго генералъ-прокурора князя Вяземскаго домъ его, опредѣленный «особымъ на чинъ генералъ-прокурора домомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось сенату: «почитая тотъ домъ казеннымъ и всегдашнимъ для помѣщенія генералъ-прокуроровъ, назначить для присмотра за симъ зданіемъ особаго чиновника, на жалованье которому и содержаніе самаго дома опредѣлено 1500 р. въ годъ (пол. сбр. зак. т. 26 № 20091); б) о неприсутствованіи сенату въ страстную и свѣтлую недѣли (1802 года марта 28 № 20202).

заставило Беклешева вновь выйти въ отставку (1806 г. апр. 3). При этомъ случаѣ государь императоръ пожаловалъ ему алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго и въ новомъ рескриптѣ на его имя выразилъ надежду свою видѣть его, по выздоровленіи, вновь на службѣ, всегда полезной и ревностной. Въ самомъ дѣлѣ Беклешевъ не обманулъ ожиданій любимаго монарха; уже въ слѣдующемъ 1807 году, когда Россіи предстояла борьба съ Франціею, онъ былъ избранъ главнокомандующимъ второю областію земскаго войска, образовалъ его, и за оказанное усердіе и любовь къ отечеству награжденъ 26 октября 1807 года орденомъ Св. Владиміра 1-й степени. Это была его послѣдняя служба: въ 1808 году Беклешевъ скончался въ Ригѣ на 66 году отъ рожденія, оставивъ по себѣ не состояніе, но имя справедливаго начальника, добраго и честнаго гражданина (*) (1).

Бантышъ-Каменскій въ словарѣ своемъ приводитъ два слѣдующихъ анекдота, вполнѣ характеризующихъ Беклешева. Однажды Александръ Андреевичъ получилъ отъ подвѣдомственнаго ему чиновника представленіе, написанное непонятнымъ слогомъ и тотчасъ потребовалъ къ себѣ своего правителя канцеляріи. «Есть ли у тебя въ числѣ писцовъ похожій на дурака? спросилъ онъ его. «Нѣтъ», отвѣчалъ съ удивленіемъ правитель канцеляріи, «дураковъ я не принимаю на службу». «Э, братецъ» продолжалъ Беклешевъ, «ты меня не понимаешь! Уже ли у тебя всѣ служители канцелярскіе одарены одинакимъ умомъ и нѣтъ между ними такого, который бы имѣлъ почеркъ хорошій, а умъ обыкновенный, не видѣлъ бы далѣе своего носа? Однимъ словомъ, трудолюбиваго, усерднаго простяка? Отыщи непремѣнно и прими его ко мнѣ.» Черезъ нѣсколь-

(*) *Прим.* М. М. Сперанскій, во время заточенія своего въ Перми, въ разговорахъ съ купцомъ Поповымъ о тѣхъ четырехъ генералъ-прокурорахъ, у коихъ онъ находился, если не по наименованію, то на самомъ дѣлѣ, правителемъ ихъ канцеляріи, сказалъ: «Беклешевъ былъ ихъ всѣхъ умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе,—ему ничего не удавалось; всѣхъ ихъ менѣе имѣлъ способностей Обольяниновъ и ему все съ рукъ сходило.» (Жизн. Сперанск. стр. 61).

(1) *Словарь достопам.* людей Бантышъ-Каменскаго, част. 1 стр. 171—173.

ко минутъ явился къ Беклешеву канцелярскій писарь, и онъ сказалъ ему: «я очень радъ, что имѣю случай познакомиться съ тобою; изготовь отвѣтъ на эту бумагу и принеси къ моей подписи; да, смотри, не спрашивай ни у кого совѣта; пиши, какъ разумѣешь». Писарь исполнилъ въ точности приказаніе Александра Андреевича; послѣдній, не читая, подписалъ безтолковое произведеніе его пера, а чиновникъ, подвѣдомственный Беклешеву, благодарилъ его «за удовлетворительное разрѣшеніе испрашиваемыхъ недоумѣній». Въ другое время одна просительница явилась къ Александру Андреевичу въ Москвѣ съ жалобою на частнаго пристава, который, не смотря на убѣдительныя ея просьбы, за долги покойнаго мужа приступилъ было къ описи оставшагося послѣ него имѣнія; частный приставъ съ своей стороны жаловался на просительницу: «что она нагрубила ему, выгнала изъ покоевъ». «Не успѣла я похоронить мужа своего», продолжала вдова со слезами, «а онъ, не давъ мнѣ опомниться, хотѣлъ описывать уже все въ домѣ. Сжальтесь надъ горькимъ моимъ положеніемъ»! «Молчи», возразилъ съ сердцемъ Беклешевъ, «ты не заслуживаешь никакого состраданія, когда осмѣлилась оказать неуваженіе полицейскому чиновнику, простерла дерзость до непозволительной степени. Убирайся къ себѣ! Я не хочу съ тобой говорить. Если впредь будешь поступать такимъ образомъ, то не избѣгнешь строгаго наказанія.» Когда же просительница, напуганная, вышла изъ комнаты, Александръ Андреевичъ сказалъ частному приставу: «стыдно тебѣ, братецъ, что ты не уважилъ бѣдственнаго положенія этой вдовы и, не давъ ей осушить слезъ, увеличилъ еще сердечную рану. Не тревожь ее нѣкоторое время; дай ей успокоиться» (1).

---

(1) Словарь достопамятныхъ людей Бантышъ-Каменскаго, час. 1 стр. 171-175.

II.

ПЕТРЪ ХРИСАНФОВИЧЪ ОБОЛЬЯНИНОВЪ.

Генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ Петръ Хрисанфовичъ Обольянииновъ происходилъ отъ небогатой, но древней дворянской фамиліи. Записанный въ 1768 году кадетомъ въ армію, онъ, начавъ очень счастливо свое служебное поприще, получилъ въ 1769 году разомъ два чина—прапорщика и подпоручика; въ слѣдующемъ же году произведенъ былъ въ поручики, потомъ въ 1773 году въ капитаны и наконецъ съ чиномъ секундъ-маіора переведенъ въ 1778 г. въ новгородскій баталіонъ. Но здѣсь онъ оставался не долго: въ 1780 году, въ чинѣ премьеръ маіора, былъ отставленъ отъ службы. Послѣ трехъ-годичной отставки, Обольянииновъ поступилъ наконецъ въ 1783 году въ гражданскую службу губернскимъ стряпчимъ въ псковское намѣстническое правленіе, оттуда назначенъ совѣтникомъ въ гражданскую палату, а въ 1792 году въ казенную съ чиномъ надворнаго совѣтника. Такимъ образомъ, казалось, судьба назначала ему скромное поприще. Но скоро обстоятельства перемѣнились. Переименованный въ 1793 году въ подполковники, онъ снова поступаетъ на службу по адмиралтейству. Съ этихъ поръ начинается его быстрое возвышеніе. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ онъ получилъ чины: полковника (1795 г.), генералъ-маіора (1796 г.), назначенъ генералъ-провіантмейстеромъ (1796 г), въ воздаяніе усердной службы пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени (1796 г.), Александра Невскаго (1796 г.) и 2000 душъ въ саратовской губерніи (1797 г.), наконецъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта (1798 г.), назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ, 1800 года февраля 2 дня; исправлялъ но-

вую должность свою только одинъ годъ. Обольяниновъ въ продолженіи послѣдняго времени службы, пользуясь особеннымъ къ себѣ монаршимъ благоволеніемъ, получилъ девять наградъ: 1) командорскій крестъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго (1799 г.); 2) Высочайшее соизволеніе на ношеніе пожалованнаго ему королемъ французскимъ креста св. Лазаря (1800 г.); 3) большой крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго; 4) орденъ св. Андрея Первозваннаго; 5) чинъ генерала отъ инфантеріи; 6) табакерку съ брилліантами; 7) слиткомъ на 120,000 фарфоровыхъ и серебреныхъ сервизовъ и другихъ рѣдкихъ вещей; 8) три Высочайшихъ благоволенія; 9) каменный домъ. Въ 1800 году Обольяниновъ былъ назначенъ членомъ совѣта, учрежденнаго при императорѣ Павлѣ (1), а въ 1801 году марта 16-го, за болѣзнію, по прошенію уволенъ отъ службы.

Въ бытность Обольяниновъ генералъ-прокуроромъ, особенныхъ постановленій по правительствующему сенату и министерству юстиціи не послѣдовало, кромѣ слѣдующихъ узаконеній: 1) о томъ, чтобы дѣла, заслушанныя въ правительствующемъ сенатѣ, оканчивались по мнѣнію наличныхъ сенаторовъ, не смотря на то, что хотя бы кто изъ нихъ выбылъ изъ службы или былъ командированъ въ другія мѣста (Высоч. повел., объявл. генер.-прок. 1800 г. марта 23 № 19338); 2) о присутствованіи въ сенатѣ и другихъ мѣстахъ въ страстную недѣлю до четверга, а въ недѣлю св. Пасхи—съ среды, а сырная и первая недѣли поста освобождались отъ присутствія (Высоч. повел. объяв. генер.-прок. 1800 г. марта 31, 1801 г. января 30, №№ 19351, 19738).

По свидѣтельству современниковъ, Обольяниновъ, будучи человѣкомъ честнымъ и добросердечнымъ, душею преданнымъ государю и безусловнымъ исполнителемъ его воли, не имѣлъ однако же нужныхъ средствъ для того, чтобы быть полезнымъ монарху и общему дѣлу: не получивъ никакого образованія, почти безграмотный, притомъ крайне горячій,

(1) Истор. госуд. совѣта г. Даневскаго, стр. 43.

Обольяниновъ держался одною только своею исполнительностію. Пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ государя, онъ вошелъ въ такую силу и пріобрѣлъ такое уваженіе, что не только военный губернаторъ графъ Паленъ, но и всѣ высшіе военные, статскіе и дворцовые чины пріѣзжали къ нему и наполняли залы, ожидая его выхода. Даже у него бывали великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, ибо ему поручена была, сверхъ статской, и военная часть подъ нѣкоторый, хотя не формальный, но сильный надзоръ. Каретъ на площади противъ его дома (1), какъ разсказываетъ очевидецъ г. Ильинскій, бывало столько же, какъ и при дворцѣ во время торжественнаго дня (жизнь Сперанскаго, изданная барономъ Корфомъ, 1861 года стр. 52). Далѣе, мы дозволимъ себѣ выписать здѣсь кстати изъ того же источника любопытный разсказъ о первомъ представленіи М. М. Сперанскаго Обольянинову.

«Сперанскій много наслышался о грубомъ и запальчивомъ нравѣ новаго своего начальника. Въ городѣ ходилъ не одинъ анекдотъ о площадныхъ ругательствахъ, которыми онъ осыпалъ своихъ подчиненныхъ, и друзья молодаго чиновника пугали его предстоявшею ему будущностію. Въ позднѣйшіе годы своей жизни Сперанскій любилъ самъ разсказывать, что послѣ милостей и особеннаго отличія, которыми онъ пользовался отъ прежнихъ начальниковъ, ему естественно не хотѣлось стать въ общій рядъ. Но какъ и чѣмъ выказать, что онъ не то, что другіе? Нашъ экспедиторъ понималъ, что многое должно будетъ рѣшиться первыхъ свиданіемъ, первымъ впечатлѣніемъ: и вотъ, въ назначенный день и часъ, онъ является въ переднюю грознаго своего начальника. О немъ докладываютъ, и его велѣно впустить. Обольяниновъ, когда Сперанскій вошелъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, спиною къ двери. Чрезъ минуту онъ оборотился и, такъ сказать, остолбенѣлъ. Вмѣсто неуклюжаго, рабольпнаго, тренещущаго подъячаго, какого онъ, вѣроятно, думалъ увидѣть, передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ, очень приличной наружности, въ положеніи почти-

(1) Онъ жилъ на углу большой морской и почтамтской улицъ, въ домѣ, принадлежащемъ теперь В. Н. Карамзину.

тельномъ, но безъ всякаго признака робости или замѣшательства, и притомъ, что, кажется, всего болѣе его поразило, не въ обычномъ мундирѣ, а во французскомъ кафтанѣ изъ сѣраго гроґрана, въ чулкахъ и башмакахъ, въ жабо и манжетахъ, въ завиткахъ и пудрѣ, словомъ, въ самомъ изысканномъ нарядѣ того времени. Сперанскій угадалъ, чѣмъ взять надъ этою грубою натурою. Обольяниновъ тотчасъ предложилъ ему стулъ и вообще обошелся съ нимъ такъ вѣжливо, какъ только умѣлъ. Впрочемъ, не смотря на первое благосклонное впечатлѣніе, служба Сперанскаго при новомъ начальникѣ была не легка. Въ порывахъ необузданной вспыльчивости, Обольяниновъ не только безпрестанно бранился, но и щедро расточалъ угрозы кандалами, крѣпостью, каторгою, хотя все это, при его доброй натурѣ, ограничивалось болѣе только словами. Однажды, въ Гатчинѣ, одинъ изъ товарищей Сперанскаго (1) засталъ его въ горькихъ слезахъ. «Что такое? Помилуйте, хоть бы сейчасъ броситься въ прудъ. Работаю день и ночь, а отъ Петра Хрисанфовича слышу одни ругательства: сейчасъ еще, Богъ знаетъ за что, разбранилъ меня въ пухъ и обѣщалъ запрятать въ казематы на семь сажень подъ землею. Этого вынести нельзя».

Получивъ отставку, Обольяниновъ поселился въ Москвѣ, по примѣру вельможъ тогдашняго времени. Здѣсь цѣлыя 17 лѣтъ оставался онъ въ бездѣйствіи. Наконецъ московское дворянство выбрало его своимъ губернскимъ предводителемъ. Особыя усердіе и ревность его въ исправленіи этой должности, въ продолженіи девяти лѣтъ, до 1828 года, обратили на себя вниманіе государя. 1822 года онъ награжденъ былъ орденомъ Св. Владимира 1-й степени, а въ 1826 году Высочайше изъявлена ему совершенная признательность.

Обольяниновъ скончался въ 1841 году 22 сентября, новоторжскаго уѣзда въ своемъ селѣ Толожнѣ, гдѣ онъ отдыхалъ отъ своей продолжительной службы. Прахъ его покоится въ тамошней приходской церкви (2).

---

(1) В. К. Безродный, служившій при Обольяниновѣ по другому его званію генералъ-провіантмейстера и умершій въ послѣдствіи сенаторомъ.

(2) Извлеченіе изъ архивныхъ и частныхъ свѣдѣній.

X.

ГАВРІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ.

Державинъ родился въ Казани 3-го іюля 1743 года. Отецъ его, потомокъ Багрима мурзы, выѣхавшаго изъ орды въ Россію при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ Темномъ, служилъ въ арміи и вышелъ въ отставку въ 1754 году съ чиномъ полковника (1). Гавріилъ Романовичъ лишился его въ ранней юности. Съ дѣтства началась для будущаго поэта кочующая жизнь. Ему не было еще года, когда его перевезли изъ Казани въ Яранскъ (нынѣ городъ Вятской губерніи), потомъ родители переѣхали съ нимъ въ Ставрополь, что на Волгѣ (въ Самарской губерніи) и наконецъ въ исходѣ 1749 или началѣ 1750 года въ Оренбургъ. На четвертомъ году молодой Державинъ умѣлъ уже читать; первыми учителями его, какъ онъ самъ говоритъ, были «церковники», т. е. церковные причетники (2). Затѣмъ послѣ смотра недорослей изъ дворянъ, произведеннаго, согласно существовавшимъ тогда постановленіямъ оренбургскимъ губернаторомъ Неплюевымъ, онъ отданъ былъ учиться въ школу иностранца Іосифа Розе, сосланнаго за разныя преступленія въ Оренбургъ въ каторж-

(1) Въ этомъ же 1754 году отецъ Державина и скончался въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ словарѣ митрополита Евгенія смерть его ошибочно показана въ 1775 году. Мать поэта, Ѳекла Андреевна, послѣ смерти мужа прожила еще тридцать лѣтъ (Жизнь Державина Я. К. Грота, Русск. Вѣсти. 1860 г. № 7 стр. 316).

(2) Такъ говоритъ Державинъ въ своихъ запискахъ, но, по словамъ митрополита Евгенія, грамотѣ выучила его мать.

пую работу (1). Въ этой школѣ, гдѣ вмѣстѣ съ мальчиками учились и дѣвочки, главнымъ и почти единственнымъ предметомъ ученія былъ нѣмецкій языкъ. Далѣе Державинъ изучалъ ариѳметику и геометрію, сперва у гарнизоннаго школьника Лебедева, а потомъ у штыкъ—юнкера артиллеріи Полетаева. На 15-мъ же году своего возраста онъ отданъ былъ во вновь открывшуюся въ 1758 году казанскую гимназію. Директоръ ея, извѣстный литераторъ Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, находя въ Державинѣ большія способности къ рисованію, бывши въ Петербургѣ, представилъ нѣкоторыя его геометрическія черченія куратору московскаго университета Ивану Ивановичу Шувалову (2). Возвратясь въ Казань, Веревкинъ объявилъ всѣмъ отличившимся работами ученикамъ, что они записаны солдатами въ гвардейскіе полки, а Державинъ, согласно его просьбѣ,—контуторомъ въ инженерный корпусъ. Державинъ не успѣлъ кончить скуднаго своего воспитанія: въ началѣ 1762 года пришло изъ Петербурга требованіе, чтобы онъ немедленно явился въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, въ который перевелъ его Шуваловъ, желая, быть можетъ, отличить молодаго человѣка и забывъ его желаніе поступить въ инженерную службу (3) (*).

---

1) Для доставленія Оренбургу, городу тогда новому, рабочихъ рукъ, тамошній губернаторъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ испросилъ у правительства, чтобы въ Оренбургъ, вмѣсто Сибири, ссылаемы были преступники изъ купцовъ или мастеровыхъ; указы 1744 года марта 19 и 1745 года іюля 7 дня.

2) П. И. Дмитріевъ въ запискахъ своихъ говоритъ, что Державинъ обратилъ на себя вниманіе Веревкина тѣмъ, что снялъ простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа портретъ императрицы Елисаветы, который директоромъ и былъ представленъ Шувалову. Москвитянинъ 1842 г. № 1 стр. 139.

3) Такъ можно заключить изъ словъ митрополита Евгенія въ словарѣ его.

(*) *Примѣч.* Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь содержаніе слѣдующей любопытной бумаги, поданной въ «казанскій» гимназіи въ Казани, какъ и въ Москвѣ, было двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, Державинымъ:

Въ казанскій гимназіи лейбъ-гвардіи преображенскаго полку солдата Гаврила Державина.

Доношеніе.

Нахожусь я, именованный, въ реченныхъ гимназіяхъ съ 759 года, гдѣ обучался до сего 762 года въ разныхъ классахъ, и прошлаго 761 года записанъ

Въ мартѣ 1762 года Гаврінлъ Романовичъ отправился въ Петербургъ, и 28 іюня, въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, стоялъ уже въ солдатскомъ мундирѣ во дворцѣ на часахъ. Ко дню коронованія императрицы въ Москвѣ, Державинъ пришелъ туда съ гвардіею и, услышавъ, что Шуваловъ ѣдетъ за границу, просилъ его взять съ собою, но родные удержали его. Принужденный остаться, Державинъ 28 іюня 1763 года, по ходатайству маіора своего графа Алексѣя Григорьевича Орлова, произведенъ былъ въ капралы. Тогда онъ велъ жизнь чрезвычайно скромную: все свободное отъ занятій по службѣ время посвящалъ чтенію книгъ, прилежно изучалъ извѣстное сочиненіе Третьяковскаго «способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», наконецъ началъ и самъ писать стихи. По свидѣтельству И. И. Дмитріева, первые стихотворные опыты Державина состояли въ переложеніи на рнемы «площадныхъ прибасокъ» на счетъ каждаго гвардейскаго полка; потомъ переложилъ онъ въ стихи нѣсколько начальныхъ страницъ Телемака съ русскаго перевода; когда же узналъ правила поэзіи, то взялъ въ образецъ Ломоносова (1). Въ 1767 году Державинъ произведенъ былъ въ сержанты, а наконецъ 1 января 1772 года получилъ первый офицерскій чинъ. Вскорѣ образъ его жизни перемѣнился; Пугачевъ свирѣпствовалъ въ низовыхъ гу-

---

я въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, о чемъ казанская гимназія сама не безъизвѣстна. А нынѣ и склонность моя и лѣта болѣе не дозволяютъ быть при оной гимназіи, а желаю вступить въ дѣйствительную службу его императорскаго величества въ вышесказанный лейбъ-преображенскій полкъ. *Къ сему*.

Того ради казанскія гимназіи покорно прошу сіе мое доношеніе принять, меня изъ оныхъ гимназій выключить и дать въ бытности о поступкахъ моихъ при гимназіяхъ аттестатъ и для проѣзду моего въ Санктъ-Петербургъ паспортъ. Февраля 2 дня 1762 года. *доношеніе лейбъ-гвардіи преображенскаго полку солдатъ Гаврило Державинъ руку приложилъ*. (Библіографъ, зан. 1859 г. № 16).

(1) Зайне. Ив. Ив. Дмитріева. Москвитянинъ 1842 г. № 1, стр. 160. Кромѣ нѣмецкаго языка Державинъ не зналъ другихъ иностранныхъ языковъ. Древніе классическіе поэты, итальянская и французская словесность, стали извѣстны ему въ послѣдующіе годы по однимъ только нѣмецкимъ и русскимъ переводамъ.

берніяхъ, и генералъ Бибиковъ, назначенный для усмиренія мятежа, прикомандировалъ къ себѣ Державина, по его просьбѣ, вмѣстѣ съ другими гвардейскими офицерами, изъ которыхъ составлена была при Бибиковѣ такъ называемая секретная коммисія. Здѣсь, на новомъ поприщѣ, Державинъ отличился благоразуміемъ и мужествомъ (1); удачно выполнялъ дѣлаемыя ему Бибиковымъ порученія, остановилъ мятежниковъ, хотѣвшихъ отъ Уральска броситься по рѣкѣ Иргизу на внутреннія губерніи, защитилъ саратовскія луговыя колоніи отъ разграбленія киргизъ-кайсаковъ и, разбивши грабителей, освободилъ болѣе тысячи плѣнныхъ семей. Тогда онъ навлекъ на себя неудовольствіе главнокомандовавшаго графа Петра Ивановича Панина по слѣдующему случаю, какъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: получивъ извѣстіе о поимкѣ Пугачева, Державинъ донесъ о семъ по командѣ князю Голицыну и начальнику оренбургской и казанской секретныхъ коммисій троюродному брату свѣтлѣйшаго генералу Потемкину, предоставляя уже послѣднимъ увѣдомить Панина. Графъ, полагаемъ мы, имѣлъ право негодовать на подобный поступокъ Державина. Какъ главнокомандовавшій, онъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ первый получить донесеніе о такомъ важномъ событіи, какъ поимка Пугачева, а потому, конечно, не могъ не предполагать особаго умысла со стороны Державина въ извѣщеніи Потемкина (родственника тогдашняго любимца императрицы) о поимкѣ злодѣя, помимо главнаго началь-

(1) Въ исторіи пугачевскаго бунта А. С. Пушкинъ разсказываетъ слѣдующій случай: 4 августа (1774 года) узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ донскихъ казаковъ и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывести оттуда казну, порохъ и пушки. Но, подъѣзжая къ городу, Державинъ увидѣлъ, что онъ уже занятъ мятежниками, а потому съ двумя казаками и есауломъ отправился обратно въ Саратовъ, весь же остальной отрядъ остался на дорогѣ, поджидая Пугачева. Когда самозванецъ подъѣхалъ къ казакамъ, то, услыша отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, тутъ же переѣмѣнилъ лошадь и, взявъ въ руки дротикъ, самъ, съ четырьмя казаками, поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ; Державинъ едва успѣлъ добраться до Саратова (Соч. Пушкина, изд. Исакова 1859 г. т. VI стр. 102).

ника. Державинъ, какъ кажется, понималъ хорошо это и самъ, ибо, услыхавъ о неудовольствіи на него графа Панина, рѣшился, какъ пишетъ въ своихъ запискахъ, лично объясниться съ нимъ: понятно, что это позднее объясненіе, когда узналъ о немъ генералъ Потемкинъ, не могло не пріобрѣсти ему новаго врага въ лицѣ послѣдняго. Слѣдствіемъ всего этого было то, что изъ всѣхъ отличившихся въ усмиреніи бунта Державинъ, по словамъ его, одинъ не получилъ награды. Сперва онъ ходатайствовалъ объ этомъ у подполковника своего полка Григорія Александровича Потемкина, а наконецъ рѣшился подать прошеніе императрицѣ. Будучи позванъ, вслѣдствіе этого прошенія, къ Потемкину, онъ объяснилъ, что желаетъ быть награжденнымъ деревнями и чиномъ полковника. Потемкинъ обѣщалъ, но, вмѣсто того, въ день новаго 1777 года, Державинъ получилъ одинъ чинъ бомбардирскаго поручика. Только 15 февраля того года даны были сенату два указа о производствѣ Державина въ коллежскіе совѣтники и о пожалованіи ему 300 душъ въ Бѣлоруссіи. За эти милости онъ тогда же благодарилъ Екатерину «письмомъ или изліяніемъ благодарнаго сердца». Письмо это было напечатано особою тетрадкою безъ подписи имени автора. Здѣсь кончаются воинскіе подвиги Державина.

Получивъ статскій чинъ, Державинъ, какъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, чтобы достать себѣ мѣсто, началъ искать знакомство между знатными людьми. Чрезъ Окуневыхъ, бывшихъ въ родствѣ съ генералъ-прокуроромъ Вяземскимъ, Державину удалось познакомиться и съ этимъ вельможей; чрезъ его посредство онъ получилъ мѣсто экзекутора въ 1-мъ департаментѣ сената. Въ это время Державинъ пользовался большимъ расположеніемъ Вяземскаго, весьма часто бывалъ у него, читалъ ему книги, игралъ съ нимъ въ карты, а жена Вяземскаго, дочь бывшаго при Елисаветѣ генералъ-прокурора Трубецкаго, даже хотѣла женить его на двоюродной своей сестрѣ княжнѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Урусовой, извѣстной стихотворицѣ того времени, бывшей впослѣдствіи въ 1811 году почетнымъ членомъ «бесѣды любите-

лей русскаго слова». Къ началу дѣятельности Державина на поприщѣ службы гражданской относится и одно подробно разсказанное имъ въ запискахъ своихъ романическое обстоятельство, которое, какъ онъ выражается, «перемѣнило его жизнь». Перемѣна эта состояла въ томъ, что 18-го апрѣля 1778 года онъ женился на дочери кормилицы великаго князя Павла Петровича, Екатеринѣ Яковлевнѣ Бастидоновой, «соединявшей», по словамъ И. И. Дмитріева, «съ пригожествомъ лица образованный умъ и прекрасныя качества души, такъ сказать, любивой и возвышенной» (1).

Отправляя должность экзекутора, Державинъ надзиралъ за перестройкою сената въ 1779 году, а особенно залы общаго собранія, украшенной разными лѣпными барельефами, изображавшими истину, человѣколюбіе и совѣсть, которыхъ Минерва вводитъ въ храмъ правосудія: на нихъ сходитъ сіяніе и лучами поражаетъ злость и обиду (2); при немъ же въ 1780 году сенатъ былъ посѣщенъ подъ чужимъ именемъ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ. Въ исходѣ этого года была учреждена экспедиція о государственныхъ доходахъ, подъ вѣдомствомъ генералъ-прокурора. Она раздѣлялась на 4 части: 1) приходную, 2) расходную, 3) счетную и 4) недоимочную; въ каждой было по одному предсѣдателю и по 3 совѣтника. Совѣтникомъ по вторую и былъ переведенъ изъ экзекуторовъ сената Державинъ въ прежнемъ чинѣ. Въ автобіографіи своей онъ весьма невыгодно отзывается о новыхъ сотоварищахъ своихъ по службѣ и прибавляетъ, «что они полагали всю обязанность сей экспедиціи на Державина». Впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, самохвальство, вѣчное недовольство существующимъ порядкомъ, постоянныя на все и на всѣхъ жалобы, характеризуютъ едва ли не каждый разсказъ о томъ или другомъ случаѣ изъ жизни автора записокъ. 28 іюля 1782 года Державинъ получилъ, «чрезъ 6-ть лѣтъ», какъ онъ замѣчаетъ, чинъ статскаго совѣтника. Съ этого времени

(1) Москвитянинъ 1842 г. № 1, стр. 158. Записки И. И. Дмитріева.
(2) Объясненія Ѳ. П. Львова къ соч. Державина, 1834 г.

онъ лишается и притомъ на всегда расположенія къ нему Вяземскаго. Причиною тому были, вѣроятно, постоянные споры Державина съ сослуживцами и рѣзкія выходки въ присутствіи начальника. Такъ, однажды, когда Державинъ настаивалъ о повѣркѣ каждый мѣсяцъ вѣдомостей относительно высылки въ разныя мѣста денежныхъ суммъ и когда никто изъ членовъ, въ томъ числѣ и Вяземскій, не соглашались съ нимъ, полагая, что такая повѣрка нужна только въ годовыхъ отчетахъ, то Державинъ, подавшій въ это время князю разныя бумаги для подписи, «въ сердцахъ сунулъ» ихъ находившемуся тутъ же совѣтнику экспедиціи Бутурлину съ словами: «пишите же сами, коли умѣете лучше.» За это князь едва не уволилъ его въ отставку. Подобныя выходки не могли, конечно, не оскорблять Вяземскаго; въ нихъ-то вѣроятно и кроется причина охлажденія его къ Державину. Но послѣдній утверждаетъ, что Вяземскій озлобился на него за оду «Фелица», написанную въ 1782 году (1) и что съ этого времени, по словамъ Державина, князь надъ нимъ «не токмо насмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу.» Все это, говоритъ авторъ записокъ, съ «терпѣніемъ» сносилъ онъ около двухъ лѣтъ, но, вѣроятно, Державинъ не отличался этимъ качествомъ, а быть можетъ его переполнила страсть къ расирямъ. Такъ или иначе, только онъ скоро нашелъ новый поводъ итти на перекоръ распоряженіямъ начальника. Приближался 1784 годъ; князь не велѣлъ составлять новой табели и росписанія для поднесенія императрицѣ о государственныхъ доходахъ на наступающій годъ, а приказалъ поднести старыя. Въ одинъ докладный день, въ присутствіи всѣхъ членовъ экспедиціи, Державинъ сказалъ Вяземскому: «вы изволили приказать записать въ журналъ, что новаго росписанія о табели не сочинять, а поднести старыя. Сіе исполнено. Но думая, чтобъ за то не подвергнуться гнѣву монаршему, не токмо намъ, но

(1) Въ печати ода эта появилась въ 1783 году въ первой книжкѣ «собесѣдника любителей россійскаго слова.»

и вашему сіятельству, я осмѣлился сочинить правила, изъ коихъ изволите увидѣть, что можно показать и новое состояніе государственной казны». Понятно, что Вяземскій не могъ не разсердиться за такое неумѣстное вмѣшательство лица подчиненнаго въ его распоряженія, а слѣдствіемъ этого было то, что Державинъ, по словамъ его, «увидѣвъ худую награду за его труды, рѣшился оставить службу.» 15-го февраля 1784 года былъ конфирмованъ императрицею докладъ сената объ увольненіи Державина въ отставку съ награжденіемъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; причемъ, говоритъ авторъ записокъ, Ея Величество слѣдующимъ образомъ отозвалась къ Безбородкѣ: «скажите ему (Державину), что я его имѣю на замѣчаніи. Пусть теперь отдохнетъ, а какъ надобно будетъ, то я его позову.» Въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи удалось намъ открыть протоколъ общаго собранія департаментовъ сената, 8-го декабря 1783 года, объ увольненіи Державина отъ службы, по прошенію, на основаніи именнаго указа 1762 года февраля 10, о вольности дворянства, съ награжденіемъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ протоколѣ этомъ есть указанія о всей предъидущей службѣ Державина (1).

Находясь въ отставкѣ, онъ въ мартѣ того же года отправился въ свои бѣлорусскія помѣстья, но долженъ былъ остановиться на недѣлю въ Нарвѣ по причинѣ порчи дороги.

Здѣсь окончилъ онъ свою знаменитую оду «Богъ», начатую еще въ 1780 году (2). Изъ Нарвы Державинъ возвратился опять въ Петербургъ, чтобы занять деньгъ, и когда онъ совсѣмъ уже готовъ былъ уѣхать изъ города, какъ вдругъ

---

(1) Книга протоколовъ общаго собранія правительствующаго сената 1783 г. № общ. 61, част. 6350 л. 218. Вслѣдствіе этого протокола послѣдовала приведенная выше конфирмація его государынею 15 февраля 1784 года.

(2) Она напечатана была въ первый разъ въ «собесѣдникѣ» 1784 года кн. хіи. Къ этому же времени относится и стихотвореніе «видѣнія мурзы», въ которомъ два послѣдніе стиха принадлежатъ И. И. Дмитріеву:

Превознесу тебя, прославлю!
Тобой безсмертенъ буду самъ!

(Москвитянинъ 1842 г. № 1 записки И. И. Дмитріева).

совершенно неожиданно прислалъ ему Безбородко изъ Царскаго Села извѣстіе о назначеніи его государынею правителемъ Олонецкой губерніи (такъ назывались тогда гражданскіе губернаторы), о чемъ и послѣдовалъ указъ 20 мая 1784 года. Получивъ этотъ указъ, генералъ-прокуроръ Вяземскій сказалъ, будто бы, по словамъ Державина, своимъ любимцамъ, «что развѣ на его носу полѣзутъ черви, нежели Державинъ просидитъ долго губернаторомъ» (1).

Губернаторомъ въ Олонецкой губерніи Державинъ былъ менѣе года; но строптивости характера, онъ не сошелся съ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Олонецкой губерніи Тутолминымъ, котораго къ запискахъ своихъ упрекаетъ между прочимъ въ глупомъ честолюбіи и чрезвычайномъ тщеславіи (2). Въ автобіографіи своей Державинъ перечисляетъ разныя сдѣланныя имъ въ Олонецкой губерніи «распоряженія и сочиненія, заслуживающія вниманія.» Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) секретное распоряженіе для земской полиціи о недопущеніи раскольниковъ до самосожигательства «изъ бѣсовѣрства»; 2) уставъ о раздачѣ лапландцамъ заимообразно хлѣба на 60-т. рублей изъ заведенныхъ для сего магазиновъ; 3) установленіе пограничной таможенной стражи между Россіею и шведскою Лапландіею; 4) учрежденіе больницы на 40 человѣкъ подъ вѣдомствомъ приказа общественнаго призрѣнія. Державинымъ же, по порученію Тутолмина, открытъ былъ уѣздный городъ Кемь, лежащій при заливѣ Бѣлаго моря, не далеко отъ Соловецкаго монастыря.

Изъ Олонецкой губерніи Державинъ былъ переведенъ въ Тамбовскую. Здѣсь пробылъ онъ не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Изъ полезныхъ дѣяній его, во время управленія Тамбовскою губерніею, начисленныхъ имъ въ его запис-

(1) Зап. Держав. стр. 217.

2) Къ этому времени относится переложеніе 116-го псалма. Онъ напечатанъ въ 1 т. соч. изд. Смирдина подъ заглавіемъ: «уповающему на свою силу». Въ немъ есть намеки на Тутолмина.

кахъ, особенно замѣчательны слѣдующія, а именно: написана топографія губерніи, установленъ въ губернскомъ правленіи особый порядокъ для сокращенія дѣлопроизводства, назначены два срока въ продолженіе года для присылки вѣдомостей изъ казенной палаты о полученіи доходовъ и о недоимкахъ, а изъ судебныхъ мѣстъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, устроена типографія для печатанія, кромѣ указовъ сената, еще и предписаній губернскаго правленія, требующихъ скораго исполненія; изслѣдованы препятствія и затрудненія для судоходства по рѣкѣ Цнѣ; улучшены пути сообщенія и наконецъ изысканы способы для умноженія доходовъ приказа общественнаго призрѣнія до 40 т. руб. въ годъ (стр. 283—287). «Но не смотря на всѣ сіи попеченія и заботы о благосостояніи вѣренной губерніи, Державинъ», по словамъ его, «былъ отлученъ изъ Тамбова». Вотъ къ чемъ заключались причины этого «отлученія». Получивъ мѣсто правителя Тамбовской губерніи, Державинъ сначала жилъ въ согласіи съ генералъ-губернаторомъ Гудовичемъ; «1786 и 1787 годы, отмѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ, все шло въ крайнемъ порядкѣ, тишинѣ и согласіи между начальниками». Но тишина эта и согласіе были не въ характерѣ нашего поэта: съ 1787 года началъ онъ распри и съ Гудовичемъ, котораго, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, называетъ въ своихъ запискахъ, «человѣкомъ весьма слабымъ, дуракомъ, набитымъ барскою пышностью и тѣмъ, что онъ зять графа Разумовскаго». Объемъ настоящей статьи не дозволяетъ намъ прослѣдить весь ходъ раздоровъ Державина съ Гудовичемъ, окончившихся удаленіемъ перваго отъ должности. Они подробно изложены въ запискахъ Державина (272—289 стр.), но едва ли правдиво. Такъ, по крайней мѣрѣ думаемъ мы, основываясь на подлинныхъ производствахъ, найденныхъ нами въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, которыя выставляютъ нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся къ этому періоду служебной дѣятельности Державина, совершенно не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ изложилъ ихъ авторъ въ своихъ запискахъ.

Въ книгѣ сенатскихъ производствъ (1) заключается докладъ императрицѣ 1788 года 1-го департамента сената, вслѣдствіе жалобы правящаго должность рязанскаго и тамбовскаго генералъ-губернатора генералъ-поручика Гудовича на правителя Тамбовской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Державина: во 1-хъ, по случаю допущенныхъ имъ злоупотребленій и безпорядковъ по управленію ввѣренною губерніею, и во 2-хъ, за личное оскорбленіе имъ Гудовича. Изъ доклада этого видно, что настоящее дѣло началось слѣдующимъ образомъ: въ маѣ 1788 года поступили въ сенатъ изъ тамбовскаго намѣстническаго правленія и тамбовской казенной палаты представленія объ отпускѣ воронежскому гражданину Горденину 22,743 рублей на покупку провіанта для екатеринославской арміи, при чемъ открылось, что тамбовскій правитель Державинъ, помимо правящаго должность генералъ-губернатора Гудовича, посылалъ отъ себя въ казенную палату предложенія объ отпускѣ денегъ и самовластно распоряжался такими доходами, которые, по силѣ Высочайшаго указа отъ 21 декабря 1787 года, безъ разрѣшенія генералъ-прокурора (состоявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и въ должности государственнаго казначея), запрещено было употреблять въ расходъ. За это Державину въ указѣ сената отъ 22 іюня 1788 года сдѣланъ былъ выговоръ съ подтвержденіемъ, чтобы онъ впередъ поступалъ осмотрительнѣе и слѣдовалъ во всемъ правиламъ, предписаннымъ экономъ; о чемъ было тогда же сообщено и правящему должность генералъ-губернатора Гудовичу. По послѣдній вскорѣ послѣ сего двумя рапортами отъ 17 и 31 іюля донесъ сенату о новыхъ «противузаконныхъ», по его выраженію, поступкахъ Державина. Въ 1-мъ изъ этихъ рапортовъ Гудовичъ, исчисливъ разныя противныя закону дѣянія Державина, какъ то: упущенія по управленію губерніею, нарушенія Высочайшихъ указовъ, превышеніе власти, вмѣшательство въ должность его,

(1) Книга сенат. производствъ № 958—3, л. 107—122.

генералъ-губернатора, оставляя свою собственную, отъ чего накопилось весьма много нерѣшенныхъ дѣлъ (604), обремененіе генералъ-губернатора излишнею перепискою и т. д., присоокупилъ, что до сихъ поръ онъ не доносилъ сенату о всѣхъ злоупотребленіяхъ Державина потому только, что «не желалъ навлекать сенату затрудненіе въ слѣдствіяхъ для службы Ея Величества непріятныхъ», но наконецъ, будучи лично оскорбленъ Державинымъ, онъ, Гудовичъ, не счелъ себя вправѣ «употреблять болѣе всю возможную умѣренность и снисхожденіе». Вотъ, по словамъ Гудовича, какъ происходило дѣло о личномъ его оскорбленіи Державинымъ: переѣзжая по дѣламъ изъ одного намѣстничества въ другое, Гудовичъ 27 іюля въ пятомъ часу утра собрался ѣхать изъ Тамбова въ Рязань и лишь только сталъ садиться въ повозку, пришелъ къ нему Державинъ и началъ въ такое раннее время приглашать его въ намѣстническое правленіе «трактовать по дѣламъ». Дѣла эти, на которыя уже послѣдовали и предложенія Гудовича тому правленію, касались собственно Державина, именно нанесенія женою его оскорбленія матери предсѣдателя верхней расправы Чичерина, о чемъ послѣдній собирался донести Ея Величеству, и обвиненія самого Державина дворовымъ человѣкомъ г. Макшеева Родіоновымъ въ незаконномъ наборѣ съ темниковскаго откупщика 2000 рублей. Когда же Гудовичъ отказался ѣхать въ правленіе, говоря, что онъ уже тамъ былъ и что онъ не удерживаетъ и не оставляетъ безъ резолюціи ни одного дѣла, то Державинъ между многими оскорбительными для Гудовича и притомъ въ присутствіи подчиненныхъ словами, сказалъ ему: «вы сами не ходите въ правленіе, никакого дѣла не дѣлаете, а на насъ взыскиваете». Во второмъ рапортѣ Гудовичъ доносилъ сенату, что Державинъ, вопреки повелѣнію Ея Величества, минованъ своего начальника, подалъ въ тамбовское намѣстническое правленіе (гдѣ, по причинѣ отсутствія его, Гудовича, онъ находился первоприсутствующимъ членомъ) просьбу на Высочайшее имя о повелѣніи ему (Державину) прибыть въ Петербургъ для объясненія по дѣламъ Тамбовской губерніи, при

чемъ Гудовичъ препроводилъ въ сенатъ и подлинное прошеніе Державина.

Вслѣдствіе сихъ донесеній Гудовича, сенатъ, указомъ 24-го августа, опредѣлилъ взять съ Державина отвѣтъ, съ одной стороны въ упущеніяхъ «прямой его должности», а съ другой «въ укоризнахъ и неприличныхъ выраженіяхъ своему начальнику», о каковомъ распоряженіи сената тогда же было сообщено и Гудовичу. Но послѣдній новымъ рапортомъ отъ 2-го октября 1788 года доносилъ сенату, что Державинъ, получивъ помянутый выше указъ отъ 24 го августа, внесъ его въ намѣстническое правленіе и велѣлъ совѣтникамъ и секретарямъ по всѣмъ экспедиціямъ учинить справку, какъ обо всѣхъ возводимыхъ на него Гудовичемъ обвиненіяхъ, такъ и о томъ, есть ли законы, предписывающіе ему относиться къ генералъ-губернатору. Принимая за обиду своему званію то, что «подчиненный подвергаетъ его дѣйствія разсмотрѣнію намѣстническаго правленія,» и, представляя сенату, что «правитель Державинъ и послѣ сдѣланнаго ему отъ сената подтвержденія въ своихъ противъ его противузаконныхъ поступкахъ не укрощается,» Гудовичъ просилъ сенатъ о повелѣніи Державину не отправлять болѣе своей должности впредь до рѣшенія дѣла по жалобамъ его, Гудовича.

Наложивъ всѣ обстоятельства настоящаго дѣла въ докладѣ Ея Величеству, 1-й департаментъ сената всеподданнѣйше представлялъ объ отрѣшеніи Державина отъ должности и преданіи его суду, «гдѣ оный надъ нимъ произвесть благоугодно будетъ,» за то, «что онъ дерзновеніемъ и упорствомъ отвергаетъ должное повиновеніе, уносѣждая тѣмъ власть начальства, установленную отъ Ея Императорскаго Величества и развращаетъ дѣла службы». Докладъ этотъ полонъ интересныхъ подробностей и довольно ярко характеризуетъ личность Державина.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ свѣдѣній по этому дѣлу въ помянутой книгѣ производствъ сената (№—958—5) не оказалось; впрочемъ намъ удалось открыть ихъ въ вязкѣ мемо-

рій того же учрежденія 1789 года (1). Изъ нихъ видно, что на означенный выше докладъ сената послѣдовалъ именной Ея Величества указъ 18-го декабря 1788 года, о повелѣніи Державину явиться для отвѣта о незаконныхъ его поступкахъ въ 6-й департаментъ сената; причемъ онъ былъ обязанъ подпискою о невыѣздѣ изъ Москвы до окончанія его дѣла.

Дѣло Державина въ 6-мъ департаментѣ сената рѣшено было въ 13-ть засѣданій. Сенатъ единогласно оправдалъ его во всемъ, относя повидъ къ настоящему дѣлу къ личнымъ неудовольствіямъ между имъ и Гудовичемъ, а такъ какъ, заключалъ сенатъ, «Гудовичъ обращался съ Державинымъ всегда съ холодностію и довелъ его чрезъ то до огорченія, а сіе самое и было причиною, что тотъ лишился наконецъ мѣста и слѣдовательно личныя ихъ между собою неудовольствія тѣмъ конецъ свой восприяли». Вслѣдствіе сего и былъ представленъ сенатомъ императрицѣ докладъ о томъ, «что надлежитъ дальнѣйшее по сему дѣлу изслѣдованіе оставить, тѣмъ паче, что жалоба господина генералъ-поручика и кавалера Гудовича лишеніемъ мѣста господина Державина уже удовлетворена». На докладъ этотъ императрица именнымъ указомъ «отозваться соизволила, что сіе дѣло Ея Величество почитаетъ совершенно оконченнымъ и помянутый докладъ пріемлетъ во извѣстіе» (2).

Изъ всего изложеннаго нами, на основаніи открытыхъ документовъ, видно, что рѣшеніе 6-го департамента сената по дѣлу Державина съ Гудовичемъ было вовсе не строгое или пристрастное, напротивъ въ немъ видно какъ бы особое снисхожденіе членовъ сената къ Державину, быть можетъ изъ уваженія къ литературнымъ его заслугамъ. Но не та-

(1) Мемории дѣламъ правительствующаго сената 6-го департамента за 1789 годъ № нижи 8179—78.

(2) Въ запис. Храповицкаго 27 іюня 1789 года находится слѣдующая отмѣтка: «читалъ докладъ о Державинѣ, 6-го сената департаментомъ оправданномъ. Приказано отыскать оду «Фелица» (чтен. общ. ист. и древ. т. 3-й, 1862 г. зап. Храп. стр. 197).

кимъ казалось оно самому Державину и не такимъ представляетъ онъ его въ своихъ запискахъ (290—292 стр.). Такъ, онъ горько жалуется въ нихъ на медленность сената при докладѣ его дѣла, приписывая всѣ проволочки при этомъ вліянію генералъ-прокурора Вяземскаго на членовъ сената, которые будто бы хотя и не находили Державина ни въ чемъ виновнымъ, но «отдаляли его оправданіе» изъ угожденія Вяземскому. Жалуется и на несправедливость рѣшенія этого дѣла, конченаго, какъ говоритъ онъ, въ одно присутствіе. Вотъ въ чемъ состояло, по словамъ Державина, содержаніе этого рѣшенія, которое называетъ онъ «кривымъ и темнымъ»: «хотя казенная палата и самъ генералъ-губернаторъ изобличены въ небреженіи ихъ должностей, а губернаторъ (т. е. правитель) напротивъ того найденъ ни въ чемъ невиноватымъ, но о нихъ ничего не сказано, а о немъ, что какъ де онъ за справки, требованныя имъ изъ губернскаго правленія противъ генералъ-губернатора удаленъ отъ должности, то и быть тому такъ». Далѣе будто бы «желая отвратить предъ императрицею сіе маловажное само по себѣ беззаконное опредѣленіе сената» и рѣшась прибѣгнуть съ жалобою на него къ Ея Величеству, онъ заплатилъ за одну копію съ того опредѣленія оберъ-секретарю 6-го департамента 2000 рублей.

Лишь только окончилось въ 6-мъ департаментѣ сената дѣло Державина, онъ отправился въ Петербургъ, послалъ предварительно императрицѣ письмо, гдѣ выразилъ надежду, что онъ принесъ достаточныя оправданія въ сенатѣ по жалобамъ, присланнымъ на него Гудовичемъ. Но докладъ сената уже былъ конфирмованъ императрицею, а Державину приказано явиться ко двору; причемъ статсъ-секретарь Храповицкій объявилъ ему, что Ея Величество не можетъ быть обвинительницею автора Фелицы (1); послѣ сего Державинъ удо-

(1) «Читалъ просьбу Державина, говоритъ Храповицкій въ запискахъ своихъ, 11 іюля 1789 года, и поднесъ оду Фелица; въ ней прочтено при мнѣ:

Еще же говорить не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

стоился обѣдать за однимъ столомъ съ императрицею въ Царскомъ Селѣ. Тогда онъ рѣшился написать еще письмо государынѣ, въ которомъ, ходатайствуя о выдачѣ заслуженнаго жалованья, какъ за прежнее время, такъ и производства онаго впредь до опредѣленія на мѣсто, просилъ аудіенціи у Ея Величества для личнаго объясненія по дѣламъ Тамбовской губерніи. Дня черезъ три онъ получилъ позволеніе представиться государынѣ (1). Объясненія по дѣламъ губерніи Державинъ началъ обвиненіемъ Гудовича «въ непорядкахъ, несоотвѣтственныхъ законамъ поступкахъ, въ ущербѣ казеннаго интереса» и т. д. Замѣчателенъ отвѣтъ императрицы, приведенный Державинымъ въ его запискахъ: «хорошо, возразила она, но не имѣете ли вы чего въ правѣ вашемъ, что ни съ кѣмъ не уживаетесь». Разсказывая далѣе подробности настоящаго разговора съ императрицею, Державинъ представляетъ его въ автобіографіи своей, кажется, не вполнѣ сходнымъ съ истиною. Бесѣдуя съ авторомъ Фелицы, едва ли на этотъ разъ была благосклонна къ нему государыня, хотя онъ и говоритъ, что Ея Величество пожаловала ему руку и дополнила, что прикажетъ удовлетворить его жалованьемъ и дастъ мѣсто. Вотъ, по крайней мѣрѣ, что отмѣчаетъ Храповицкій по этому случаю въ запискахъ своихъ съ свойственнымъ ему лаконизмомъ: «1-го августа 1789 года провелъ Державина въ китайскую и ждалъ въ ліовской». «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться, надобно искать причину въ себѣ самомъ, онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être content de ma conversation» И далѣе: «велѣно выдать неполученное имъ жалованье, а графъ Безбородко прибавилъ въ указѣ, чтобъ и впредь производить оное до опредѣленія къ мѣсту». (2). Указъ этотъ,

---

Приказано сказать Державину, что докладъ и просьба его читаны и что Ея Величеству трудно обвинить автора оды къ Фелицѣ, cela le consolera. Донесъ о благодарности Державина—on peut lui trouver une place». Чтен. общ. ист. и древ. 1862 г. т. 3. Зап. Храп. стр. 198.

(1) Тамъ же, стр. 200.

(2) Тамъ же, стр. 201.

по словамъ Державина, поразилъ какъ громомъ Вяземскаго и онъ занемогъ параличемъ.

Мѣсто Державинъ получилъ не скоро, не смотря на всѣ возможныя заискиванія у всѣхъ сильныхъ людей того времени, причемъ терпѣлъ отъ нихъ и не мало оскорбленій; такъ князь П. А Зубовъ, по собственному наивному сознанію Державина, часто «стравливалъ его и ссорилъ съ Eминымъ» (1), который въ глаза смѣялся надъ всѣми произведеніями Державина, говоря, напримѣръ, что «ода на взятіе Измаила груба, безъ смысла и безъ вкуса». Не помогло Державину и короткое знакомство съ Потемкинымъ, который, возвратясь изъ арміи по окончаніи турецкой войны, по словамъ автора записокъ, будто бы «необыкновенно къ нему ласкался». Князь Таврическій впрочемъ, добавляетъ Державинъ, не разъ спрашивалъ его чрезъ правителя своей канцеляріи Попова о томъ, не желаетъ ли онъ чего, но что П. А. Зубовъ запретилъ отъ имени императрицы просить о чемъ либо Потемкина. Такъ продолжалось до декабря 1791 года. Въ это время Державину случилось быть у Зубова. Между прочими разговорами, любимецъ императрицы спросилъ, можно ли нерѣшенныя дѣла изъ одной губерніи по подозрѣніямъ переносить въ другія. Державинъ далъ отрицательный отвѣтъ, добавивъ, что переносъ этотъ запрещенъ учрежденіемъ о губерніяхъ. Послѣ этого стало вездѣ извѣстно, что императрица сдѣлала большой выговоръ старшему оберъ прокурору Колокольцеву, подносившему ей, за болѣзнію генералъ-прокурора, сенатскія меморіи, изъ коихъ Ея Величество усмотрѣла, что во 2-мъ департаментѣ сената переведены многія нерѣшенныя дѣла изъ одной губерніи въ другую. А на другой день, именно 12 декабря 1791 года (2), послѣдовалъ указъ объ опредѣленіи Державина статсъ-секретаремъ для принятія прошеній, при чемъ

(1) Николай Ѳедоровичъ Eминъ, сынъ извѣстнаго автора «пути ко спасенію» Ѳедора Eмина, писалъ много стиховъ (словар. свѣт. писателей Митрополита Евгенія).

(2) Чтен. общест. истор. и древн., записк. Храповиц. стр. 258.

поручалось ему имѣть наблюденіе за сенатскими меморіями и докладывать императрицѣ, когда онъ замѣтитъ противныя закону рѣшенія сената. Въ этой должности находился онъ до 8 сентября 1792 года; въ тотъ же день, по причинѣ торжества мира съ турками, былъ пожалованъ сенаторомъ въ межевой департаментъ и орденомъ св. Владиміра 2 степени. Не былъ доволенъ этой наградой Державинъ: ему хотѣлось денегъ, крестьянъ, а не «брошеннаго на достойныхъ и недостойныхъ» креста Св. Владиміра (1) (*). Оставаясь въ званіи сенатора, 1-го января 1791 года Державинъ назначенъ былъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, а въ 1795 году участвовалъ въ коммиссіи для изслѣдованія покражи 600.000 рублей въ государственномъ заемномъ банкѣ.

Отсылая любопытныхъ къ запискамъ Державина, мы не будетъ здѣсь останавливаться на разныхъ эпизодахъ изъ жизни автора, относящихся къ этому времени и подробно изложенныхъ имъ въ его автобіографіи. Упомянемъ только о нѣсколькихъ открытыхъ нами въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи подлинныхъ документахъ, касающихся этого періода служебной дѣятельности Державина. Изъ нихъ, по нашему мнѣнію, особенно замѣчателенъ слѣдующій; онъ служитъ какъ-бы новымъ доказательствомъ того, насколько опасно довѣрять вполнѣ автору записокъ. Вотъ содержаніе этого документа.

Въ производствахъ по дѣламъ генералъ-прокурорскимъ (2) найдена нами копія съ письма Державина къ с.-петербургскому генералъ-губернатору Архарову, отъ 1 марта 1796 года, при которомъ препровождалъ онъ свое объясненіе противъ

---

(1) Зап. Держав. стр. 349.

(*) *Примѣч.* Такъ говоритъ Державинъ, но изъ записокъ Храповицкаго видно, что когда поднесена была Ея Величеству записка о награжденіи Державина орденомъ Св. Владиміра 2-го класса 30 апрѣля 1792 года, то императрица отозвалась при этомъ слѣдующимъ образомъ «онъ долженъ быть много доволенъ, что взятъ изъ подъ суда въ секретари, а орденъ безъ заслугъ не дается» (чтен. общ. ист. и древн. т. 3, 1862 г.; зап. Храп. стр. 266).

(2) № описи 336 и 838.

поднесенной с.-петербургскимъ совѣстнымъ судьею тайнымъ совѣтникомъ Ржевскимъ записки Ея Величеству съ просьбою подвергнуть «къ стопамъ премудрой и милосердной законодательницы» какъ его, Державина, объясненіе, такъ и записку Ржевскаго и взять на себя трудъ исходатайствовать предъ Ея Величествомъ, чтобы повелѣно было дѣло гвардіи капитана Дмитріева (со стороны котораго былъ посредникомъ Державинъ) съ ротмистромъ конной гвардіи Всеволожскимъ, производящееся въ с.-петербургскомъ совѣстномъ судѣ, разсмотрѣть не одному совѣстному судьѣ Ржевскому, а всѣмъ членамъ въ полномъ составѣ и при посредникахъ съ той и другой стороны, даже и въ томъ случаѣ, если-бы это дѣло было поручено постороннему лицу или передано на ревизію самому Архарову, какъ главноуправляющему губерніею. Изъ письма Державина къ Архарову не видно, въ чемъ состояло это дѣло, но, по словамъ перваго (1), содержаніе его было слѣдующее: генералъ-поручикъ Бекетовъ оставилъ по смерти въ Астраханской губерніи большое благопріобрѣтенное имѣніе, завѣщавъ оное по духовной дарственной записи побочнымъ своимъ дочерямъ Всеволожской и Смирновой, а 10,000 руб. роднымъ своимъ племянницамъ и племяннику, офицеру гвардіи семеновскаго полка, Ивану Ивановичу Дмитріеву, бывшему потомъ министромъ юстиціи. Мужъ Всеволожской, не смотря на то, что къ женѣ его перешла часть имѣнія Бекетова, помимо законныхъ наслѣдниковъ, началъ «опорочивать» дарственную запись, утверждая, что будто-бы она составлена не законнымъ порядкомъ, хотя тѣмъ самымъ онъ «опорочивалъ» и свое право. Но Дмитріевъ, зная волю покойнаго своего дяди, не хотѣлъ ничего искать, требовалъ только, чтобы Всеволожскій отдалъ ему и его сестрамъ завѣщанные дядею 10 т. рублей, но тотъ не соглашался и на это. Началось дѣло сперва въ астраханскихъ присутственныхъ мѣстахъ, но потомъ Дмитріевъ уговорилъ Всеволожскаго перенесть это дѣло на рѣшеніе с.-пе-

(1) Зап. Держав. стр. 356.

тербургскаго совѣстнаго суда (1). Изъ мнѣнія, поднесеннаго Ея Величеству графомъ Самойловымъ, вслѣдствіе жалобы с.-петербургскаго совѣстнаго судьи тайнаго совѣтника Ржевскаго (2), видно, что въ то время, когда разбиралось въ означенномъ судѣ дѣло Дмитріева съ Всеволожскимъ, Державинъ позволилъ себѣ тамъ разные неприличные и грубые поступки, такъ напримѣръ (какъ видно изъ 1 пункта обвиненій его), вскочивъ со стула, кричалъ Ржевскому: «вы, сударь, ни должности своей не знаете, ни порядку; и совѣстный судъ не то дѣлаетъ, что ему должно, вы сами не знаете, что дѣлаете». Не сдѣлалъ (пунктъ 3) отзыва о томъ, согласенъ онъ или нѣтъ съ положеніемъ совѣстнаго суда по дѣлу Дмитріева съ Всеволожскимъ; сказалъ будто-бы посланному къ нему съ сообщеніемъ совѣстнаго суда подпоручику Куликову, о чемъ послѣдній подалъ рапортъ въ совѣстный судъ, что онъ «въ бессовѣстный судъ итти не хочетъ». Отвергая всѣ эти обвиненія, сознаваясь только, что онъ «не соблюлъ всей той умѣренности, какая должна быть сохранена въ судѣ», Державинъ противъ 3 пункта возводимыхъ на него обвиненій показалъ, что онъ не далъ никакого отзыва на положеніе совѣстнаго суда потому, что въ случаѣ согласія съ нимъ оказалъ бы несправедливость Дмитріеву, а если-бы далъ свое мнѣніе, «то сдѣлано бъ было утѣсненіе Дмитріеву, ибо приказано бы было ему отыскивать претензію свою въ подлежащихъ судебныхъ мѣстахъ, но онъ, Дмитріевъ, и безъ того терпѣлъ уже волокиту по сему дѣлу». Мнѣніе свое Самойловъ окончилъ выпискою изъ законовъ, признавая на вышеписанный случай приличнымъ указъ 1724 года января 21. Рѣшенія этого любопытнаго дѣла въ производствахъ генералъ-прокурорскихъ не оказалось. Есть только при дѣлѣ резолюція (сдѣланная быть можетъ и самою государынею) относительно 3 пункта обвиненія Державина. Резолюція эта слѣдующаго содержанія: «что касается до того, что Гаврила Романовичъ не объявилъ, согласенъ ли онъ съ

(1) Зап. Держав. отд. IV, стр. 356—358.
(2) Произв. по дѣл. генер.-прокур., № вязки 336 л. 839—840.

положеніемъ совѣстнаго суда или остается при своемъ мнѣніи, о семъ заключенія не сдѣлано, потому что сіе относится до существа дѣла, а въ разсужденіи, порядочно ли оно произведено, узнать никако не можно, какъ по обревизованіи дѣла, которое находится въ совѣстномъ судѣ и прислано и требовано оно не было».

Въ иномъ видѣ излагаетъ Державинъ и это дѣло въ своихъ запискахъ. Ратуя за своего кліента Дмитріева, онъ заподозрѣваетъ противную сторону въ подкупѣ судей. Такъ яснымъ кажется ему нѣкое скрытное намѣреніе или, лучше сказать, стачка судей на что либо ему противное въ тотъ день, 12 февраля 1796 года, когда онъ позволилъ себѣ въ совѣстномъ судѣ разныя неприличныя выраженія. Вотъ какъ разсказываетъ авторъ записокъ всѣ обстоятельства этого происшествія: по докладѣ секретаремъ опредѣленія суда по дѣлу Дмитріева со Всеволожскимъ или, по словамъ Державина, безсовѣстнаго обвиненія Дмитріева, онъ сказалъ, что совѣстный судъ имѣетъ только право мирить, а не винить, и того безъ согласія посредниковъ обѣихъ сторонъ не можетъ сдѣлать. «Какъ не можетъ?» Закричали съ жаромъ со всѣхъ сторонъ. «Такъ», подтверждалъ Державинъ, «я ссылаюсь на учрежденіе, подай секретарь мнѣ оное»; секретарь долго медлилъ, пересеменивалъ, по выраженію автора, но когда наконецъ подалъ учрежденіе и Державинъ, вставши со стула, хотѣлъ читать его на налоѣ, то судьи подняли такой крикъ, что ничего не было слышно, что онъ читалъ Увидѣвъ же, что никто его не слушаетъ и что въ журналѣ могутъ записать все, что хотятъ, Державинъ, оставя учрежденіе на налоѣ, выбѣжалъ вонъ изъ суда, не говоря ни слова, при крикахъ судей: «ей! объяви, согласенъ или несогласенъ». Сдѣлать этого онъ не могъ, потому что если бы изъявилъ свое согласіе, то обвинилъ бы тѣмъ Дмитріева, а, если бы не согласился съ мнѣніемъ суда, то послѣдній присудилъ бы Дмитріеву снова вести дѣло въ судебныхъ мѣстахъ въ Астрахани. Когда же вслѣдъ за Державинымъ пріѣхалъ къ нему на домъ съ тѣмъ же требованіемъ секретарь совѣстнаго суда, то Держа-

винъ и ему сказалъ, что онъ не можетъ дать никакого положительнаго отвѣта на опредѣленіе суда по дѣлу Дмитріева со Всеволожскимъ, ибо то не былъ совѣстный судъ, а знать собраніе противъ него сговорившихся. Въ рапортѣ же, который затѣмъ подалъ секретарь Ржевскому, онъ, вмѣсто вышесказанныхъ будто бы Державинымъ словъ, доносилъ, въ угодность совѣстному судьѣ, что первый порочилъ учрежденіе, называя установленный имъ совѣстный судъ безсовѣстнымъ. Ржевскій рапортъ этотъ препроводилъ къ бывшему петербургскому генералъ-губернатору Архарову съ добавленіемъ, что будто бы Державинъ даже бросилъ учрежденіе со словами: «что это за законъ?» Архаровъ представилъ его императрицѣ, которая и повелѣла потребовать отъ Державина отвѣта противъ возводимыхъ на него обвиненій. Отвѣчать Державину, по словамъ его, при полномъ убѣжденіи въ правотѣ своей, было легко, но такъ какъ онъ защищалъ сторону слабую и бѣдную, а противники его—богатую и сильную, то имъ такъ удалось оклеветать его предъ государыней, что она хотѣла примѣрно наказать его, какъ нарушителя законовъ, и дѣло это до самой ея кончины лежало у нея на столѣ. По восшествіи на престолъ императора Павла, оно было сдано въ архивъ, а когда при императорѣ Александрѣ Державинъ получилъ мѣсто министра юстиціи, то Всеволожскій безъ памяти прискакалъ въ Петербургъ и просилъ помирить его съ Дмитріевымъ на тѣхъ условіяхъ, на какихъ хотѣлъ Державинъ, что послѣднимъ и было сдѣлано.

Ко времени же нахожденія Державина въ должности сенатора относятся и два открытыя нами письма его къ генералъ-прокурору Александру Николаевичу Самойлову: 1) съ просьбою о соглашеніи г.г. сенаторовъ къ единому мнѣнію справедливости по извѣстному дѣлу. Въ чемъ состояло это извѣстное дѣло, изъ письма не видно. Изъ него можно понять только, что дѣло это не партикулярное, какъ пишетъ въ письмѣ самъ Державинъ, а заключается въ немъ казеннаго взысканія болѣе 200 т. рублей, что продолжается оно болѣе 3 лѣтъ и находится въ связи съ тѣми дѣлами, за которыя онъ былъ

отрѣшенъ 1 департаментомъ сената отъ должности правителя Тамбовской губерніи. Заканчивая письмо это, Державинъ увѣряетъ Самойлова, что пока живъ, онъ не отступитъ отъ образа своихъ мыслей и будетъ всегда говорить за справедливость, въ особенности, когда она сопряжена съ интересами монархини (1); 2) о нарушеніи оберъ-прокуроромъ общаго собранія Башиловымъ установленнаго закономъ порядка при слушаніи въ правительствующемъ сенатѣ дѣла о присоединеніи Шемякинымъ въ свое владѣніе малороссіянъ, живущихъ Саратовской губерніи въ слободѣ Алферовкѣ; нарушеніе это состояло въ томъ, что Башиловъ, согнавши сенаторовъ къ единогласному рѣшенію помянутаго дѣла, подалъ особое объясненіе противъ мнѣнія Державина (2).

Вступивъ на престолъ, императоръ Павелъ принялъ милостиво Державина и сказалъ ему, что хочетъ сдѣлать его «правителемъ своего верховнаго совѣта». Но затѣмъ вышелъ указъ о назначеніи Державина въ правители канцеляріи совѣта. Державинъ, находя великую разницу между правителемъ совѣта и правителемъ канцеляріи сего учрежденія, не былъ доволенъ послѣднимъ назначеніемъ и сказалъ императору, что онъ не знаетъ, сидѣть ли ему въ совѣтѣ или стоять, быть ли присутствующимъ или начальникомъ канцеляріи. Вотъ что отвѣчалъ на это государь, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ: «слушайте, онъ почитаетъ быть въ совѣтѣ себя лишнимъ. . . . Поди назадъ въ сенатъ и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу» (3). Вслѣдъ за-

---

(1) Произв. по дѣл. генер.-прокур. № вязки 286 л. 1—2.

Примѣч. Дѣло это вѣроятно входило въ составъ краткой записки о злоупотребленіяхъ Гудовича по управленію Тамбовскою губерніею, поданной Державинымъ императрицѣ во время свиданія съ нею по увольненіи отъ должности правителя той губерніи. Не касалось ли оно отдачи тамбовскою казенною палатою въ кортому оброчныхъ статей на 10 лѣтъ по полушкѣ за десятину, что, по словамъ Державина, составляло нѣсколько сотъ тысячъ ущерба казеннаго. Объ этомъ дѣлѣ Державинъ дѣлалъ представленіе сенату, «но не получивъ никакой резолюціи», просилъ при свиданіи Ея Величество дать движеніе этому дѣлу, что и было обѣщано государынею (зап. Дер. стр. 296—297).

(2) Произв. по дѣл. ген.-прокур. № вязки 780 л. 70.

(3) Запис. Держав. стр. 492.

тѣмъ послѣдовалъ именной указъ, въ коемъ сказано, что Державинъ отсылается назадъ въ сенатъ за дерзость, оказанную государю. Въ межевомъ департаментѣ Державинъ и продолжалъ присутствовать по 1799 годъ. Въ это время дано было ему два порученія: принять подъ свое попечительство шиловское имѣніе генералъ-маіора Зорича и отправиться въ Бѣлоруссію, гдѣ тогда открылся страшный голодъ. Оба порученія Державинъ выполнилъ съ успѣхомъ и въ томъ же году награжденъ орденомъ Іоанна Іерусалимскаго, чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и снова назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. 23 ноября пожалованъ въ финансъ-министры, но вслѣдъ за тѣмъ переименованъ въ государственные казначеи, въ каковой должности и находился по самую кончину императора. Въ царствованіе Павла Державинымъ былъ составленъ вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ Беклешевымъ, Обольяниновымъ и княземъ Гагаринымъ банкротскій уставъ.

Императоръ Александръ удалилъ Державина отъ всѣхъ должностей, кромѣ званія сенатора. Но потомъ поручилъ ему написать записку о новой организаціи сената. Это было исполнено Державинымъ, но проэктъ не удостоился Высочайшей конфирмаціи; тѣмъ не менѣе за него во время коронаціи государя авторъ получилъ орденъ Александра Невскаго. Вотъ въ чемъ должна была состоять организація сената, по мнѣнію Державина: сенатъ раздѣлялся на двѣ главныя части: на правительствующую и судную. Первая называлась правительствующій сенатъ или имперское правленіе и заключала въ себѣ все то, что, при Екатеринѣ, первый департаментъ; она подраздѣлялась на три отдѣла: на исполнительный департаментъ или благочинія, на казенное управленіе или финансы, на просвѣщеніе или призрѣніе и воспитаніе народное. На три же отдѣла раздѣлялась вторая часть или судная—на гражданскій, уголовный и межевый департаменты. Въ случаѣ разногласія по дѣламъ, изъ каждыхъ трехъ отдѣловъ составлялось общее собраніе. По протестамъ и жалобамъ опредѣленія ихъ могли не иначе пере-

суживаться, какъ по именному Высочайшему повелѣнію и притомъ въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ, т. е. правительствующихъ и судныхъ. Завѣдывали они: 1-й или имперское правленіе—всѣми дѣлами исполнительными, требующими скораго рѣшенія, подобно губернскому правленію въ губерніяхъ; 2-й или хозяйственный—приходами и расходами, ревизіею счетовъ, коммерціею, банками, горными дѣлами, манufактурою, словомъ, всѣмъ, что составляетъ въ губерніяхъ предметъ вѣдомства казенныхъ палатъ; 3-й—просвѣщенія и народнаго призрѣнія, завѣдывалъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ по губерніямъ приказы общественнаго призрѣнія; 4-й департаментъ оберегательный долженъ былъ состоять изъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ. Первый департаментъ подлежалъ надзору исполнительнаго или внутренняго министерства, второй судный—юстицъ министра, третій просвѣтительный—министра просвѣщенія; четвертый—вѣдомству генералъ-прокурора. Всѣ эти министры, по проекту Державина, были только «опекуны и надзиратели» за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ, имѣющіе притомъ только одну власть предлагать своему департаменту». Оберъ-прокуроры могли протестовать на нихъ генералъ-прокурору; послѣдній, въ случаѣ важныхъ дѣлъ, могъ собирать общее собраніе всѣхъ департаментовъ сената и, по разсмотрѣніи дѣла, указомъ Его Величества перерѣшать постановленія того или другаго департамента; словомъ, заключаетъ Державинъ проектъ свой, каждому министру была возложена обязанность печись о лучшемъ устройствѣ и исправности части его посредствомъ сената, а никому не дано самому собою самовластно дѣйствовать, и всѣ тѣ власти изъ министровъ стекались къ одному ихъ центру, къ государю, посредствомъ генералъ-прокурора (1)».

Далѣе императоромъ же Александромъ возложено было на Державина изслѣдованіе разныхъ безпорядковъ въ Калужской губерніи, произведенныхъ губернаторомъ Лопухинымъ.

---

(1) Записк. Держав. стр. 442—444.

8-го октября 1802 года состоялся манифестъ объ учрежденіи министерствъ, въ числѣ 8-ми. Министромъ юстиціи, съ сохраненіемъ прежняго названія генералъ-прокурора, назначенъ былъ Державинъ. Въ этомъ званіи онъ пробылъ одинъ только годъ. Тутъ во всей силѣ проявилась вся неуживчивость его характера и страсть къ раздорамъ, хотя въ автобіографіи своей, какъ и прежде, онъ во всемъ винитъ враговъ своихъ. Первое покушеніе ихъ, разсказываетъ Державинъ, состояло въ слѣдующемъ: въ сенатѣ однажды положено было подтвердить указъ Петра III и Екатерины II о томъ, чтобы дворянъ, не дослужившихся до офицерскаго чина, не увольнять въ отставку прежде 12-ти лѣтъ. Объ этомъ заготовленъ былъ указъ, но чрезъ 9-ть дней графъ Потоцкій подалъ мнѣніе, которымъ полагалъ предоставить дворянамъ служить или не служить, по ихъ усмотрѣнію. Державину показалось это мнѣніе непристойнымъ и противнымъ законамъ, онъ рѣшился доложить о немъ государю, хотя и предвидѣлъ, что Его Величество не только зналъ о семъ мнѣніи, но едва ли и написано было оно не съ разрѣшенія государя, ибо, прибавляетъ Державинъ, «тогда всѣ, окружавшіе императора, были набиты конституціоннымъ французскимъ и польскимъ духомъ». Рѣзко отозвался императоръ на докладъ Державина, приказавъ разсмотрѣть въ сенатѣ мнѣніе Потоцкаго. Докладъ этотъ въ сенатѣ Державинъ обставилъ особою торжественностію: на генералъ-прокурорскомъ столѣ появились едвали бывшіе въ употребленіи со временъ Петра деревянный молотокъ и песочные часы. Когда данъ былъ часъ на диспутъ послѣ доклада означеннаго мнѣнія, то, по словамъ Державина, въ сенатѣ произошелъ большой безпорядокъ, ибо почти всѣ сенаторы были за мнѣніе Потоцкаго. Державинъ нѣсколько разъ показывалъ часы, объясняя, что время, назначенное для диспута, прошло, но его не слушали; тогда онъ сѣлъ на свое мѣсто и ударилъ по столу молоткомъ. Въ сенатѣ мгновенно сдѣлалась мертвая тишина. Не знаю, замѣчаетъ Державинъ, непоказалось ли имъ, что Петръ великій всталъ изъ мертвыхъ и ударилъ своимъ молоткомъ, къ которому по смерти его никто не смѣлъ

прикоснуться. Все дѣло съ разными мнѣніями безъ приговора было внесено къ Его Величеству. Хотя послѣ этого и послѣдовалъ указъ по сему дѣлу, которымъ, по словамъ Державина, «сдѣлано уваженіе сенату и законамъ, согласно предложенію генералъ-прокурора, по послѣднему съ этого времени воспрещено было входить съ докладомъ къ государю въ сомнительныхъ случаяхъ относительно состоявшихся указовъ. Его Величество сдѣлался замѣтно холоднѣе къ Державину а когда онъ выпросился на мѣсяцъ въ отпускъ въ деревню свою Званку, Новгородской губерніи, и не могъ по болѣзни возвратиться изъ него въ срокъ, то государь, по собственному признанію Державина, отозвался, что въ немъ (Державинѣ) нѣтъ нужды, хотя бы и вовсе не пріѣзжалъ. Отзывъ этотъ Державинъ приписываетъ наговорамъ Новосильцева и графа Чарторижскаго, съ которыми тогда путешествовалъ государь по Лифляндіи. Въ октябрѣ 1803 государь не принялъ Державина, пріѣхавшаго съ докладомъ, а прислалъ ему записку, въ которой приказывалъ «очистить постъ министра юстиціи, чтобы отнять неудовольствіе, доходящее къ нему на неисправность его канцеляріи», предлагая остаться присутствующимъ въ сенатѣ и совѣтѣ. Это же требованіе повторилъ государь и во время личнаго свиданія съ Державинымъ, которое послѣдній выпросилъ у Его Величества.

8-го октября 1803 года состоялся указъ объ увольненіи Державина, согласно прошенія, отъ службы, съ назначеніемъ ему 10 т. пенсіи. Разсказывая объ этомъ въ запискахъ своихъ, Державинъ прибавляетъ, что ему чрезъ приближенныхъ его доводили внушеніе о томъ, что если онъ принесетъ унизительное прошеніе объ увольненіи его отъ должности министра юстиціи по ея трудности и останется въ сенатѣ и въ совѣтѣ, то ему оставлено будетъ все министерское жалованье, 16 т., и кромѣ того, въ вознагражденіе за труды, пожалована будетъ андреевская лента, но какъ онъ, Державинъ, цѣнилъ истинныя достоинства не по деньгамъ, не по лентамъ, а по довѣренности государской и совѣстному разбира-

тельству своихъ поступковъ, то, лишившись первой и не находя причинъ упрекать себя ни въ чемъ, не хотѣлъ принять предлагаемыхъ выгодъ и награжденій, а написалъ просьбу просто по формѣ, сказавъ въ ней кратко, чтобы государь уволилъ его отъ службы (1)

Въ запискахъ отчетъ о своей служебной дѣятельности Державинъ заключаетъ перечисленіемъ оказанныхъ имъ ревностныхъ услугъ въ статской службѣ, за которыя онъ имѣлъ бы право быть вознагражденнымъ, но напротивъ того претерпѣлъ разныя непріятности и гоненія. Не щадя притомъ, по обыкновенію, никого изъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло по службѣ, авторъ весьма рѣзко отзывается о князѣ Вяземскомъ.

1803 годомъ оканчивается служебная дѣятельность Державина; здѣсь считаемъ не лишнимъ упомянуть и о нѣсколькихъ дѣловыхъ сочиненіяхъ Державина, написанныхъ имъ въ формѣ проектовъ и мнѣній. Вотъ болѣе замѣчательные изъ нихъ: о должности экспедиціи государственныхъ доходовъ, объ учрежденіи патріотическаго банка, межевая инструкція (2), проектъ организаціи сената, о крымскихъ соляхъ, правила третейскаго суда, и т. д.

Находясь въ отставкѣ, Державинъ поселился въ своей новгородской деревнѣ Званкѣ и здѣсь посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ, писалъ лирическія произведенія, трагедіи и нѣсколько прозаическихъ. Кромѣ того, въ 1806 или началѣ 1807 года, по словамъ его, «не утерпѣлъ», написалъ государю двѣ записки о мѣрахъ, «какимъ образомъ укротить наглость французовъ и оборонить Россію отъ нападенія Бонапарта.» Объ этомъ, послѣ личнаго объясненія съ государемъ, онъ получилъ позволеніе написать проектъ. Но, возвратившись изъ Фридланда, Его Величество пересталъ не только

(1) Записк. Держав. стр. 195.

(2) Составленіе впрочемъ межевой инструкціи приписываютъ оберъ-секретарю Княжеву (Морошкинъ «о владѣніи по началамъ рос. зак.», стр. 122).

говорить съ Державинымъ, но даже и кланяться ему, а за переложеніе 101-го псалма, изображающаго сѣтованіе Давида о бѣдствіяхъ отечества, Державину былъ сдѣланъ чрезъ князя Голицына выговоръ съ замѣчаніемъ, что Россія не бѣдствуетъ. Съ тѣхъ поръ до 1812 года Державинъ, по словамъ его, не безпокоилъ дворъ никакими «усердными представленіями» на пользу отечества; въ іюлѣ же этого года писалъ государю изъ Новгорода о нѣкоторыхъ мѣрахъ, служащихъ къ оборонѣ отечества отъ французовъ, отдавъ письмо это принцу Георгу Ольденбургскому, для передачи Его Величеству. Отвѣта на письмо не послѣдовало; 1812-мъ годомъ Державинъ заканчиваетъ свои записки.

Онъ умеръ въ деревнѣ своей Званкѣ, на 73-му году отъ рожденія, 9-го іюля 1816 года. Тѣло его погребено, по собственному завѣщанію, въ Хутынскомъ Варлаамовѣ монастырѣ. Первая жена его, урожденная Бастидонова, умерла 15 іюля 1794 года. Державинъ нѣжно любилъ ее. По свидѣтельству Пв. Пв. Дмитріева, какъ разсказываетъ племянникъ послѣдняго М. А. Дмитріевъ (1). Державинъ много времени спустя не могъ удержаться отъ слезъ при воспоминаніи о первой женѣ своей. Въ память ея онъ написалъ превосходное стихотвореніе «ласточка». Во вторый бракъ Державинъ вступилъ 31-го января 1795 года съ дѣвицею Дарьею Алексѣевною Дьяковою, родною сестрою супруги Вас. Вас. Капниста. Первую жену свою онъ воспѣвалъ подъ именемъ «Плѣниры», а вторую называлъ въ стихахъ «Милѣною».

Послѣ Державина осталось нѣсколько разныхъ томовъ литературныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ. Прозаическія большею частію остаются въ рукописи, а стихотворенія имѣли нѣсколько изданій. Первое напечатано въ Москвѣ въ 1793 г., второе въ 1808 годъ въ 4-хъ томахъ въ типографіи Шнора, это самое лучшее и исправное; слѣдующее затѣмъ изданіе

(1) Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева изд. 1854 г., стр. 18, 19.

было въ 1816 г. въ типографіи Плавильщикова и наконецъ худшее 1847 г. въ двухъ томахъ Смирдина. Къ этому изданію, по замѣчанію М. А. Дмитріева, слѣдовало бы поставить эпиграфомъ русскую пословицу: «дешево да гнило» (1). Литературное достоинство стихотвореній Державина уже оцѣнено давно; почти всѣ произведенія этого рода наполнены указаніями и намеками на современныя лица, на современныя событія, на обстоятельства собственной жизни автора (2).

Изъ всего сказаннаго нами мы думаемъ, что характеристика Державина, какъ человѣка вообще и лица государственнаго, выяснилась отчасти, безъ всякаго окончательнаго приговора съ нашей стороны. Для пополненія ея добавимъ здѣсь только одну слѣдующую черту: карая безъ пощады въ запискахъ своихъ почти всѣхъ, съ кѣмъ только приходилось имѣть дѣло, Державинъ между прочимъ этихъ же самыхъ лицъ, какъ видно изъ сочиненій его, не задумывается воспѣвать въ стихахъ или прославлять ими разныя обстоятельства изъ ихъ жизни; такъ въ 1791 году онъ написалъ стихи на брачное воспоминаніе Вяземскаго, злѣйшаго, по собственному признанію, врага его; называя князя Н. В. Рѣпнина «человѣкомъ низкой души и святошею (3), онъ, тѣмъ не менѣе, восхваляетъ его въ піесѣ «памятникъ герою»; упрекая въ малодушіи, пристрастіи (4), ласкательствѣ старшаго сенатора 2 департамента сената графа Строгонова, онъ посвятилъ ему стихотвореніе «любителю художествъ».

Время полной біографіи Державина еще не наступило, а въ автобіографіи его, безъ другихъ посторонихъ источниковъ, многое еще остается неяснымъ и какъ бы недосказаннымъ; многое же, вѣроятно, не вполнѣ справедливо; такъ, по-

(1) Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева изд. 1854 г. стр. 21.
(2) Въ современникѣ 1843 г. №№ 2, 4, 11 и 12 помѣщены превосходныя статьи Я. К. Грота о Державинѣ, какъ литераторѣ; къ сожалѣнію, онѣ обнимаютъ лишь первую половину его жизни.
(3) Записк. Держав. стр. 393.
(4) Тамъ же, стр. 332, 353.

лагаемъ мы, основываясь на сравненіи открытыхъ нами документовъ, къ сожалѣнію, не многихъ и притомъ отрывочныхъ, съ записками автора. Записки Державина, по мнѣнію извѣстнаго автора жизни графа Сперанскаго барона М. А Корфа, нельзя назвать «правдивыми въ смыслѣ безпристрастныхъ». Увлекаясь старыми повѣрьями и идеями, ненавидя новизну и ея вводителей, Державинъ, по словамъ барона Корфа, совершенно несправедливо клеймилъ тѣхъ, которые имѣли несчастіе затронуть его самолюбіе. Такъ поступилъ онъ съ Васильевымъ, которому долженъ былъ уступить мѣсто государственнаго казначея и который принадлежитъ къ числу самыхъ почтенныхъ и честныхъ личностей той эпохи, такъ поступилъ и со Сперанскимъ, принадлежавшимъ къ противной Державину партіи. Между многими упреками Сперанскому въ запискахъ Державина нашли мѣсто и наговоры о корыстолюбіи, но отзывы его, замѣчаетъ баронъ Корфъ, едва-ли могутъ имѣть серьезное значеніе передъ судомъ исторіи, а открывшееся послѣ смерти Сперанскаго состояніе торжественно сняло съ его памяти обвиненіе къ корыстолюбіи (жизнь графа Сперанскаго, т. 1 стр. 103—105 изд. 1861 г.).

Державинъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ со многими извѣстными людьми того времени. Богдановичъ, А. Н. Олениинъ, Н. А и Ѳ. Н. Львовы, Н. Л. Вельяминовъ, В. В. Капнистъ, И. И. Дмитріевъ составляли обыкновенное общество Державина. Мы не знаемъ отзывовъ большей части этихъ близкихъ Державину лицъ о немъ, но вотъ слова И. И. Дмитріева: «Державинъ, какъ поэтъ и государственная особа, имѣлъ въ предметѣ нравственность, любовь къ правдѣ, честь и потомство (1). Какъ о поэтѣ съ одинакимъ почти увлеченіемъ отзываются о Державинѣ и всѣ лучшіе наши писатели, напримѣръ: Бѣлинскій (2), Гоголь (3); Пушкинъ называлъ Державина

(1) Зап. И. И. Дмитріева, Москвитянинъ 1842 г. № 1 стр 154.
(2) Сочин. Бѣлинскаго част. 1 стр. 45—50.
(3) Сочин. и письма Н. В. Гоголя, том. III стр. 440 и слѣд.

великимъ (1), а Аксаковъ (С. Т.) геніальнымъ талантомъ (2). Заключимъ нашъ очеркъ слѣдующими словами извѣстнаго литератора нашего Я. К. Грота, занимающагося составленіемъ полной біографіи Державина: «Державинъ писалъ торжественныя и хвалебныя оды; въ этомъ онъ слабый сынъ своего времени, но въ скудную и тѣсную форму онъ умѣлъ вдохнуть теплоту жизни и интересъ народности, умѣлъ съ этою формою сочетать стихію, повидимому со всѣмъ ей противоположную, сатиру на нравы двора и высшаго общества, умѣлъ создать поэтическую рѣчь благородную и смѣлую, которая, несмотря на всѣ успѣхи языка и стиха, никогда не утратитъ своей свѣжести. Въ этомъ его безсмертіе. Державинъ есть полнѣйшее выраженіе русскаго человѣка XVIII столѣтія, и таково его значеніе не только въ литературѣ, но и въ жизни и въ гражданской его дѣятельности» (3).

---

(1) Сочин. Пушкина (изд. Анненкова) т. V стр. 31.
(2) Воспоминанія: «знакомство съ Державинымъ» стр. 395 (2 изд.).
(3) Русск. Вѣсти. 1860 г. № 7. Жизн. Держав. Я. К. Грота, стр. 333.

Рис А Скино Лит К Эрготъ

XI.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОПУХИНЪ.

Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ родился въ 1753 году. Еще въ малолѣтствѣ, по тогдашнему обыкновенію, онъ записанъ былъ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ и только въ 1769 году, получивъ чинъ прапорщика, вступилъ въ дѣйствительную службу, имѣя 16 лѣтъ отъ роду. Служба его шла счастливо: въ 1775 году онъ былъ уже капитанъ-поручикомъ, а въ 1777 году, на 25 году отъ рожденія, произведенъ въ полковники для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Исправляя съ 1779 года должность с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера, князь Лопухинъ пожалованъ былъ въ 1781 году бригадиромъ и въ 1782 году кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени; потомъ переведенъ въ 1783 году въ Тверь, въ должность правителя канцеляріи тамошняго нам'стника; въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ слѣдующемъ назначенъ московскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Исправляя эту должность ровно 9-ть лѣтъ, онъ награжденъ былъ въ 1785 году за свое усердіе и примѣрную дѣятельность орденомъ Св. Владиміра 2 степени большаго креста и въ 1791 году чиномъ генералъ-поручика. Изъ Москвы князь Лопухинъ перемѣщенъ былъ въ 1793 году въ Ярославль въ званіи генералъ-губернатора Ярославля и Вологды. По вступленіи на престолъ императора Павла Петровича, Лопухину сначала велѣно было присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ съ переименованіемъ въ тайные совѣтники и съ пожалованіемъ кавалеромъ ордена Св. Алексан-

дра Невскаго (17 декабря 1796 года); а потомъ онъ сдѣланъ былъ генералъ-прокуроромъ (1798 г.), членомъ тогдашняго государственнаго совѣта, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ орденовъ Св. Андрея Первозваннаго, Св. Анны и Св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, алмазами украшеннаго; затѣмъ получилъ въ слѣдующемъ году портретъ Государя, староство Корсунь (Кіевской губерніи въ Богуславскомъ уѣздѣ) въ потомственное владѣніе, брилліантовые знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго и княжеское достоинство Россійской Имперіи съ титломъ свѣтлости. Кромѣ того позволено ему употреблять для ливреи цвѣта, составляющіе придворную ливрею. Во время отправленія имъ генералъ-прокурорской должности вышло примѣчательное узаконеніе объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія людей, имѣющихъ болѣе 70 лѣтъ (имен. указ. 1798 г. ноябр. 18, № 18757), а также, чтобы всѣ рѣшенія въ межевыхъ конторахъ и канцеляріи, которыми отсуждались помѣщикамъ земли изъ казеннаго вѣдомства, вносились на ревизію межеваго департамента (указ. 1798 г. мая 3, № 18516). Въ 1799 году 7 іюля князь Лопухинъ испросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, послѣдовали преобразованія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, основанныя на началахъ болѣе гуманныхъ, сообразныхъ съ требованіями вѣка и общеевропейскаго движенія въ законодательствахъ. Учрежденіе государственнаго совѣта, комитета гг. министровъ, образованіе разныхъ министерствъ съ подвѣдомственными имъ учрежденіями, составляли, такъ сказать, основу этихъ преобразованій. Явились новые дѣятели съ блестящими способностями, съ теплымъ душевнымъ влеченіемъ къ дѣлу преобразованія, которые неутомимо трудились надъ составленіемъ проэктовъ этихъ реформъ. Въ это время (т. е. въ 1801 году) князю Лопухину повелѣно присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и въ день коронованія пожалована ему табакерка съ императорскимъ портретомъ, въ 1803 году Государь наименовалъ его министромъ юстиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ на него же возложе-

по управленіе коммисіею составленія законовъ (1803 г. окт. 21, № 20995).

По вступленіи въ должность министра юстиціи, первымъ дѣйствіемъ князя Лопухина было испросить Высочайшія повелѣнія какъ на учрежденіе въ сенатѣ двухъ новыхъ департаментовъ, такъ и о порядкѣ размѣщенія оныхъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, а также о распредѣленіи между ними дѣлъ и объ учрежденіи временныхъ департаментовъ и комитетовъ для обозрѣнія принесенныхъ въ сенатъ жалобъ; причемъ состоялся и штатъ сенату (выс. утв. доклад. мин. юст. 1803 г. январ. 27, № 21.605). Далѣе, учрежденъ при сенатѣ комитетъ изъ сенаторовъ для уравненія земскихъ въ государствѣ повинностей (имен. объявл. мин. юст. 1805 г. мая 1, № 21.736). Находившіеся же при сенатѣ акты литовской метрики поручены въ вѣдѣніе оберъ-прокурора 3-го департамента, съ изложеніемъ правилъ объ устройствѣ сей части (имен. дани. сенат. 1805 г. августу 27, № 21.881). Но не смотря на предъидущія преобразованія въ составѣ сената, усиливающіяся въ большомъ количествѣ приливъ дѣлъ въ департаменты побудилъ князя Лопухина испросить вновь Высочайшее соизволеніе на раздѣленіе 5-го и 3-го департаментовъ на два отдѣленія, съ приложеніемъ отдѣльныхъ штатовъ и росписанія губерній для каждаго отдѣленія (Высоч. утв. докладъ мин. юст. 1808 г. март. 16, № 21.901 и 1809 г. январ. 6 № 23436). По 7-му же и 8-му департаментамъ постановлено: о всѣхъ разногласіяхъ представлять Императорскому Величеству съ изложеніемъ порознь мнѣнія каждаго сенатора (имен. объяв. мин. юст. 1808 г. апрѣля 16, № 22.969). Въ 1806 году награжденъ князь Лопухинъ орденомъ Св. Владиміра 1-й степени, въ 1810 году января 1-го назначенъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ, а въ 1812 году марта 30 дня повелѣно ему предсѣдательствовать въ департаментѣ законовъ и въ прочихъ департаментахъ (истор. образ. госуд. сов. 1859 г., Г. Даневскаго); въ 1814-мъ году августа 30 дня возведенъ въ первый классъ и чрезъ два года потомъ, въ 1816

году 25 мая, въ предсѣдатели государственнаго совѣта и комитета министровъ. Въ этомъ званіи князь Лопухинъ скончался 6 апрѣля 1827 года, на 75-мъ году отъ рожденія. Тѣло его предано землѣ въ псковскомъ его имѣніи близъ Порхова. Князь Лопухинъ былъ высокаго роста, съ красивою и въ глубокой старости наружностію, былъ вспыльчиваго характера, но съ добрымъ сердцемъ, имѣлъ быстрое соображеніе и навыкъ въ дѣлахъ, искусный въ общественной жизни дипломатъ и ловкій царедворецъ (*).

(*) Словарь достоп. люд. Бантышъ-Каменскаго ч. II-я, стр. 210—216.

Примѣч. Весьма часто самая незначительная переписка между двухъ лицъ рѣзко очерчиваетъ характеры, высказываетъ благородство и теплоту души, не смотря на огромную разницу общественнаго положенія переписывающихся. Съ этою цѣлію мы не лишнимъ сочли присовокупить къ очерку біографіи И. В. Лопухина письмо къ нему нѣкоего титулярнаго совѣтника Новосельскаго и отвѣтъ къ нему Лопухина, напечатанные въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ, въ Москвѣ за 1861 годъ. Письмо Новосельскаго наполнено разными весьма рѣзкими упреками Лопухину за то, что онъ дозволилъ себѣ наговорить будто бы много оскорбительныхъ словъ Новосельскому, когда тотъ обратился къ нему, какъ къ министру юстиціи, по одному дѣлу. Въ письмѣ этомъ Новосельскій ставитъ на видъ Лопухину, что природа не мало не унизила его предъ министромъ юстиціи, что онъ самъ происходитъ отъ «древнѣйшей свѣтлости»; устрашаетъ Лопухину мщеніемъ судьбы за оскорбленіе и наконецъ проситъ представить доказательство, что юстиція не по званію, а по истинѣ присутствуетъ въ Лопухинѣ. Замѣчателенъ отвѣтъ Лопухина на это письмо, по особой сдержанности и благородству въ выраженіяхъ. «Сообразивъ весь разговоръ нашъ, пишетъ Лопухинъ, хотя я не нахожу себя ни въ чемъ виноватымъ, но если вамъ показалось обиднымъ искреннее признаніе, что требованія ваши, разсмотрѣнныя уже и Государемъ, неосновательны, то въ семъ покорнѣйше прошу простить меня. Далѣе онъ приводитъ и собственное убѣжденіе о томъ, что природа всѣхъ на свѣтѣ равно производитъ и что носимый имъ титулъ свѣтлости не просвѣщаетъ ума его, не грѣетъ на морозѣ, не дѣлаетъ свѣтлой темную комнату, а только даетъ незнающимъ его поводъ думать о немъ хуже, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, какъ то вѣроятно и случилось съ Новосельскимъ». Въ заключеніе Лопухинъ проситъ Новосельскаго сказать о томъ, чѣмъ можетъ онъ быть ему полезнымъ, не смотря на всѣ непріятности, перенесенныя отъ него на словахъ и въ письмѣ, и оканчиваетъ увѣреніемъ, что онъ менѣе злопамятенъ, нежели Новосельскій мстителенъ (Чт. общ. ист. и древ. росс. кн. 1, стр. 200—201).

XII.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ, какъ человѣкъ государственный, особенно какъ отличный писатель, занимаетъ почетное мѣсто въ ряду своихъ современниковъ. Происходя отъ древняго рода князей смоленскихъ, Дмитріевы однако впослѣдствіи утратили по разнымъ обстоятельствамъ свой княжескій титулъ и числились съ давнихъ поръ простыми дворянами. Иванъ Ивановичъ родился 10 октября 1760 года въ имѣніи отца своего, селѣ Богородскомъ, Симбирской губерніи. Отданный для ученія въ одно изъ частныхъ училищъ въ Казани, а потомъ въ Симбирскѣ, Дмитріевъ былъ зачисленъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по обыкновенію дворянъ тогдашняго времени, въ семеновскій гвардейскій полкъ солдатомъ (1772 г.). Скоро однако вспыхнувшій на Яикѣ бунтъ Пугачева заставилъ юношу прекратить свои учебныя занятія и вмѣстѣ съ семействомъ удалиться въ Москву. По совершеніи казни надъ самозванцемъ, отецъ Дмитріева возвратился къ себѣ въ деревню, а 15-ти лѣтняго сына, какъ уже готоваго вступить на поприще служебной дѣятельности, отправилъ въ Петербургъ въ семеновскій полкъ, гдѣ онъ и былъ принятъ капраломъ. Первоначально служебное поприще Дмитріева было неблистательно; только черезъ 12 лѣтъ (1787 г.) былъ произведенъ онъ въ прапорщики, но это время не было имъ потеряно: вполнѣ постигая недостаточность полученнаго имъ образованія, молодой воинъ всѣ свободныя отъ службы мину-

ты посвящалъ изученію разныхъ наукъ, особенно отечественнаго языка, какъ бы предчувствуя ту громкую литературную славу, которая ожидала его. Къ счастію для него, въ это время онъ познакомился съ однимъ сослуживцемъ своимъ Козлятевымъ, человѣкомъ просвѣщеннымъ и возвышенныхъ правилъ. Сужденія его о нашей словесности много способствовали образованію Дмитріева. Съ глубокой благодарностью отзывался онъ о «благодѣтелѣ» своемъ и послѣ его кончины (слов. Бант.—Камен. т. 1, стр. 539). Въ это же время Дмитріевъ сблизился съ Державинымъ, пріобрѣлъ любовь его, а въ 1792 году познакомился и съ фонъ-Визинымъ за нѣсколько часовъ до его смерти. Вотъ какъ разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ это знакомство: возвратясь изъ Бѣлоруссіи, фонъ-Визинъ просилъ Державина познакомить его съ Дмитріевымъ. Назначенъ былъ день свиданія въ домѣ Гавріила Романовича. Въ 6-ть часовъ по полудни пріѣхалъ фонъ-Визинъ. Увидя его, говоритъ Дмитріевъ, «я почувствовалъ всю бѣдность и тщету человѣческую». Его поддерживали два офицера шляхетскаго кадетскаго корпуса. Рука и нога были поражены параличемъ, говорилъ онъ съ крайнимъ усиліемъ, голосъ былъ охрипшій и дикій, но большіе глаза сверкали быстро и первый взглядъ, брошенный на Дмитріева, привелъ его въ смятеніе. Далѣе фонъ-Визинъ приступилъ къ нему съ вопросами: знаетъ ли онъ «Недоросля», читалъ ли «Посланіе къ Шумилову», «Лису кознодѣйку» и т. д. Потомъ велѣлъ одному изъ своихъ спутниковъ читать новую свою комедію «Гофмейстеръ». Онъ просидѣлъ у Державина до 11-ти часовъ вечера, а на утро былъ во гробѣ (записки И. И. Дмитр. Москв. 1842 г. № 1 стр. 155-157). Между тѣмъ служебная дѣятельность Дмитріева шла обыкновеннымъ порядкомъ: въ 1789 году произведенъ онъ былъ въ подпоручики, въ 1793 году въ капитанъ-поручики. Въ это время онъ сдѣлался извѣстенъ самой Государынѣ стою одою—«Гласъ патріота на взятіе Варшавы», которую сначала всѣ приняли за произведеніе пера Державина. Ода эта написана Дмитріевымъ, во время отпуска, въ Сызранѣ, по неѣрному слуху о покореніи польской столицы.

Стихи эти онъ прислалъ Державину. Они были получены въ то самое время, какъ пришло въ Петербургъ дѣйствительное извѣстіе о взятіи Варшавы. Державинъ немедленно напечаталъ ихъ, поднесъ императрицѣ и роздалъ придворнымъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы они могли быть получены изъ Сызрани въ тотъ день, въ который получена въ Петербургѣ эта новость и приписывали стихи Державину, пока онъ не объяснилъ, почему они были заранѣе написаны (Мелочи изъ запаса моей памяти М. А. Дмитріева стр. 82-83). Подражая Карамзину, съ которымъ былъ очень друженъ, Дмитріевъ напечаталъ въ 1795 году свои стихотворныя произведенія подъ такимъ же заглавіемъ, какое далъ Карамзинъ своимъ стихотвореніямъ, именно «И мои бездѣлки». Здѣсь помѣщены лучшія стихотворенія Дмитріева, напр: Ермакъ, Гимнъ Богу, къ Волгѣ, Гласъ патріота, сатира «Чужой толкъ», нѣсколько сказокъ, пѣсень, причтъ и т. д.: литературное поприще свое онъ началъ съ переводовъ. Первый опытъ его былъ: «Философъ, живущій у хлѣбнаго рынка»; другой въ прозѣ—«Жизнь графа Никиты Ивановича Панина»—имѣла три изданія (Мелочи изъ запаса моей памяти М. А. Дмитріева стр. 69). Всѣ лучшія стихотворенія, по словамъ Дмитріева, написаны имъ въ Сызранѣ во время отпусковъ изъ гвардейской службы. Картины воображенія особенно возбуждали въ немъ живописные виды съ высокаго берега рѣки Крымзы, сливающейся съ великолѣпною Волгою (idem. стр. 83) Пожалованный въ 1796 году въ капитаны гвардіи, Иванъ Ивановичъ, по смерти императрицы Екатерины, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Этимъ и думалъ онъ покончить свое служебное поприще, но особенныя обстоятельства вызвали его снова къ дѣятельности. Доносъ, поданный на него и на одного изъ прежнихъ его товарищей въ оскорбленіи Величества, доставилъ ему случай лично объясниться съ императоромъ Павломъ I-мъ. Убѣжденный въ правотѣ обвиненнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтивъ его отличныя дарованія, императоръ оправдалъ Дмитріева и назначилъ его 1797 года мая 22 дня товарищемъ министра удѣловъ, а вслѣдъ за тѣмъ, 25-го іюля,

переименовалъ въ статскіе совѣтники, опредѣлилъ въ оберъ-прокуроры правительствующаго сената, а потомъ за отличіе произвелъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Скоро однако Дмитріевъ вышелъ въ отставку въ чинѣ тайнаго совѣтника и удалился въ Москву. Здѣсь онъ снова посвятилъ себя занятіямъ литературою и въ 1801 году привѣтствовалъ императора Александра пѣснью на день коронованія (Мелочи изъ запаса моей памяти М. А. Дмитріева стр. 81.) Постоянное общество его тутъ составляли: Карамзинъ, Василій Львовичъ Пушкинъ, Влад. Вас. Измайловъ, въ послѣдствіи Василій Андреевичъ Жуковскій. Этотъ знаменитый поэтъ нашъ, приготовивъ къ печати первое изданіе своихъ стихотвореній, прежде далъ Дмитріеву, на разсмотрѣніе, свою рукопись (Мелочи изъ запаса моей памяти М. А. Дмитріева стр. 78). По совѣту и убѣжденію Дмитріева, Карамзинъ изъявилъ желаніе написать «Исторію государства Россійскаго». 31 Октября 1803 года онъ былъ пожалованъ императорскимъ исторіографомъ (Слов. достоп. люд. Бант.—Камен. т. 1 стр. 347). Въ это время Дмитріевъ написалъ басню: Петухъ, котъ и мышенокъ, Воспитаніе льва, Царь и два пастуха, а также написалъ апологи; всѣхъ ихъ написано имъ въ разное время 55. Въ 1806 году императоръ Александръ Павловичъ, лично знавшій и уважавшій Дмитріева, вызвалъ его снова на поприще служебной дѣятельности, для присутствованія въ 7 департаментѣ сената. Будучи сенаторомъ, онъ исполнялъ еще особыя порученія Государя: произвелъ въ Рязани слѣдованіе о злоупотребленіяхъ по питейнымъ сборамъ и ревизовалъ Костромскую губернію, за что и награжденъ 18-го ноября 1806 года орденомъ Св. Анны 1-й степени, а 7-го марта 1809-го года столовыми деньгами по 3000 рублей въ годъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1809 года Дмитріевъ получилъ письмо отъ Алек. Дмитр. Балашова, который писалъ къ нему, что государь императоръ приказалъ вызвать его въ Петербургъ и велѣлъ написать, что ему «пріятно было бы видѣть его къ новому году». Вслѣдъ за этимъ онъ получилъ другое письмо отъ Сперанскаго о томъ, что Государь ожидаетъ его послѣ 1-го января (Мелочи

изъ запаса моей памяти. М. А. Дмитріева, стр. 88). По пріѣздѣ въ Петербургъ, въ началѣ 1810 года, Дмитріевъ назначенъ былъ министромъ юстиціи на мѣсто князя Лопухина, а 30 августа того же года награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго Министромъ юстиціи былъ онъ въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и съ особымъ отличіемъ исправлялъ эту важную должность.

При самомъ вступленіи Дмитріева въ управленіе министерствомъ юстиціи, 25 іюня 1811 года, послѣдовалъ наказъ министрамъ, сущность котораго, по отношенію къ значенію и власти министра юстиціи, заключалась въ слѣдующемъ: въ дѣйствіяхъ своихъ министръ юстиціи подчиненъ непосредственно верховной власти. Власть же его самаго состоитъ въ томъ, что онъ можетъ понуждать всѣ подчиненныя мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій. Отъ него зависитъ: 1) представленіе къ опредѣленію и увольненію высшихъ и низшихъ чиновниковъ министерства; 2) надзоръ надъ дѣйствіями всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ и лицъ и истребованіе отъ нихъ отвѣтовъ въ случаѣ бездѣйствія и преданіе суду въ случаѣ важныхъ преступленій; 3) разрѣшеніе силою существующихъ законовъ и учрежденій всѣхъ затрудненій, встрѣчающихся при исполненіи; 4) принятіе всѣхъ мѣръ, нужныхъ къ дѣйствію законовъ или учрежденій, когда они утверждены и обращены къ исполненію министра (§ 211). Въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, требующихъ высшаго разрѣшенія, когда не можетъ оно быть отлагаемо безъ важнаго вреда или государственнаго ущерба, министръ уполномочивается дѣйствовать всѣми ввѣренными ему способами, не ожидая сего разрѣшенія, но онъ обязанъ доносить въ тоже время о принятыхъ имъ мѣрахъ и о причинахъ ихъ настоятельности (§ 212). Всѣ мѣста и лица, подчиненныя министру, исполняютъ его предписанія съ точностью и безпрекословно (§ 257).

Затѣмъ со стороны Дмитріева обращено было особенное вниманіе на правильное раздѣленіе занятій по департаментамъ сената. Вотъ краткій перечень тѣхъ реформъ, которыя произошли при немъ въ этомъ отношеніи, а именно: 2-му депар-

таменту были подчинены всѣ гражданскія тяжебныя дѣла по войсковой канцеляріи Войска Донскаго (имен. указ. объяв. мин. юст. 1810 г. март. 28, № 24169); всѣ дѣла по Тарнопольской области поручено разсматривать 3-му департаменту (сенат. вслѣд. пол. ком. мин 1811 г. янв. 19-го № 25521); дѣла уголовныя и слѣдственныя раздѣлены между 1-мъ и 2-мъ отдѣленіями 6-го департамента (сенат. 1813 г. сент. 10, № 25451). Далѣе, во время нахожденія Дмитріева въ должности министра юстиціи, были установлены нѣкоторыя правила собственно по сенату: относительно слушанія дѣлъ въ семъ учрежденіи и подачи сенаторами своихъ мнѣній (имен. дан. мин. юст. 1810 г. нояб. 27, № 24440); о голосахъ сенаторовъ по общимъ собраніямъ (мнѣн. госуд. сов. 1813 года нояб. 10, № 25475); о порядкѣ рѣшенія уголовныхъ дѣлъ (сенат. 1810 г. іюн. 27, № 24272); о составленіи докладовъ, подносимыхъ отъ сената Государю (им. объяв. мин. юст. обер.-прок. 6 департамента гр. Дмитріеву-Мамонову 1811 г. мая 23, № 24644); о поднесеніи всеподданнѣйшихъ рапортовъ касательно рѣшенія дѣлъ, производимыхъ въ палатахъ по Высочайшимъ указамъ (сенат. 1811 г. іюл. 3, № 24711), а также о томъ, чтобы на ревизію сената поступали приговоры уголовныхъ палатъ о лишеніи добраго имени подсудимыхъ, украшенныхъ медалями, съ изображеніемъ портрета Его Величества (имен. объявлен. сенат. мин. юстиціи 1810 года августа 11-го, № 24322), о воспрещеніи употреблять по департаменту министерства юстиціи и подвѣдомственнымъ оному учрежденіямъ другую бумагу, кромѣ выдѣлываемой въ Россіи (сенат. 1811 г. января 21, № 24493). При Дмитріевѣ же, по случаю нашествія французовъ, московскіе департаменты сената въ 1812 году перемѣщены въ Казань, гдѣ начали свои занятія съ 1-го декабря того года (сенат. по выс. пов. 1812 г. ноября 11, № 25264), и оттуда, по изгнаніи изъ Россіи непріятелей, въ 1814 году снова переведены въ Москву, при чемъ 16 апрѣля послѣдовало открытіе ихъ (сенат. вслѣд. имен. 1814 г. янв. 30 № 25531, сен. 1814 г. апр. 16 № 25570). По его представленію учреждены были: 1) коммисія для раз-

смотрѣнія переводовъ уложенія грузинскаго царя Вахтанга (выс. утв. рапортъ мин. юст. 1813 г. іюля 19, № 25129); 2) финляндская коммисія, куда были переданы изъ сената и юстицъ-коллегіи неоконченныя дѣла по Финляндіи и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено названіе коллегіи финляндскихъ дѣлъ (имен. дан. мин. юст. 1812 г. фев. 20, № 25000). Наконецъ при Дмитріевѣ же поднесенъ Его Величеству титулъ «Благословенный». Въ тоже время испрашиваемо было Высочайшее утвержденіе на выбитіе медали и на сооруженіе памятника (пост. свят. прав. синода, госуд. совѣта и прав. сената 1814 г. августа 3, № 25629).

Кромѣ того, при Дмитріевѣ послѣдовали слѣдующія полезныя узаконенія: по его представительству запрещено было 7-го марта 1811-го года совершать крѣпости и письменныя сдѣлки на имена лицъ, неимѣющихъ права владѣть недвижимымъ имѣніемъ; а 7 іюля 1814 г. возбранено совершать крѣпостные акты на покупку личными дворянами крестьянъ и дворовыхъ людей. М. А. Дмитріевъ приводитъ въ «Мелочахъ изъ запаса его памяти» нѣсколько анекдотовъ, относящихся къ тому времени, когда дядя его Иванъ Ивановичъ былъ министромъ. Однажды онъ докладывалъ Государю дѣло о жестокомъ обращеніи одной помѣщицы съ дворовой дѣвушкой, вслѣдствіе котораго послѣдняя умерла. Александръ, слушая докладъ, плакалъ и говорилъ: «Боже мой! Можемъ ли мы знать все, что у насъ дѣлается! Сколько отъ насъ закрытаго! Мы и вообразить этого не можемъ»! Въ этомъ случаѣ, замѣчаетъ Дмитріевъ, при утвержденіи сентенціи, Александръ забылъ уже свою кротость для правосудія. Въ другой разъ Ивану Ивановичу случилось поступить въ высшей степени опрометчиво передъ императоромъ. Это было по слѣдующему случаю: «въ одинъ докладный день, въ концѣ доклада, Дмитріевъ подалъ Государю докладную записку и вмѣстѣ указъ къ подписанію о награжденіи орденомъ какого-то губернатора. Государь сказалъ ему «эту записку внеси лучше въ комитетъ министровъ». Дмитріевъ этимъ обидѣлся, всталъ со стула, собралъ свои бумаги и вотъ что отвѣчалъ Государю: «если, Государь, министръ

юстиціи не имѣетъ счастія заслуживать вашей довѣренности, то ему не остается ничего болѣе, какъ исполнять Вашу Высочайшую волю! Эта записка будетъ внесена въ комитетъ». «Что это значитъ?—Спросилъ Государь.—Я не зналъ, что ты такъ вспыльчивъ! Подай Мнѣ проэктъ указа, я подпишу». Подписалъ и отпустилъ Дмитріева очень сухо. Но лишь только вышелъ послѣдній за дверь, его начало терзать раскаяніе, что «онъ такъ оказалъ себя предъ Государемъ столь кроткимъ, снисходительнымъ и добрымъ». Онъ рѣшился отворить дверь въ кабинетъ. «Что тебѣ надобно, Иванъ Иванычъ,—войди,» сказалъ Государь; Дмитріевъ вошелъ и принесъ чистосердечное покаяніе. «Я вовсе на тебя не сердитъ, отвѣчалъ Государь, я только удивился: я тебя знаю съ гвардіи и не зналъ, что ты такой сердитый. Хорошо, я забуду, да ты не забудешь. Смотри же, чтобы съ обѣихъ сторонъ было забыто, а то пожалуй ты будешь помнить. Видишь, какой ты злой», примолвилъ онъ съ улыбкой.

Будучи министромъ, Дмитріевъ, хотя не былъ щедръ на испрошеніе наградъ, но тѣмъ не менѣе доводилъ о каждой заслугѣ до свѣдѣнія Государя. Вотъ что разсказывалъ племяннику Ивана Ивановича, автору «Мелочей» сенаторъ Штеръ. Онъ, будучи губернаторомъ одной губерніи, при ревизіи присутственныхъ мѣстъ, въ одномъ уѣздномъ судѣ нашелъ только три дѣла. Это его изумило. На вопросъ его, судья, закраснѣвшись, отвѣчалъ: «я, ваше превосходительство, стараюсь всѣ дѣла оканчивать миромъ. Здѣшніе господа дворяне и другіе жители имѣютъ ко мнѣ довѣренность и потому почти всѣ дѣла кончаются подачею мироваго прошенія». Штеръ посмотрѣлъ настольныя книги, распросилъ дворянъ и убѣдился, что все это правда. Онъ донесъ объ этомъ Дмитріеву, какъ министру юстиціи; этотъ представилъ Государю и по первой же почтѣ судья получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени.

До войны 1812 года и послѣдовавшихъ за нею отлучекъ Государя за границу на конгрессы, Дмитріевъ былъ совершенно доволенъ службою. Государь любилъ его и цѣ-

пилъ его правила и благородный характеръ. Но съ отлучками Государя, положеніе Дмитріева, какъ министра, перемѣнилось. Извѣстно, что въ это время была распространена власть государственнаго совѣта и комитета министровъ; въ нихъ поступали и ими разрѣшались окончательно нѣкоторыя дѣла административныя, которыя прежде вносились на утвержденіе самаго Государя. Совѣтъ и комитетъ начали присвоивать себѣ власть и по сенату. Все это и многія другія причины побудили Дмитріева проситься въ отставку. Государь уволилъ его сначала на четыре мѣсяца, потомъ еще на два, наконецъ не согласился уволить долѣе, и Дмитріевъ возратился въ министерство. Но когда Государь пріѣхалъ изъ за границы, дѣла приняли другой оборотъ: министры уже не докладывали Его Величеству, всѣ дѣла шли чрезъ Аракчеева. Дмитріевъ, не имѣя случая объясниться съ Государемъ, просилъ рѣшительно объ отставкѣ и получилъ ее 30 августа 1814 года. Министерство, по его рекомендаціи, принялъ Болотниковъ. Дмитріевъ оставилъ ему письмо, въ которомъ изложилъ причины, почему вышелъ въ отставку и просилъ при удобномъ случаѣ довести ихъ до свѣдѣнія Государя. «Такимъ образомъ, заключаетъ Дмитріевъ, я васъ дѣлаю душеприкащикомъ моей чести (1)». При отставкѣ, императоръ наградилъ его ежегодною пенсіею по 10 т. рублей. Внѣ службы, Дмитріевъ оставался не долго. 30 августа 1816 года въ Москвѣ учреждена была коммисія для разсмотрѣнія просьбъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя отъ жителей, разоренныхъ непріятелемъ. Предсѣдателемъ этой коммисіи назначенъ былъ Дмитріевъ, и за полезную свою дѣятельность получилъ отъ признательнаго монарха 16 февраля 1818 года чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а 16 іюня 1819 года орденъ Св. Владиміра 1-й степени. Этимъ кончается служебное поприще Ивана Ивановича. Находясь въ отставкѣ, онъ постоянно жилъ въ Москвѣ до самой своей кончины, послѣдовавшей 1837 года октября 3-го. Дмитріевъ погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Могила

(1) Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева, 1854 г. стр. 88—93.

его украшена черною гранитною плитою съ лавровымъ вѣнкомъ изъ бронзы. Надпись на плитѣ, кромѣ имени, слѣдующая: «подобаетъ тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному облещися въ безсмертіе» (1 посл. Апос. Павла къ корине. гл. xv ст. 53).

По свидѣтельству современниковъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ отличался благодушіемъ и любовью къ справедливости. Какъ поэтъ, онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ въ сатирахъ и сказкахъ. Кто не знаетъ его «Модной жены», «Причудницы», названной Вяземскимъ драгоцѣннѣйшимъ жемчугомъ поэтическаго вѣнца Дмитріева; кто не читалъ его сатиры «Чужой толкъ»? Нелишнимъ считаемъ прибавить здѣсь и подробную роспись всѣхъ изданій сочиненій Дмитріева: 1) и мои безділки 1795 г.; 2) карманный пѣсенникъ 1796 г.; 3) басни и сказки С. П. Б. 1796 г.; 4) сочиненія и переводы 3 ч. въ тип. Бекетова 1803—1805 г.; 5) сочиненія и переводы 3 ч. изд. 3. Въ унив. тип. 1810 г.; 6) Басни, въ тип. Шнора 1810 г. посвящены императрицамъ Александрѣ и Маріѣ Ѳеодоровнѣ; 7) сочиненія и переводы 3 ч. изд. 4 (Свѣшникова) въ тип. Селивановскаго 1814 г.; 8) сочиненія и переводы 3 ч. изд. 5 (Звѣрева) съ портретомъ автора въ Унив. тип. 1818 г.; 9) стихотворенія И. И. Дмитріева изд. 6, съ портретомъ автора въ 2 ч. въ типогр. Греча 1823 г.; 10) анологи въ четверостишіяхъ, въ тип. Семена 1826 г.; 11) басни и анологи съ портретомъ автора С. П. Б., въ воен. тип. 1838 г. Кромѣ того послѣ Ивана Ивановича Дмитріева остались весьма любопытныя записки; къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ находятся въ рукописи; только не многіе отрывки изъ нихъ напечатаны въ журналѣ «Москвитянинъ».

XIII.

ДМИТРІЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ТРОЩИНСКІЙ.

Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій родился въ Малороссіи въ 1754-мъ году отъ незнатныхъ родителей. Онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, а русской грамотѣ, по собственному сознанію, выучился у дьячка (1). Впрочемъ Бантышъ-Каменскій увѣряетъ, что Трощинскій получилъ образованіе въ кіевской академіи. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, именно на двадцать третьемъ году, онъ находился на службѣ при князѣ Рѣпнинѣ въ Константинополѣ, сперва въ званіи секретаря, а потомъ правителя канцеляріи.

Во время войны съ Турціею, онъ поступилъ къ другому министру Безбородко, которому по опытности своей въ дѣлахъ былъ надежнымъ помощникомъ, такъ что разсматривалъ всѣ доклады сенатскіе по тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ, коихъ разрѣшеніе зависѣло отъ Государыни, заготовлялъ по нимъ указы, а Безбородко подносилъ ихъ только къ подписанію. Когда же сей послѣдній отправился въ Яссы на мирный конгрессъ, то всѣ находившіяся у него дѣла препоручены были Трощинскому; онъ и подносилъ ихъ чрезъ И. А Зубова императрицѣ. При мирномъ затѣмъ торжествѣ,

---

(1) «Вы смѣетесь, писалъ онъ 7 марта 1821 года своему другу Л. Н. Голенищеву-Кутузову, приписывая мнѣ способность ѣздить рысью на семъ крылатомъ конѣ (пегасѣ), а я и подходить къ нему не смѣю, да и какое право могъ бы на него имѣть, когда и русской грамотѣ (признаюсь, не стыдясь) учился только у приходскаго дьячка». Жизнь Сперанскаго, сочиненіе барона Корфа, стр. 90.

Трощинскій получилъ въ Польшѣ 1700 душъ. Наконецъ императрица Екатерина II-я, лично удостовѣрясь въ способностяхъ Трощинскаго, назначила его членомъ главнаго почтоваго правленія и вмѣстѣ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній (1793 г.). Пользуясь особенною довѣренностію императрицы, онъ дѣятельно исполнялъ ея порученія, а именно: къ нему сходили всѣ подносимыя Государынѣ чрезъ генералъ-рекетмейстера доклады, внутренняя почта и частныя прошенія, по которымъ онъ ежедневно докладывалъ, а заготовляемые указы иногда подносилъ самъ Государынѣ, но бо́льшею частію представлялъ чрезъ П. А. Зубова (1). За службу эту Трощинскій награжденъ былъ орденомъ Св. Владиміра 2-й степени (1794 г.). Онъ оставался въ званіи статсъ-секретаря и во все время царствованія императора Павла I-го, который пожаловалъ ему 1200 душъ крестьянъ, орденъ Св. Анны 1-й степени (1796 г.), Св. Александра Невскаго (1799 г.) и командорскій крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, именовавъ его вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторомъ и присутствующимъ въ совѣтахъ, учрежденныхъ при воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училищѣ Св. Екатерины.

По вступленіи на престолъ императора Александра I-го, послѣдовали многія перемѣны въ лицахъ и учрежденіяхъ; такъ 26 марта былъ упраздненъ совѣтъ, существовавшій при дворѣ въ видѣ временнаго учрежденія, а 30-го, въ замѣнъ онаго, образованъ постоянный совѣтъ для разсмотрѣнія, по словамъ

(1) Записки стат. секр. Грибовскаго. Моск. 1847 года ч. I, стр. 113, 114. *Примѣч.* Андрей Моисеевичъ Грибовскій дополняетъ сообщенныя выше свѣдѣнія тѣмъ, что Трощинскому тогда было около 30-ти лѣтъ, но казался онъ старѣе, роста былъ средственнаго, имѣлъ видъ нѣсколько угрюмый. Друзьямъ былъ другъ, а врагамъ врагъ. Онъ никогда не измѣнялъ прежнему своему начальнику и имѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ комнатахъ Государыни сильную партію, состоящую изъ Маріи Савишны Перекусихиной, ея племянницы Тарсуковой, Маріи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ рожденія и именины графъ (*) твердо помнилъ и никогда безъ хорошихъ подарковъ въ сіи дни ихъ не оставлялъ. Зап. Грибов. ст. 114.

(*) Надо полагать, Безбородко: онъ тогда былъ уже графомъ.

указа, важныхъ государственныхъ дѣлъ. Трощинскому, въ званіи члена новаго совѣта, ввѣрено было и главное завѣдываніе его канцеляріею, которой правителемъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ (послѣ сенаторъ) Вейдемейеръ. Сперанскій опредѣленъ начальникомъ 3-ей ея экспедиціи, по части гражданской и духовной, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря. Трощинскій поручилъ Сперанскому, независимо отъ его обязанностей по совѣту, составленіе всѣхъ манифестовъ, указовъ, которыми такъ обильно начало царствованія Александра 1-го. Впрочемъ, достопамятный манифестъ 8-го сентября 1802 года о министерствахъ былъ сочиненъ безъ всякаго участія со стороны Трощинскаго, не долго пользовавшагося довѣріемъ и милостями Александра. Умнаго и опытнаго, но вскормленнаго въ старыхъ идеяхъ дѣльца, съ его отсталыми понятіями, худо соглашавшимися съ направленіемъ новаго царствованія, оттѣснили четыре даровитые сановника, именно: графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, Николай Николаевичъ Новосильцевъ, князь Адамъ Черторижскій и графъ Павелъ Александровичъ Строгоновъ. Благодаря этимъ любимцамъ Александра, и возникла первая мысль объ учрежденіи министерствъ, осуществленная манифестомъ 8 сентября, о которомъ Трощинскій провѣдалъ только наканунѣ его изданія. Будучи приверженцемъ прежняго порядка, онъ вмѣстѣ со многими другими громко возсталъ противъ новаго учрежденія, однимъ изъ непосредственныхъ слѣдствій котораго было то, что вновь созданная обширная власть министровъ, поставленная внѣ связи съ совѣтомъ, отодвинула послѣдній на задній планъ, и онъ такимъ образомъ сдѣлался почти исключительно инстанціею для тяжебныхъ дѣлъ. Мѣсто падшаго Трощинскаго и въ дѣятельности государственной и въ довѣріи императора заняли вышеозначенныя лица. Всѣ личные доклады вмѣстѣ съ управленіемъ дѣлами учрежденнаго тогда же комитета министровъ перешли къ Новосильцеву. Трощинскому остались только удѣлы, почты и завѣдываніе павшимъ совѣтомъ. Оффиціальный его титулъ тогда былъ: «находящійся при Его Императорскомъ Величествѣ у исправленія возложен-

ныхъ на него по особой довѣренности дѣлъ.» Въ 1805 году онъ былъ уволенъ вовсе отъ службы (Жизнь Сперанскаго, сочиненія барона Корфа стр. 93 и 94).

Но если Трощинскій и утратилъ тогда политическое значеніе и отстраненъ былъ отъ участія въ новыхъ преобразованіяхъ, то при всемъ томъ онъ не вполнѣ лишился милостиваго расположенія къ нему Государя, который уважалъ въ немъ умъ, опытность и неутомимую дѣятельность. Это подтверждается наградами, полученными имъ и при началѣ царствованія Александра Павловича и въ продолженіе онаго. Такъ онъ сдѣланъ былъ главнымъ директоромъ почтъ (1801 г.), получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (15 сентября 1801 г.), а потомъ назначенъ министромъ удѣловъ. За попечительное управленіе департаментами удѣльнымъ и почтовымъ въ особливо милостивомъ рескриптѣ объявлена была ему въ 1806 году Высочайшая благодарность. Въ этомъ рескриптѣ между прочимъ сказано: «разсмотрѣвъ донесенія ваши о состояніи ввѣренныхъ вамъ департаментовъ, удѣльнаго и почтоваго, съ удовольствіемъ вижу по первому изъ нихъ соблюденіе хозяйственной бережливости и пользы казенной во всѣхъ оборотахъ денежныхъ суммъ и капиталовъ, ему принадлежащихъ, рачительную дѣятельность въ управленіи подвѣдомыхъ оному крестьянъ, неусыпное попеченіе о ихъ благѣ, доброе устройство и полезные успѣхи въ заведеніяхъ, оному подчиненныхъ, а по второму—знатное и въ прошломъ 1805 году приращеніе противу прежнихъ лѣтъ почтоваго дохода и неупустительную точность въ важномъ обращеніи суммъ, переходящихъ на почтѣ и простирающихся на многіе милліоны.» Но не смотря на вышеозначенное монаршее вниманіе, разстроенное здоровье заставило вскорѣ Трощинскаго оставить службу. Признательный монархъ обратилъ ему въ пенсіонъ получаемое имъ жалованье по званію главнаго директора почтъ и министра удѣловъ.

Удалясь по полученіи отставки на жительство въ Полтаву, Трощинскій былъ выбранъ тамошнимъ дворянствомъ въ губернскіе маршалы. Въ 1814 году Дмитрій Прокофьевичъ

былъ приглашенъ Государемъ къ управленію министерствомъ юстиціи. Принявъ въ управленіе это министерство, Трощинскій нашелъ возможнымъ соединить два отдѣленія 6-го департамента сената въ одно присутствіе. Причемъ испрошено имъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе особой канцеляріи при общемъ собраніи московскихъ департаментовъ сената (Высоч. повел. 1814 г. окт. 19, № 25710, 1815 года мая 31-го № 25871). Но когда накопленіе нерѣшенныхъ дѣлъ не оправдало первоначальной мѣры, то 6-й департаментъ былъ снова раздѣленъ на два отдѣленія (имен. указ. 1817 г. апрѣл. 23. № 26808). Затѣмъ при Трощинскомъ 1) учрежденъ при сенатѣ особый комитетъ для повѣрки и окончанія дѣлъ по произведеннымъ губернскими коммисіями изысканіямъ о недоимкахъ по питейнымъ откупамъ (указ. сен. съ изъясн. мнѣнія государ. сов. 1815 года іюня 8, № 25876); 2) вмѣнено въ обязанность губернаторамъ доносить сенату о важнѣйшихъ обстоятельствахъ, замѣченныхъ ими при обозрѣніи ввѣренныхъ губерній, равно и о всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ и происшествіяхъ во всемъ государствѣ, безъ малѣйшаго промедленія, со всѣми нужными объясненіями (указ. 1815 г. ноябр. 11, № 25995 и 22 декабря, № 26038); 3) исчислены случаи, въ коихъ дѣла, поступившія въ государственный совѣтъ изъ сената, должны быть обращаемы въ оный къ новому разсмотрѣнію и рѣшенію; причемъ поручено сенату чинить рѣшеніе таковыхъ дѣлъ неукоснительно (Выс. утв. мн. госуд. сов. 1817 г. январ. 22, № 26630).

Здѣсь мы не лишнимъ считаемъ помѣстить письмо императора Александра Павловича къ Трощинскому (*), изъ коего видна заботливость Государя о повсемѣстномъ водвореніи въ Россіи порядка и правосудія.

«Дмитрій Прокофьевичъ! По настоящемъ выздоровленіи вашемъ отъ болѣзни, Я желаю, чтобы вы скорѣе, занявъ прежнее ваше мѣсто, продолжали съ прежнею дѣятельностію отправлять

(*) *Прим.* Письмо это напечатано въ Чтеніяхъ общест. ист. и древ. россійск. 1858 г. кн. 3 стр. 118, и, къ сожалѣнію, безъ означенія года.

должность вашу. Я въ полной къ вамъ довѣренности, поручаю вамъусугубить надзоръ, дабы дѣла какъ въ правительствующемъ сенатѣ, такъ и во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, имѣли успѣшнѣйшее теченіе, чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобъ бѣдные и угнетенные находили всегда защиту и покровительство, чтобы правосудіе не было помрачено ни пристрастіемъ къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ, Богу противнымъ и мнѣ ненавистнымъ, и чтобы обличаемые въ семъ гнусномъ поступкѣ не терпимы были на службѣ и преслѣдованы со всею строгостію законовъ, чѣмъ вы, по долгу званія вашего, неослабно наблюдать и о послѣдствіяхъ Меня въ откровенности извѣщать не оставите, донося равномѣрно и о тѣхъ отличныхъ чиновникахъ, которыхъ за усердную и безпорочную службу найдете достойными особеннаго моего воздаянія.»

Наконецъ, по прошествіи 3-хъ лѣтъ, изнемогая въ силахъ, Трощинскій снова по прошенію былъ уволенъ отъ службы въ 1817 году съ пенсіономъ по 10,000 рублей въ годъ. Пять лѣтъ оставался онъ еще въ Петербургѣ (по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго), отдыхая отъ трудовъ въ кругу друзей; въ 1822 году удалился въ любимое село свое Кибинцы, находящееся въ Миргородскомъ повѣтѣ, Полтавской губерніи. Тамъ постигла его тихая кончина 26-го февраля 1829 года, на 76-мъ году отъ рожденія.

Съ умомъ обширнымъ и практически образованнымъ, сердцемъ чувствительнымъ и твердостію духа необыкновенною, Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій соединялъ въ себѣ и особенную любезность въ обществѣ приближенныхъ, которую сохранилъ и въ послѣдніе дни свои. «Вижу, что борьба жизни моей со смертію скоро кончится, писалъ онъ къ одному пріятелю предъ самою кончиною, ибо послѣдней служитъ надежною помощницею моя старость». За шесть дней до смерти своей онъ пріобщился Св. таинъ; на другой день объявилъ собственноручное свое духовное завѣщаніе, чрезъ два дня соборованъ елеемъ и съ того времени просилъ священника неперемѣнно читать отходныя молитвы и Евангеліе,

сохранивъ зрѣніе, слухъ, память и совершенное присутствіе разсудка. Многія бѣдныя семейства, вдовы и сироты оплакали въ немъ своего благодѣтеля (1).

Трощинскій хотя не получилъ классическаго образованія, но, имѣя свѣтлый умъ, наблюдательность, самъ себя образовалъ въ школѣ практическихъ дѣловыхъ упражненій, такъ что его проэкты, мнѣнія, министерскія бумаги носятъ на себѣ отпечатокъ яснаго пониманія предмета, строгой отчетливости въ изложеніи и наконецъ въ нихъ всегда преобладаетъ практическая сторона относительно приведенія въ исполненіе предполагаемаго, которая пріобрѣтается только долговременнымъ упражненіемъ въ дѣлахъ. Онъ, какъ извѣстно, много писалъ проэктовъ по разнымъ предметамъ, подавалъ замѣчательныя мнѣнія. Изъ числа оныхъ нѣкоторыя разсѣяны по архивамъ при дѣлахъ, также по другимъ нашимъ древлехранилищамъ или находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, а нныя напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Мы не лишнимъ сочли здѣсь кстати указать на его мнѣнія, напечатанныя въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ въ Москвѣ. Эти мнѣнія слѣдующія: къ 1802 году относится мнѣніе Трощинскаго о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя находилъ онъ нужнымъ допустить въ проэктѣ указа о преобразованіи сената, внесенномъ тогда въ государственный совѣтъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: 6-я статья проэкта подтверждаетъ сенату право опредѣлять чиновниковъ на основаніи указовъ 1790 и 1801 годовъ. Но такъ какъ право это распространяется на избраніе кандидатовъ въ губернаторы, то этимъ, по мнѣнію Трощинскаго, весьма прилично бы было дополнить помянутую статью, тѣмъ болѣе, что и сенатъ испрашивалъ уже этого въ своемъ докладѣ; 8-ю статьею проэкта указа дозволяется сенату представлять государю о несогласныхъ съ законами или неудобныхъ къ исполненію указахъ по дѣламъ судныхъ или тяжебныхъ, но подобныя пред-

(1) Словарь достоп. люд. русск. земли Бантышъ—Каменскаго ч. 5, стр. 150—156.

ставленія, замѣчаетъ Троцинскій, нужнѣе по общимъ дѣламъ государственнымъ; статьею 22-ю опредѣлено публиковать рѣшенія сената о дѣлахъ съ краткимъ означеніемъ, въ чью пользу они окончены. Напротивъ, по мнѣнію Троцинскаго, нужно публиковать опредѣленія сената со всѣми подробностями, «дабы присутственныя мѣста всегда имѣли предъ собою примѣръ законныхъ сужденій и т. д. (1).

Въ 1815 году подано министромъ юстиціи Троцинскимъ въ государственный совѣтъ мнѣніе о проэктѣ новаго гражданскаго уложенія, внесеннаго въ оный коммисіею составленія законовъ. Авторъ начинаетъ его обозрѣніемъ предшествовавшихъ законоположеній, которыми опредѣлялся кругъ дѣйствій и обязанности коммисіи составленія новыхъ законовъ. Затѣмъ наблюденія свои онъ раздѣлятъ: а) на разсмотрѣніе общаго состава гражданскаго уложенія; б) существа заключающихся въ немъ законовъ, и в) примѣчанія къ тому уложенію и заключеніе.

Приступая къ первой части труда своего, согласно съ начертаннымъ планомъ, Троцинскій говоритъ, что расположеніе главныхъ частей въ проэктѣ уложенія весьма правильно, но въ раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ каждой части не соблюдена строгая послѣдовательность въ изложеніи. Такъ, напр., онъ находитъ, что въ 4-й главѣ «о собственности общей» «судное дѣло» перепутано съ межевымъ, ибо въ главѣ сей, послѣ нѣсколькихъ словъ о помянутой собственности, слѣдуетъ переходъ къ положенію о раздѣлѣ добровольномъ и судебномъ, а потомъ къ межеванію, спорамъ о межахъ и т. д. Вообще, по словамъ Троцинскаго, въ проэктѣ новаго уложенія «классификація вещей употреблена совсѣмъ не такова, какой быть надлежало: теоріи много, а мѣстныхъ практическихъ наблюденій совсѣмъ непримѣтно.»

Во второй части труда своего, «о существѣ проэкта гражданскаго уложенія», Троцинскій обращаетъ особенное вниманіе на 5-ю главу «о метрическихъ свидѣтельствахъ». Для

(1) Чтенія общ. истор. и древ. росс. 1860 г. № 1 стр. 101—104.

того, чтобы удобнѣе снабдить письменными видами всѣхъ лицъ безъ различія ихъ званій и состояній, этою главою проэкта установляются двѣ метрическія книги: духовная и гражданская; первая составляется при церквахъ; изъ оной, за подписомъ всего причта, выдаются свидѣтельства, которыя получившій въ теченіе мѣсяца обязанъ явить мѣстному начальству. Вторая книга ведется гражданскимъ начальствомъ. Въ нее должны вноситься данныя отъ церквей свидѣтельства отъ слова до слова, а потомъ возвращаться съ помѣтою представляющимъ ихъ для всегданняго храненія. Такимъ образомъ, по мнѣнію Трощинскаго, «въ каждомъ погостѣ долженъ установиться нѣкоторый родъ трибунала: изъ чтецовъ, дьячковъ, пономарей, ктиторовъ, или старостъ, который долженъ подписывать метрическія свидѣтельства князьямъ, графамъ и лицамъ всѣхъ прочихъ состояній»; далѣе авторъ удивляется тому, какъ можно заставлять человѣка, а тѣмъ болѣе поселянина, «таскаться» изъ дома къ священнику, отъ него въ уѣздный судъ, а чрезъ это, какъ нельзя болѣе, будетъ онъ отвлекаться отъ полевыхъ работъ. Подобнымъ же образомъ въ этой части труда своего разбираетъ авторъ и 14-ю главу проэкта «о наслѣдіи супруговъ», гдѣ назначается вдовѣ пожизненное право на половинную часть имѣнія противъ каждаго сына, вмѣсто существовавшей 7 й части, которою вдова могла располагать какъ своею благоприобрѣтенною собственностію.

Далѣе, «въ примѣчаніяхъ» Трощинскій находитъ, что проэктъ гражданскаго уложенія или весьма слабо, или совсѣмъ не былъ соображаемъ съ отечественными постановленіями и мѣстными обстоятельствами; слѣдовательно, прибавляетъ авторъ мнѣнія, «упущены изъ виду такія свѣдѣнія, безъ которыхъ едва ли можно было приступить къ началу великаго дѣла составленія новыхъ законовъ.» Сличеніе же этого проэкта съ кодексомъ Наполеона убѣдило Трощинскаго, что настоящее законоположеніе есть испорченный переводъ того кодекса.

Въ «заключеніи» авторъ полагаетъ, что нужно, не то-

ряя напрасно времени на разсматриваніе проэктовъ, обратиться къ составленію новыхъ, снабдивъ притомъ трудящихся особымъ на тотъ предметъ наставленіемъ (1).

Въ 1816 году послѣдовала «записка Трощинскаго о такихъ предметахъ, кои не могутъ быть вносимы въ комитетъ министровъ, а требуютъ личнаго доклада Государю.» Записку это Трощинскій начинаетъ обозрѣніемъ законоположеній, которыми опредѣлялся кругъ дѣйствій генералъ-прокуроровъ, а потомъ министровъ юстиціи. Изъ нихъ выводитъ онъ заключеніе о томъ, что для генералъ-прокурора или министра юстиціи существуетъ настоятельная потребность въ личныхъ докладахъ Государю по дѣламъ. По изъ послѣдняго положенія, замѣчаетъ онъ далѣе, проистекало много злоупотребленій; такъ, большое количество дѣлъ, особенно просительскихъ, докладывалось Государю вовсе безъ всякой надобности. По мнѣнію автора записки, всѣ дѣла, которыя излагаются на бумагѣ въ видѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ, рапортовъ, записокъ, нужно исключить изъ личныхъ докладовъ, потому что дѣла эти могутъ обращаться по роду своему: судебныя — въ государственный совѣтъ, а относящіяся до управленія, — въ комитетъ министровъ. Напротивъ, о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя опасно излагать на бумагѣ, и знать кои нужно одному Государю, слѣдуетъ лично докладывать Его Величеству «и тѣмъ самымъ содержать пость министра юстиціи на той степени, которая соотвѣтствуетъ сему званію для пользы государства.» Для такихъ личныхъ объясненій, по словамъ Трощинскаго, довольно одного или двухъ разъ въ мѣсяцъ имѣть свободный доступъ къ Его Величеству министру юстиціи, исключая особенныхъ случаевъ (2).

---

(1) Чтенія общест. ист. и древ. рос. 1859 г. ч. 3, стр. 1—21

(2) Тамъ же час. 4, стр. 49—55.

XIV.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій родился 20 сентября 1758 года. На 14-мъ году своего возраста, еще продолжая ученіе въ домѣ родителей, онъ записанъ былъ въ 1772 году лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ сержантомъ. Явившись на службу, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1779 по 1782 г.) получилъ первые три чина и въ 1783 году былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду. Во время войны съ Турціею, князь Дмитрій Ивановичъ, находясь въ дѣйствующей арміи, оказалъ примѣрное мужество, былъ тяжело раненъ при взятіи Очакова и Измаила и за особенное отличіе награжденъ чиномъ полковника и орденомъ Св. Георгія 4-го класса (1791 г.). Онъ участвовалъ въ знаменитой побѣдѣ Рѣпнина при Мачинѣ (28 Іюня 1791 г.), надъ восьмидесятитысячной турецкой арміею. Будучи отправленъ въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ объ этой побѣдѣ, Лобановъ удостоился получить орденъ Св. Георгія 3-го класса (15 іюля).

Война съ Польшею доставила молодому воину случай пожать новые лавры. За участіе при взятіи Праги Суворовымъ,

24-го октября 1794 года, князь получилъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени, золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и чинъ бригадира.

Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, обратилъ особенное вниманіе на князя Лобанова-Ростовскаго, наградилъ его чиномъ генералъ-маіора, орденомъ Св. Анны 1-й степени, а потомъ назначилъ шефомъ псковскаго мушкатерскаго полка. Въ 1797 году князь Лобановъ получилъ командорство на орденъ Св. Анны, состоящее изъ 403 душъ въ Московской губерніи, чинъ генералъ-лейтенанта (1798 г.), далѣе пожалованъ военнымъ губернаторомъ Архангельска и шефомъ полка своего имени. Будучи военнымъ губернаторомъ, онъ удостоился получить Высочайшій рескриптъ отъ 14 декабря, съ изъявленіемъ монаршаго благоволенія «за осторожныя мѣры, принятыя въ Архангельскѣ», гдѣ уничтожено имъ общество въ домѣ купца Кольморгена подъ названіемъ «дружескаго собранія»; но вслѣдъ затѣмъ 27 декабря 1797 года князь былъ уволенъ по прошенію отъ службы.

Около 10-ти лѣтъ находился Лобановъ-Ростовскій въ бездѣйствіи; наконецъ, въ исходѣ 1806 года, готовясь на новую борьбу съ Франціею, императоръ Александръ I-й, уважая опытность князя, отличную службу его и преданность къ отечеству, предложилъ ему принять начальство надъ формируемою въ Твери 17-ю дивизіею и заняться скорѣйшимъ приведеніемъ ея въ надлежащее устройство. «Я увѣренъ, писалъ императоръ Лобанову 6 февраля 1807 года, что въ исполненіи сего не предстанетъ рвенію вашему о благѣ общемъ никакихъ непреодолимыхъ трудностей и что представляющееся невозможнымъ обратите вы въ возможное способами, какіе откроютъ вамъ опытность, предусмотрительность и усердіе къ службѣ». Другимъ рескриптомъ отъ 1 марта Государь благодарилъ князя «за попеченіе и заботливость къ успѣшному образованію ввѣренной ему дивизіи». Окончивъ блистательно возложенную на него обязанность, князь присоединил-

съ своими вновь сформированными полками къ арміи Бенигсена, расположенной близъ Тильзита. Здѣсь дано было ему императоромъ лестное порученіе вести переговоры о прекращеніи войны съ Франціею. 7 іюня князь отправился въ Тильзитъ къ маршалу Бертье, который принялъ его съ видимымъ удовольствіемъ, увѣряя въ свою очередь, что и самъ Наполеонъ желаетъ скорѣе примириться съ императоромъ Александромъ. Не смотря на то, предложенія Бертье, по своей важности, не могли быть приняты княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, безъ разрѣшенія императора. Донеся о предметахъ разговора своего съ Бертье и послѣдствіяхъ онаго, князь получилъ отъ Государя собственноручное письмо, въ которомъ Александръ, изъявляя князю одобреніе и похвалу за его «отзывы и поведеніе съ Бертье», препровождалъ къ нему копію съ отвѣта къ генералу Бенингсену для руководства на будущее время. Получивъ полномочіе, князь Лобановъ-Ростовскій отправился 10 іюня въ квартиру Наполеона. Маршалъ Дюрокъ ввелъ его въ гостиную, въ которую вышелъ вскорѣ изъ другой комнаты императоръ французовъ. Изъявивъ въ нѣсколькихъ словахъ благодарность императору Александру за выборъ такого полномочнаго, о которомъ онъ слышалъ много хорошаго, Наполеонъ подошелъ къ столу, гдѣ была положена карта, и, указывая на Вислу, сказалъ: вотъ граница обѣихъ имперій: съ одной стороны долженъ владычествовать вашъ Государь, съ другой я». «Государь мой», отвѣчалъ князь Лобановъ-Ростовскій, «твердо намѣренъ защищать владѣнія союзника своего короля Прусскаго». Затѣмъ съ одной стороны представляема была необходимость предполагаемаго дѣленія Европы, съ другой хладнокровная неуступка притязаніямъ и наконецъ заключено было перемиріе. Въ актѣ о перемиріи Александръ I помѣщенъ былъ вездѣ выше Наполеона и князь Лобановъ-Ростовскій подписался выше Бертье, князя Нефшательскаго. По написаніи акта, князь Лобановъ-Ростовскій обѣдалъ у Наполеона и долго съ нимъ бесѣдовалъ. На другой день онъ отправился къ императору Александру съ актомъ перемирія для ратиѳ-

фикаціи. Государь благодарилъ его и уполномочилъ вновь, вмѣстѣ съ двоюроднымъ его братомъ вице-канцлеромъ княземъ А. Б. Куракинымъ, приступить къ соглашенію о мирѣ. 27-го іюня былъ заключенъ Тильзитскій миръ. Признательный монархъ въ самый день подписанія мирнаго договора пожаловалъ князя Лобанова-Ростовскаго генераломъ отъ инфантеріи, потомъ 22 іюля кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго «за отличное усердіе къ службѣ и труды, подъятые имъ на пользу отечества при заключеніи съ французами благополучнаго для Россіи мира»; также повелѣлъ выдать ему (8 августа) на обзаведеніе въ Петербургѣ 25 т. рублей. Наполеонъ съ своей стороны не остался равнодушнымъ къ достоинствамъ и трудамъ князя Лобанова-Ростовскаго. Князь, съ разрѣшенія Государя, получилъ отъ него орденъ почетнаго легіона большаго креста, табакерку съ портретомъ въ 20 т. рублей и прекрасный фарфоровый сервизъ въ 50 т. рублей.

По возвращеніи въ Россію, князь Лобановъ-Ростовскій назначенъ былъ въ 1808 году января 1-го военнымъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ, а чрезъ годъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго «за отличное усердіе и ревность, коими служба его была всегда знаменуема». Но безпрерывныя занятія, соединенныя съ новою должностію, разстроили здоровье князя и принудили его просить объ увольненіи. Получивъ отставку, 1809 года 2-го февраля, князь Лобановъ-Ростовскій однако не долго ею пользовался. Увлекаясь примѣромъ соотечественниковъ, проливавшихъ свою кровь на полѣ чести, онъ просилъ Государя употребить его снова «при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ». Назначенный 23-го мая того же года въ армію князя Голицына, стоявшую въ Галиціи, князь Лобановъ-Ростовскій скоро однако соскучился бездѣйствіемъ, въ которомъ находилась эта армія и просилъ императора назначить его въ Финляндію, гдѣ была война. Государь медлилъ отвѣтомъ на это письмо, объяснивъ въ послѣдствіи Лобанову

въ милостивомъ рескриптѣ по заключеніи мира съ Швеціею, что молчаніе это происходило «не отъ неудовольствія или какихъ либо неблаговидныхъ впечатлѣній, но единственно отъ уваженія, которое онъ всегда оказывалъ усердію и заслугамъ его; что онъ не желалъ согласіемъ своимъ поставить его въ непріятное положеніе явиться въ армію на короткое время, по случаю послѣдовавшаго вскорѣ прекращенія военныхъ дѣйствій; что ныпѣ отъ него зависитъ лично удостовѣриться въ неизмѣнномъ участіи и всегдашнемъ благоволеніи, коими онъ къ нему преисполненъ». Получивъ рескриптъ этотъ, Лобановъ отправился въ Петербургъ и поклялся предъ Государемъ «хранить въ сердцѣ своемъ до послѣдней минуты жизни воспоминаніе о его милостяхъ». Въ декабрѣ 1810 г. Государь повелѣлъ князю быть военнымъ губернаторомъ Риги и генералъ-губернаторомъ лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ. Въ 1812 году князь Лобановъ-Ростовскій былъ вызванъ изъ Риги и сдѣланъ военнымъ начальникомъ на пространствѣ имперіи отъ Ярославля до Воронежа. Ему поручено было формированіе 2-хъ дивизій резервнаго войска. Въ собственноручномъ письмѣ Государя, присланномъ по этому случаю Лобанову, между прочимъ сказано; «дѣлая васъ военнымъ начальникомъ въ пространствѣ имперіи отъ Ярославля до Воронежа въ столь важное время для Россіи, Я доказалъ такою довѣренностію Мое расположеніе къ вамъ. Нужно Мнѣ было имѣть для сего порученія чиновника, соединяющаго возвышенный чинъ, долговременною и усердною службою отечеству пріобрѣтенный, и имя съ честію имъ носимое. Посему избралъ Я васъ». Въ послѣдней должности князь Лобановъ находился до 1813 года; занимался съ успѣхомъ возложеннымъ на него порученіемъ, отправляя сформированные полки въ дѣйствующую армію, за что и получалъ неоднократно Высочайшую благодарность. Въ началѣ 1813 года, для лучшаго и удобнѣйшаго комплектованія войскъ, дѣйствовавшихъ внѣ предѣловъ Россіи, повелѣно составить на границѣ имперіи резервную армію подъ командою князя

Лобанова-Ростовскаго. По приведеніи въ исполненіе этого повелѣнія, князь постоянно отправлялъ на мѣсто дѣйствія съ февраля мѣсяца изъ двухъ полковъ по одному баталіону съ обозомъ и при этомъ, по волѣ Государя, обращалъ особенное вниманіе на хорошее содержаніе людей, что составляло едва исполнимую статью въ разоренномъ краѣ. Императоръ выразилъ признательность свою Лобанову—Ростовскому за труды его собственноручнымъ письмомъ отъ 10 марта. Вскорѣ послѣ этого князю Дмитрію Ивановичу присвоены были преимущества главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею, за исключеніемъ только раздачи наградъ всякаго рода и вліянія на гражданскую часть, такъ какъ губерніи, гдѣ расположена была армія, уже находились въ военномъ подчиненіи генералъ-фельдмаршалу князю Кутузову; а 26 марта Лобановъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1-й степени «за труды, подъятые имъ въ продолженіи кампаніи при формированіи войскъ и, особливо, за оказанное тогда усердіе на пользу отечества скорымъ приготовленіемъ и отправленіемъ за границу составленныхъ изъ рекрутъ баталіоновъ». Затѣмъ, 25-го мая, Государь соединилъ резервную армію князя Лобанова—Ростовскаго, корпусъ Дохтурова и составленную изъ ополченія армію графа Толстаго подъ начальство барона Беннигсена со всѣми правами и властію главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею. Князь Лобановъ—Ростовскій, затрудняясь подчиненностію, просилъ Государя объ увольненіи своемъ отъ службы, но получилъ по сему случаю лестное письмо отъ Государя, въ которомъ между прочимъ было сказано: «служеніе ваше полезно и нужно государству. Я увѣренъ въ вашемъ патріотизмѣ и что по приверженности вашей ко Мнѣ не откажетесь приносить служеніемъ своимъ вящихъ пользъ.» Въ декабрѣ мѣсяцѣ велѣно было князю расположить корпуса резервной арміи по всему пространству варшавскаго герцогства. Главная квартира была назначена въ Варшавѣ. Здѣсь князь Лобановъ—Ростовскій показалъ чрезмѣрную распорядительность и усердіе,

а исходатайствованіемъ прощенія нѣсколькимъ полякамъ, обвиняемымъ военнымъ судомъ, снискалъ любовь жителей. За всѣ вышеозначенныя дѣйствія на пользу отечества, признательный монархъ далъ указъ государственному совѣту 16 декабря 1813 года, коимъ повелѣлъ князю Лобанову—Ростовскому присутствовать въ томъ совѣтѣ, а по вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ императоръ 27 апрѣля 1814 года препроводилъ къ князю при рескриптѣ орденъ Св. Андрея Первозваннаго «въ ознаменованіе своего благоволенія къ нему и въ награду его подвиговъ.» «Успѣхи оружія нашего», упомянулъ Государь въ этомъ рескриптѣ, «непосредственно связаны съ успѣхомъ формированія резервовъ, гдѣ такъ много оказали вы рвенія и попечительности».

Возвратясь въ Петербургъ, князь сталъ въ 1815 году присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, а съ января 1817 года предсѣдательствовать въ коммиссіи для изслѣдованія всѣхъ дѣйствій провіантскаго департамента. 25-го августа 1817 года князь Лобановъ—Ростовскій назначенъ былъ министромъ юстиціи. При этомъ случаѣ Государь писалъ къ нему: «удостовѣренъ Я въ полной мѣрѣ, что вы оправдаете въ строгомъ смыслѣ названіе, присвоенное инструкціею генералъ-прокурору: око императорское». Въ 1818 году князь Лобановъ—Ростовскій предсѣдательствовалъ въ комитетѣ для изысканія средствъ къ уменьшенію расходовъ по военному министерству. Въ 1822 году императоръ предложилъ ему вступить въ управленіе военнымъ министерствомъ. «При всей готовности пожертвовать для Васъ и самою жизнію,» писалъ Лобановъ по этому случаю Государю, «отъ совершеннаго истощенія, при старости, силъ и болѣзненныхъ припадкахъ, лишенъ и возможности дѣйствовать съ прежнимъ напряженіемъ и неутомимостью. За верхъ благополучія счелъ бы я,» продолжалъ далѣе князь, «и вмѣнилъ бы себѣ въ величайшую награду за пятидесятилѣтнюю службу, если бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было уволить меня отъ

обоихъ министерствъ, оставивъ только для временныхъ по силамъ моимъ порученій; но какъ ни пламенно это мое желаніе, воля Вашего Величества пребудетъ для меня священнѣйшимъ закономъ.» Уваживъ побужденія, заставлявшія Лобанова отказаться отъ принятія новаго министерства, императоръ не согласился на увольненіе князя отъ управленія министерством юстиціи. Оставаясь въ этой должности, Лобановъ два раза получалъ монаршую признательность: въ 1819 году «за рѣшеніе гораздо превосходнѣйшаго числа дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ противъ прежнихъ лѣтъ», и «за успѣшный ходъ дѣлъ по министерству юстиціи въ 1820 году». Въ день коронованія государя императора Николая Павловича (22 августа 1826 года) князь награжденъ былъ алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго «въ доказательство особеннаго благоволенія къ усердной службѣ», а въ началѣ 1827 года, вслѣдствіе представленія краткаго отчета о состояніи дѣлъ по министерству за 1826 годъ, удостоенъ Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ изъявлена ему признательность Государя за то, что «не взирая на необыкновенное количество дѣлъ, составляющее слишкомъ 2,850,000, поступившихъ въ томъ году на разсмотрѣніе разныхъ судовъ въ имперіи, весьма немногія, по соразмѣрности, остались нерѣшенными и что отъ сего ускоренія въ отправленіи правосудія число арестантовъ, простиравшееся въ теченіи года до 127,000, вездѣ значительно уменьшилось, такъ что не превышаетъ 4900 человѣкъ».

Ко времени дѣятельности князя Лобанова—Ростовскаго, какъ министра юстиціи, относятся слѣдующія распоряженія: 1) объ улучшеніи положенія служащихъ при сенатѣ чиновниковъ, причемъ имъ исходатайствованы штаты для канцелярій сената и подвѣдомственныхъ ему мѣстъ, равно и для самой канцеляріи министерства юстиціи, съ значительнымъ увеличеніемъ окладовъ жалованья, которые до того существовали съ 1762 года безъ всякаго измѣненія (шт. 17 окт. 1817 г. пол.

собр. зак. № 27088 и 1818 г. апр. 30 № 27778); 2) по представленію же князя Лобанова, апелляціонныя дѣла въ 1821 году по губерніямъ: Ярославской, Вологодской и Вятской, вмѣсто 4-го, переданы во 2-й департаментъ сената (Выс. указ. объяв. мин. юст. 1821 г. янв. 19; пол. собр. зак. № 28524); 3) послѣдовало постановленіе относительно предложеній, представляемыхъ сенату министромъ юстиціи о томъ, что сенаторы должны изъяснить только, согласны ли они съ тѣми предложеніями или нѣтъ, но оговаривать таковыя предложенія запрещено (имен. указ. 1821 г. іюл. 29; пол. собр. зак. № 28708); 4) по случаю накопленія дѣлъ, къ двумъ отдѣленіямъ 5-го департамента сената прибавлено 3-іе, съ Высочайше утвержденнымъ штатомъ оному и росписаніемъ дѣлъ по губерніямъ, безъ различія въ каждой изъ нихъ слѣдственныхъ отъ уголовныхъ (Высоч. указ. 1824 г. янв. 4 № 29725); 5) въ это же время состоялось положеніе, которое можетъ быть отнесено къ особымъ привилегіямъ сената; оно заключалось въ слѣдующемъ: всѣ присутственныя мѣста, въ случаѣ встрѣчаемаго ими противорѣчія или разности въ предписаніяхъ сената, обязаны были испрашивать надлежащаго разрѣшенія «у верховнаго правительства (сената) съ должною для подчиненнаго мѣста покорностію» (указ. сен. 1824 г. іюн. 24; пол. собр. зак. № 29965 п. 3); 6) далѣе, поручено сенату при ревизіи дѣлъ по Грузіи принимать въ руководство переводъ уложенія царя Вахтанга (Высоч. утв. пол. ком. мин. 1825 г. февр. 28 № 30272).

Въ періодъ же времени управленія Лобановымъ-Ростовскимъ министерствомъ юстиціи состоялись постановленія: а) о произведеніи суда надъ оберъ-прокурорами сената за упущеніе должности въ общемъ собраніи онаго (имен. указ. объяв. мин. юстиц. 1821 г. іюля 9; полн. собр. закон. № 28682); б) о небытіи присутствія въ сенатѣ на страстной недѣлѣ (Выс. утвер. пол. ком. мин. объяв. мин. юст. 1824 г. март. 29; пол. соб. зак. № 29853).

При Лобановѣ же Ростовскомъ, по вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, учреждены были: 1) при общемъ собраніи с.-петербургскихъ департаментовъ сената особый комитетъ для собранія законовъ къ искорененію лихоимства и лиходательства (Выс. утв. пол. госуд. сов. 1826 г. мая 11 № 328); 2) для успѣшнѣйшаго и скорѣйшаго производства дѣлъ, въ С. Петербургѣ, въ 1827 году открыты вмѣсто одного два общія собранія сената. Распредѣленіе занятій между ними было слѣдующее: первое составлялось изъ первыхъ трехъ департаментовъ, а второе—изъ 4-го, 5-го и межеваго. Первому предоставлены дѣла: а) по Высочайшимъ повелѣніямъ, б) требующія новаго постановленія, в) сопряженныя съ казеннымъ интересомъ; второму—одни дѣла по разногласіямъ, въ департаментахъ происходящимъ (имен. ук. 1827 г. апр. 28 № 1063).

Кромѣ того, при князѣ Лобановѣ—Ростовскомъ, министру юстиціи предоставлено право разрѣшать отпуски сенаторамъ и оберъ-прокурорамъ на 28 дней (Выс. утв. пол. ком. мин. 1826 г. ноябр. 13 № 281 и 1827 г. апр. 12 № 1026); ему же вмѣнено въ обязанность каждомѣсячно представлять Государю донесенія губернскихъ прокуроровъ о замѣченныхъ ими небреженіи и упущеніяхъ въ производствѣ дѣлъ (полож. ком. мин. 1826 г. апр. 23 № 281); министръ юстиціи долженъ былъ повергать Высочайшему разсмотрѣнію приговоры совѣстныхъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ безумныхъ и малолѣтныхъ, въ случаѣ несогласій съ таковыми приговорами начальниковъ губерній (указ. 1827 г. январ. 31-го № 265); наконецъ министру же юстиціи поручено было имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ правительствующемъ сенатѣ, подъ видомъ изъясненія образа исполненія по рѣшеніямъ, уже состоявшимся, не было допускаемо сужденій, клонящихся къ измѣненію самыхъ рѣшеній (Выс. утв. мн. государ. сов. 1827 г. авг. 20 № 1311) (*).

(*) Здѣсь не лишнимъ считаемъ помѣстить и рескрипть императора

Сидячая дѣятельная жизнь, разстроенное здоровье князя Лобанова—Ростовскаго отъ полученныхъ ранъ, принудили его просить Государя объ увольненіи отъ должности министра юстиціи, которую занималъ онъ десять лѣтъ. 18 октября 1827 года императоръ согласился на просьбу князя, оставивъ ему получаемое имъ содержаніе и выразивъ въ Высочайшемъ рескриптѣ надежду, что здоровье его позволитъ ему и впредь быть полезнымъ отечеству по званію члена государственнаго совѣта. Нѣсколько лѣтъ князь Лобановъ—Ростовскій продолжалъ заниматься въ государственномъ совѣтѣ, выѣзжая, когда позволило здоровье, въ торжественные дни во дворецъ и въ казанскій соборъ. Наконецъ преклонныя лѣта, болѣзни и душевная скорбь по причинѣ потери нѣжно любимаго брата, оберъ-камергера Якова Ивановича, прекратили полезную жизнь князя. Онъ скончался 25 іюля 1838 года на 80 году отъ рожденія и похороненъ близъ фарфороваго завода на берегу Невы, въ 7-ми верстахъ отъ Петербурга по шлиссельбургской дорогѣ.

По свидѣтельству современниковъ, князь Дмитрій Ивановичъ былъ вспыльчивъ, горячъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ добръ, справедливъ, сострадателенъ. Въ военной службѣ не щадилъ себя въ битвахъ, а въ гражданской, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не зналъ отдыха; главнымъ правиломъ его

Николая, данный въ 1826 году князю Лобанову—Ростовскому, какъ министру юстиціи «о поступкѣ» оберъ-секретаря Васильева:

«Объясненный вами поступокъ оберъ-секретаря Васильева въ непринятіи доставленныхъ къ нему по почтѣ пяти сотъ рублей отъ нѣк. его Романовскаго, я нахожу согласнымъ съ правилами честнаго человѣка; ибо, слѣдуя внушеніямъ долга и присяги, не можно не обидѣться подобною нагл стію приносителя, но и ничего особеннаго въ немъ не вижу, кромѣ исполненія своей обязанности. Поручаю вамъ объявить сіе Васильеву и предложенную ему сумму 500 рублей отдать на пользу заведеній здѣшняго приказа общественнаго призрѣнія; о присылкѣ же опыхъ денегъ Романовскимъ надлежитъ собрать установленнымъ порядкомъ свѣдѣніе и если откроется, что онъ точно ихъ посылалъ, то предать виновнаго сужденію по 3 копамъ (Ст. общ. ист. и др. Россійск. 1862 г. кн. 1 стр. 192).

было «забывать свой покой для пользы другихъ». Бантышъ-Каменскій, у котораго заимствованы нами нѣкоторыя подробности для настоящей біографіи Лобанова—Ростовскаго (кромѣ дѣятельности его какъ министра юстиціи) оканчиваетъ ее перечисленіемъ многихъ благодѣяній, оказанныхъ имъ разнымъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, однажды Лобановъ отказался въ пользу неимущихъ сослуживцевъ отъ значительной аренды, пожалованной ему Государемъ (1).

---

(1) Слов. достоп. люд. русс. зем. Бантыша-Каменскаго въ 2 изд. 1847 г. стр. 291—322.

XV.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгорукій, тайный совѣтникъ, родился 14-го мая 1767 года (*). Какъ часто случалось въ то время съ дѣтьми знатныхъ фамилій, князь Долгорукій, еще на 9-мъ году отъ рожденія, записанъ былъ на службу въ артиллерію 1-го января 1776 года, откуда перешелъ въ гвардію, въ которой получилъ чинъ прапорщика въ 1791 году, ровно чрезъ 15-ть лѣтъ со дня записанія въ службу. Переведенный въ 1795 г. въ армейскій полкъ премьеръ-маіоромъ, онъ получилъ въ 1798 году чинъ подполковника, пожалованъ орденомъ Св. Анны 3-й степени и командоромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, и произведенъ въ 1799 году октября 1 полковникомъ. 6-го іюля 1803 года князь Долгорукій оставилъ военную службу, будучи переименованъ при отставкѣ изъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1805 году онъ былъ причисленъ къ герольдіи, затѣмъ сдѣланъ прокуроромъ въ капитулѣ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1808 г. назначенъ симбирскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Съ этого времени князь Долгорукій выступаетъ на болѣе обширное служебное поприще. Будучи губернаторомъ столь значительной въ торговомъ отношеніи губерніи, онъ съ успѣхомъ содѣйствовалъ

(*) Россійс. род. книга кн. Долгорукова ч. 1. стр. 95.

пользамъ казны. Такъ, въ 1808 и 1809 годахъ произвелъ онъ выгодно для казны покупку разнаго рода хлѣба въ значительномъ количествѣ, именно около 58,000 кулей и посредствомъ годичнаго сообщенія доставилъ его въ С.-Петербургъ и Рыбинскъ; въ продовольствіи же чувствовалась тогда крайняя необходимость какъ по случаю войны, веденной уже въ Финляндіи, такъ и предполагаемаго разрыва съ западомъ. Съ такою же пользою для казны содѣйствовалъ князь заведенію въ Симбирской губерніи суконныхъ фабрикъ, съ которыхъ поставлялись въ вѣдомство коммисаріата въ значительномъ количествѣ солдатскія сукна. За такія благоразумныя распоряженія князю Долгорукову пожалованъ въ 1810 г. орденъ св. Анны 1-й ст. и изъявлена благодарность въ Высочайшемъ рескриптѣ на его имя отъ 17 сентября 1811 года. Въ 1812 году, во исполненіе Высочайшей воли, князь Долгорукій успѣшно занимался формированіемъ ополченія въ Симбирской губерніи, которымъ онъ и командовалъ до выступленія его въ походъ. Затѣмъ также успѣшно и съ надлежащею скоростію, при всеобщемъ недостаткѣ и дороговизнѣ лошадей, произвелъ въ 1813 г., во исполненіе Высочайшей воли, закупку ихъ для кавалеріи и артиллеріи по умѣреннымъ и выгоднымъ для казны цѣнамъ.

Въ 1815 году мая 17-го князь Долгорукій былъ переведенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Москву. Въ слѣдующемъ году пожалованъ въ тайные совѣтники, а чрезъ годъ повелѣно ему было присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, въ званіи сенатора. Награжденный въ 1823 году орденомъ св. Владиміра 2-й степени за усердную службу по Высочайше утвержденному комитету для разсмотрѣнія и уравненія доходовъ московской градской думы, князь Долгорукій въ іюнѣ 1824 года командированъ былъ по Высочайшему указу, вмѣстѣ съ сенаторомъ Дурасевымъ, ревизовать Вятскую губернію; далѣе, въ 1826 г. занимался онъ изысканіемъ причинъ побѣговъ помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ: Воронежской, Пензенской и Симбирской, обозрѣ-

вая въ тоже время и управленіе этихъ губерній, а пак
въ томъ же году произвелъ ревизію Курской губерніи

Получивъ за вышесказанное усердное исполненіе
ложенныхъ порученій признательность монарха, алм
знаки ордена св. Анны 1-й степени и въ 1827 г. орде
Александра Невскаго, князь Долгорукій назначенъ товари
министра юстиціи 27 апрѣля того же года, а за тяжко
лѣзнію министра юстиціи и наконецъ за увольненіемъ е
должности, вступилъ въ самыя права и обязанности
стра въ томъ же году 18-го октября. Хотя по причинѣ
ковременнаго управленія князя Долгорукаго министерс
юстиціи мы не встрѣчаемъ особенныхъ по оному преоб
ваній, но тѣмъ не менѣе въ это время состоялись слѣду
имѣющія интересъ, постановленія: по докладу князя Дол
каго, Высочайше установлены правила относительно дѣл
получающихъ въ общемъ собраніи окончанія по причин
согласія сенаторовъ; причемъ опредѣлено отбирать отъ
въ такихъ случаяхъ указанія законовъ, на коихъ кто
бываетъ свое мнѣніе (указ. имен. объяв. чрезъ управ. ми
юст. 1827 г. іюня 21 № 1196). Вслѣдъ за тѣмъ вмѣне
обязанность сенаторамъ собираться для слушанія дѣлъ в
натѣ по регламенту (имен. указ. объяв. мин. юст. 182
авгус. 10 № 1290); кромѣ того точнѣе опредѣлено вре
этихъ засѣданій правительствующаго сената (имен. указ. с
мин. юст. 1827 г. августъ. 21 № 1316); при чемъ вм
въ обязанность сенаторамъ, оберъ-прокурорамъ и обер
кретарямъ находиться въ мундирахъ (имен. указ. объяв. у
мин. юст. 1827 г. сент. 20 № 1388). Въ слѣдующемъ
въ исполненіе Высочайшаго рескрипта, учрежденъ былъ
митетъ въ министерствѣ юстиціи для обозрѣнія полнаго
да законовъ (1828 г. апр. 25 № 1983). Въ это же
министру юстиціи поручено имѣть особенное наблюденіе,
бы сенатъ, по разсмотрѣніи уголовнаго дѣла, когда на
жалобу, принесенную отъ наказаннаго, основательною,
галъ опредѣленіе свое, какъ о мѣрѣ вознагражденія и

шаго невинное наказаніе, такъ и о мѣрѣ взысканія съ лицъ, постановившихъ неправильное рѣшеніе (Высоч. утв. мн. государ. сов. 1828 года іюля 6 № 2135). Далѣе составлена и Высочайше утверждена инструкція оберъ-секретарямъ сената (1828 г. декаб. 5 № 2487). Въ управленіе князя Долгорукаго министерствомъ юстиціи, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, дозволяющее сенаторамъ, по исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій, возвращаться изъ губерній къ своимъ должностямъ, не испрашивая на то разрѣшенія (Высоч. утв. пол. ком. мин. 1828 г. мая 29 № 2064). При Долгорукомъ же изданo положеніе, объясняющее права и обязанности товарища министра юстиціи въ дополненіе къ статьямъ общаго учрежденія министерствъ (Высоч. утв. 1828 г. іюня 2 № 2064). Въ 1829 г. сентября 20 князь Долгорукій былъ уволенъ отъ должности министра юстиціи и опредѣленъ членомъ государственнаго совѣта; находясь въ семъ званіи, онъ и скончался 11 августа 1834 года (1). Князь Долгорукій былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Маргаритѣ Ивановнѣ Апайщиковой, во второй—на Варварѣ Николаевнѣ Текутьевой; отъ перваго брака онъ имѣлъ четырехъ сыновей, а отъ втораго трехъ (2).

---

(1) Взято изъ свѣдѣній департамента министерства юстиціи и другихъ источниковъ.

(2) Росс. родос. книг. кн. Долгорукаго ст. 93.

XVI.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАШКОВЪ.

Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, изъ дворянъ Рязанской губерніи. Одаренный отъ природы особенными способностями, Дашковъ получилъ и отличное воспитаніе, не смотря на ограниченное состояніе своихъ родителей (*). Первоначально обучался онъ дома, потомъ поступилъ въ пользовавшійся тогда извѣстностію, московскій университетскій благородный пансіонъ, въ которомъ занимался съ такимъ успѣхомъ, что былъ награжденъ двумя серебряными медалями, а имя его написано на доскѣ золотыми буквами. Въ 1801 году, въ день коронаціи государя императора Александра, молодой Дашковъ получилъ званіе дѣйствительнаго студента императорскаго московскаго университета и въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года поступилъ на службу юнкеромъ въ московскій архивъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ коемъ и оставался въ продолженіи цѣлыхъ 9-ти лѣтъ. Уволенный наконецъ въ 1810 году съ чиномъ коллежскаго ассессора, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, онъ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года поступилъ въ министру юстиціи, гдѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника и орденомъ Св. Владиміра 4-й степени (3 іюня 1815 г.). Въ депар-

(*) За Дашковымъ по формулярному его списку показано родоваго имѣнія въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи 162 души; за матерью его въ той же губерніи 54 души.

таментѣ министерства юстиціи поручаемы были Дашкову отъ министра всѣ бумаги, требовавшія особенно обдуманнаго изложенія, строгой точности и яснаго хорошаго слога—качествъ, изъ которыхъ особенно два послѣднія министръ юстиціи Дмитріевъ едва ли не первый началъ вводить въ дѣловыя бумаги этого министерства, вытѣсняя прежній тяжелый канцелярскій слогъ и прежнія устарѣлыя, окаменѣлыя отъ времени формы рѣчи. Дашковъ много способствовалъ къ улучшенію нашего дѣлового слога (Мелочи изъ запас. зам. Дмитр. стр. 143). Потомъ онъ былъ переведенъ въ канцелярію статсъ-секретаря Молчанова, но здѣсь служилъ не долго: въ слѣдующемъ же году (27 сентября 1816 года) онъ снова поступилъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника. При опредѣленіи въ эту службу, графъ Каподистрія потребовалъ, чтобы Дашковъ представилъ ему какое либо свое сочиненіе на французскомъ языкѣ для того, чтобы онъ могъ видѣть и образъ его мыслей и искусство въ ихъ изложеніи. По совѣту Н. Н. Дмитріева, онъ написалъ свое мнѣніе по поводу вышедшей тогда книги Шатобріана «De Bonaparte et des Bourbons», которая касалась самыхъ живыхъ историческихъ и дипломатическихъ вопросовъ того времени. Графъ Каподистрія остался вполнѣ доволенъ и взглядомъ и искусствомъ въ выраженіяхъ начинающаго дипломата, принялъ его къ себѣ въ службу и съ той поры Дашковъ пріобрѣлъ его полное уваженіе и довѣренность (*). Съ этого времени открывается для Дашкова болѣе обширное поле дѣятельности: отличными дарованіями и постоянною ревностію въ занятіяхъ онъ обратилъ на себя особенное вниманіе начальства, такъ что на слѣдующій же годъ былъ причисленъ къ константинопольской миссіи, а 14 іюля 1818 года, въ чинѣ статскаго совѣтника, сдѣланъ вторымъ совѣтникомъ при турецкомъ посольствѣ. Состоя при посольствѣ въ Константинополѣ во время возмущенія, стоившаго жизни многимъ грекамъ,

(*) Мелочи изъ запас. памяти Дмитріева, 1854 г. стр. 150.

томъ числѣ патріарху Григорію, Дашковъ былъ употре-
нашимъ посланникомъ В. Строгановымъ въ самыя кри-
ческія и трудныя минуты, и здѣсь вполнѣ выказались его
тливость, догадливость и ловкость. Ему были обязаны спо-
ь спасеніемъ многія фамиліи грековъ (Мелоч. изъ запас.
мяти Дмит. 1854 стр. 151). Время, проведенное Дашко-
мъ на Востокѣ, не было потеряно и для науки. Вотъ что
разсказываетъ онъ самъ о себѣ: «находясь нѣсколько лѣтъ
сряду въ Константинополѣ при россійскомъ посольствѣ и по-
томъ путешествуя по Греціи, я вездѣ навѣдывался усердно
о древнихъ рукописяхъ, въ надеждѣ, что какой нибудь сча-
стливый случай поможетъ мнѣ отыскать всего Тита Ливія и
Діодора, или утраченныя Анѳологіи Мелеагра, Филиппа Оес-
салоникскаго, Агаѳія. Особливо желалъ я имѣть понятіе о
сераллской библіотекѣ, для христіанъ неприступной (Сѣвер.
цвѣты 1826 г. стр. 287).

Отозванный 3 го января 1820 года отъ своего поста
при константинопольской миссіи, Дашковъ, въ продолженіе
сего года и по мартъ мѣсяцъ слѣдующаго, ревностно заня-
мался, по порученію начальства, обозрѣніемъ и приведеніемъ
въ устройство россійскихъ консульствъ въ Левантѣ и за осо-
быя заслуги, оказанныя имъ при исполненіи этого порученія,
пожалованъ (5-го ноября 1821 г.) орденомъ Св. Владиміра
3-й степени, а 30 іюля 1822 года Высочайше повелѣно ему
управлять дѣлами константинопольской миссіи; на слѣдующій
годъ (14 августа) Дашковъ опредѣленъ членомъ въ совѣтъ
коммиссіи составленія законовъ, съ оставленіемъ въ вѣдомств
иностранной коллегіи.

Находясь въ вѣдомствѣ этой коллегіи, Дашковъ награж
день былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника
орденомъ Св. Владиміра 2-й степени. Затѣмъ 5-го декабр
1826 года Высочайше повелѣно ему быть статсъ-секретаре
Его Императорскаго Величества и имѣть съ тѣмъ товарище
министра внутреннихъ дѣлъ. Пожалованный орденомъ
Анны 1-й степени, онъ въ 1828 году назначенъ былъ с

довать за Государемъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а по возвращеніи оттуда опредѣленъ товарищемъ министра юстиціи (26 марта 1829 года) и награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника. Вслѣдъ за тѣмъ, на время отсутствія статсъ-секретаря Блудова, Дашковъ получилъ повелѣніе (24 апрѣля) быть въ должности главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій; а, за отсутствіемъ управляющаго министерствомъ юстиціи князя Долгорукаго, 26 іюля того же 1829 года, повелѣно Дашкову вступить въ управленіе тѣмъ министерствомъ.

Такая разнообразная и полезная дѣятельность Дашкова не могла не обратить на себя вниманія справедливаго монарха: Высочайшимъ рескриптомъ (отъ 22 сентября 1829 года) изъявлена была ему, по случаю заключенія въ Андріанополѣ мира съ Портою, совершенная признательность императора за труды, «подъятые на пользу отечества», а спустя менѣе мѣсяца, 2-го октября, снова объявлено Дашкову совершенное монаршее благоволеніе за «отличное усердіе, дѣятельность и точность» въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей по главному управленію духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Далѣе, 6-го января 1832 года, Дашковъ награжденъ былъ орденомъ Бѣлаго Орла, и вслѣдъ за тѣмъ (2 февраля) довѣренностію монарха призванъ къ занятію должности министра юстиціи, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря. Здѣсь въ управленіи однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ министерствъ государства вполнѣ обнаружились всѣ блестящія способности и неутомимая дѣятельность Дашкова. Такъ, въ это время въ составѣ министерства юстиціи, вообще по судной и распорядительной части, послѣдовали разнаго рода измѣненія, дополненія и преобразованія, подробное исчисленіе коихъ далеко бы завлекло насъ, а потому здѣсь мы только ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Начнемъ съ приведенія въ болѣе обезпеченное положеніе чиновъ канцеляріи сената: 1) въ 1832 году составлены шта-

ты канцелярскимъ служителямъ сената (ук. 1832 г. мая 27 № 3596); 2) прибавлено жалованье оберъ-секретарямъ и секретарямъ с.-петербургскихъ департаментовъ сената (имен. объяв. сен. мин. юст. 1833 г. янв. 3 № 5879). Для улучшенія состава сенатской канцеляріи постановлено воспитанниковъ училища правовѣдѣнія, выпускаемыхъ съ чинами 9, 10 и 12 классовъ, преимущественно опредѣлять въ эту канцелярію (Выс. утв. уст. импер. учил. прав. 1838 г. іюня 27 № 11363 § 58).

Затѣмъ относительно дѣлопроизводства въ сенатѣ при Дашковѣ оберъ-прокурорамъ вмѣнено въ обязанность наблюдать очередь въ докладѣ дѣлъ, за исключеніемъ только слѣдующихъ случаевъ: 1) о совратителяхъ и совращенныхъ отъ православія и самовольной постройкѣ иновѣрческихъ церквей (им. объяв. сен. мин. юст. 1832 г. апр. 15 № 5292); 2) о частныхъ прошеніяхъ и апелляціонныхъ жалобахъ, полученныхъ по почтѣ и писанныхъ не по установленной формѣ. Ихъ должно докладывать въ первый присутственный день послѣ присылки, а состоявшіяся по нимъ опредѣленія подавать къ подписанію сенаторовъ на третій день, а затѣмъ по подписаніи ихъ отправлять указы не далѣе, какъ на другой день (орд. мин. юст. 18 мая 1834 г. № 5178); 3) о предложеніяхъ оберъ-прокуроровъ, которыя установлено докладывать также въ первый день по полученіи, и по резолюціи сенаторовъ производить по нимъ исполненіе съ возможною скоростью (орд. мин. юст. 1835 г. дек. 23 № 14446).

Наконецъ, относительно правилъ составленія опредѣленій въ сенатѣ, установлено: 1) лицъ, удостоиваемыхъ наградъ или подвергающихся взысканіямъ, всегда поименовывать въ опредѣленіяхъ сената и другихъ исходящихъ отъ него бумагахъ, не ограничиваясь означеніемъ одного званія этихъ лицъ; 2) подносить на Высочайшее усмотрѣніе копіи съ опредѣленій сената въ тѣхъ случаяхъ, когда участь виновнаго подвергается монаршему милосердію (ук. 1839 г. № 12631); 3) представлять опредѣленія сената, коими полагается поднести всеподд-

данѣйшіе доклады къ подписанію сенаторовъ въ установленный для того срокъ, не ожидая составленія помянутыхъ докладовъ, ежели они къ оному сроку не будутъ изготовлены (орд. мин. юст. 1834 г. февр. 26 № 2348). При составленіи всеподданѣйшихъ докладовъ, часть, заключающая въ себѣ рѣшеніе сената, а изложеніе дѣла, должна быть изготовлена въ одно время съ составленіемъ самаго опредѣленія, дабы по подписаніи и пропускѣ опредѣленія всеподданѣйшіе доклады могли быть безъ замедленія представлены къ подписанію сенаторовъ; причемъ вмѣнено въ обязанность обстоятельства, на которыхъ основывается необходимость испрашиваемаго пересмотра дѣла, излагать съ надлежащею ясностію (орд. мин. юст. 1836 г. сент. 28 № 10714); 4) не означать въ опредѣленіяхъ, какимъ путемъ должно быть испрошено Высочайшее повелѣніе, т. е. черезъ комитетъ ли министровъ или государственный совѣтъ (орд. мин. юст. 1838 г. іюля 20 № 9196); 5) оставлять съ подносимыхъ отъ сената всеподданѣйшихъ докладовъ, если они составляютъ сокращеніе опредѣленія, въ канцеляріи сената копіи, засвидѣтельствованныя скрѣпою оберъ-секретаря; если же они буквально переписаны съ опредѣленій, то отмѣчать только на самыхъ опредѣленіяхъ время исполненія (орд. мин. юст. 1835 г. дек. 4 № 13691); 6) излагать въ опредѣленіяхъ причины, почему рѣшенія низшей инстанціи признаются правильными (орд. мин. юст. 1837 г. ноябр. 27 № 11076); 7) объяснять въ нихъ о взысканіи за гербовую бумагу съ тяжущихся или обвиняемыхъ, число листовъ которой, канцелярія сената и должна означать въ посылаемыхъ указахъ (орд. мин. юст. 1834 г. окт. 16 № 11831).

Дашковымъ также обращено было особенное вниманіе на преобразованіе и вновь открытіе нѣкоторыхъ учрежденій, состоящихъ подъ вѣдомствомъ министерства юстиціи, вслѣдствіе чего Высочайше утверждены: 1) штатъ коммерческихъ судовъ и уставъ ихъ судопроизводства (ук. 1832 г. мая 14 № 5360); 2) новый штатъ герольдіи (им. дан. сен. 1832 г.

мая 14 № 5376); а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали и правила какъ о раздѣленіи занятій ея по экспедиціямъ, такъ и о порядкѣ производства въ нихъ дѣлъ (ук. 1832 г. мая 21 № 5387). Въ этомъ же 1832 году 27 сентября учрежденъ при герольдіи временный столъ для производства дѣлъ о почетныхъ гражданахъ (Выс. утв. пол. ком. мин. объяв. мин. юст. 1832 г. сен. 27 № 5618); срокъ существованія этого стола для успѣшнаго разрѣшенія представленій о награжденіи почетными званіями продолженъ въ 1837 году еще на годъ (имен. объяв. мин. юст. 1837 г. мая 20 № 10257). Впрочемъ герольдія въ тогдашнемъ своемъ составѣ существовала только до 1838 года; въ этомъ году (11-го февраля) составленъ и утвержденъ новый штатъ ея и при ней учреждена на 5-ть лѣтъ временная экспедиція (выс. утв. пол. ком. мин., объяв. мин. юст. 1838 г. февр. 11 № 10967), переименованная въ 1839 году во временное присутствіе (Выс. утв. пол. ком. мин., объяв. мин. юст. 1839 г. апр. 28 № 12280); 3) учреждены для ускоренія сдачи рѣшенныхъ дѣлъ, а также журналовъ и опредѣленій въ канцеляріяхъ сената пріуготовительные архивы (орд. мин. юст. 1833 г. дек. 23 № 15601); 4) утверждено положеніе о хозяйственномъ комитетѣ при правительствующемъ сенатѣ (ук. 1834 г. сен. 28 № 7413); наконецъ 5) при канцеляріи 1-го отдѣленія 3-го департамента сената учреждена временная экспедиція для окончанія ликвидиціонныхъ дѣлъ (Выс. утв. пол. ком. мин. объяв. сен. мин. юст. 1835 г. мая 28 № 8181); срокъ существованія этой экспедиціи продолженъ постановленіями 1836 и 1838 годовъ (Выс. утв. пол. ком. мин. 1836 г. окт. 6 № 9578 и 1838 г. авг. 31 № 11505).

Дашковъ, пожалованный за отличную службу орденомъ Св. Александра Невскаго 31 декабря 1832 года, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сдѣланъ былъ въ 1839 г. 14 февраля членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Это была его послѣдняя служба отечеству: тяжкій недугъ свелъ его въ могилу. Онъ умеръ

въ томъ же 1839 году ноября 26, еще не достигши старости — на 56 году жизни, и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ (1).

Обозрѣвши служебную дѣятельность Дмитрія Васильевича, мы не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о его литературныхъ занятіяхъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія у насъ объ этомъ весьма скудны. Изъ нихъ впрочемъ узнаемъ, что даже въ ранней молодости, между товарищами, Дашковъ пользовался уже замѣтнымъ предпочтеніемъ. Онъ и тогда имѣлъ надъ ними какую-то моральную власть, которой они покорялись, признавая превосходство его надъ собою. Его приговоры литературнымъ ихъ произведеніямъ почитались окончательными; его насмѣшка была мѣтка и неотразима, хотя никогда не оскорбительна. Затѣмъ его литературный талантъ, проявившійся въ наблюдательности и любви къ описываемому предмету, ставилъ его и въ это время на ряду съ замѣчательными писателями. Никто не писалъ такъ сильно и основательно противъ Шишкова, какъ Дмитрій Васильевичъ. Въ разборѣ двухъ статей изъ Лагарпа «Цвѣтникъ 1810 года» и въ книжкѣ «О легчайшемъ способѣ возражать на критику, 1811 года», онъ выводитъ на свѣжую воду всю несостоятельность Шишкова, какъ ученаго, и поражаетъ его строгою логикою и полнымъ знаніемъ языковъ славянскаго и русскаго (*). Къ этому времени относится его похвальная рѣчь

---

(1) Взято изъ послужного списка и другихъ свѣдѣній.

(*) *Прим.* Здѣсь кстати мы нужнымъ считаемъ сказать нѣсколько словъ объ образовавшемся тогда въ С.-Петербургѣ обществѣ, такъ называемомъ «Арзамасскихъ гусей», въ которомъ Дмитрій Васильевичъ принималъ дѣятельное участіе. Общество это составилось около 1815 года (продолжалось до 1820 года) изъ молодыхъ почитателей Карамзина, въ насмѣшку надъ его противниками, которые были членами «Шишковской бесѣды любителей русскаго слова.» Членами арзамасскаго общества были: К. Н. Батюшковъ, Д. В. Давыдовъ, Ф. Ф. Вигель А. Ѳ. Воейковъ, кн. П. А. Вяземскій, Д. В. Дашковъ, С. С. Жихаревъ, В. А. Жуковскій, Д. А. Кавелинъ, М. Ѳ. Орловъ, А. А. Плещеевъ, Н. И. Полетика, А. С. Пушкинъ, В. Л. Пушкинъ, Д. П. Северинъ, А. И. Тургеневъ, С. С. Уваровъ (соб. стих. кн. Вяземскаго 1861 г. стр. 370). Каждый изъ членовъ посылъ въ Арзамасъ какое

графу Хвостову, произнесенная 14 марта 1812 года въ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ въ С.-Петербургѣ, по слѣдующему случаю: нѣкоторые изъ членовъ этого общества предложили избрать въ почетные члены извѣстнаго гр. Д. И. Хвостова. Дашковъ былъ противъ этого, но большинство голосовъ рѣшило выборъ, надо было покориться. Дашковъ, уступивъ большинству, просилъ общество по крайней мѣрѣ дозволить ему сказать обычную привѣтственную рѣчь новоизбранному члену; общество, не подозрѣвая никакой шутки, согласилось на это.

Дашковъ сказалъ рѣчь, исполненную похвалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой иронiи, которая бросалась въ глаза каж-

---

либо произведенiе, взятое изъ балладъ Жуковскаго, напримѣръ: Жуковскiй назывался Свѣтлана, А. И. Тургеневъ—Эолова Арфа, Д. В. Дашковъ—Чу, кн. Вяземскiй—Асмодей, С. Н. Жихаревъ—Громобой, Д. И. Блудовъ—Кассандра, Ф. Ф. Вигель—Пивковъ журавль, Д. Н. Свѣрбѣевъ—рѣзвый котъ, С. С. Уваровъ—старушка, В. Л. Пушкинъ—Вотъ и пр. Занятiя членовъ посвящались шуткамъ и пародiямъ, которыя и читались въ собранiяхъ. Обыкновенно всякое засѣданiе начиналось похвальнымъ словомъ кому нибудь изъ литературныхъ старовѣровъ, противниковъ Карамзина, или кому нибудь изъ стихотворцевъ. М. А. Дмитрiевъ въ своихъ «мелочахъ» разсказываетъ смѣшной обрядъ принятiя въ члены этого общества В. Л. Пушкина въ 1816 году, которому, конечно, подвергся только одинъ онъ. Обрядъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: его (т. е. Пушкина) ввели въ одну комнату и, положивъ на диванъ, навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ общества. Это преобразовало шутливую похвалу кн. Шаховскаго «расхищенныя шубы» и значило, что новопринимаемый долженъ былъ вытерпѣть, какъ первое испытанiе, «шубное прѣнiе». Второе испытанiе состояло въ томъ, что, лежа подъ этими же шубами, Пушкинъ выслушалъ цѣлую французскую трагедiю, которую читалъ самъ авторъ. Потомъ съ завязанными глазами водили его съ лѣстницы на лѣстницу и привели въ комнату предъ кабинетомъ, гдѣ происходило засѣданiе. Кабинетъ былъ ярко освѣщенъ, а комната, отдѣленная отъ него аркою съ оранжевою занавѣскою, оставалась темною. Здѣсь развязали Пушкину глаза и велѣли выстрѣлить изъ лука въ огромное безобразное чучело, означавшее «дурной вкусъ». Потомъ ввели за занавѣску и дали въ руки эмблему Аркамаса—мерзлаго гуся, при чемъ Жуковскiй, какъ полагаетъ Дмитрiевъ, говорилъ ему длинную привѣтственную рѣчь. Далѣе Пушкину поднесли серебряную лохань и рукомойникъ умыть лицо и руки, объясняя, что это преобразуетъ «липецкiя воды» комедiю князя Шаховскаго (Мелочи изъ запаса памяти М. А. Дмитрiева, стр. 53).

дому и рѣшительно уничтожала всякую мысль въ пользу поэтическаго таланта новаго члена. Начало этой рѣчи слѣдующее:

«Любезные сочлены! нынѣшній день пребудетъ навсегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего общества, нынѣ въ первый разъ возсѣдаетъ съ нами краса и честь россійскаго Парнаса, счастливый любимецъ Лонидъ и Феба, геній единственный по быстрому своему паренію и по разнообразію тьмочисленныхъ своихъ произведеній. Тщетно мрачныя облака скрывали на время сіяніе солнца; оно расторгнуло ихъ и снова озарило землю! Такъ и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полетъ почтеннѣйшаго сочлена нашего его с. гр. Д. И. Хвостова! . . .» и такъ далѣе (1).

Отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1829 году, напечатанный въ Сѣверныхъ цвѣтахъ 1820 года подъ заглавіемъ: «Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ», относится къ послѣдующимъ трудамъ Дашкова. Изъ разсказа этого видѣнъ образованный паломникъ, съ теплымъ религіознымъ чувствомъ и вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Нельзя прочесть безъ умиленія тѣхъ строкъ, въ коихъ онъ описываетъ свое ночное пребываніе въ Іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія, по примѣру другихъ благочестивыхъ поклонниковъ Святыхъ мѣстъ (2). Вотъ этотъ разсказъ: «и мы провели въ семъ священномъ уединеніи нѣсколько дней, для меня незабвенныхъ. Все окружавшее возбуждало въ моей душѣ неизъяснимыя чувства. Часто въ глубокую полночь, когда привыкшіе къ оному зрѣлищу монахи спокойно спали въ своихъ келліяхъ, я стоялъ облокотясь на подножіе столба, среди большой церкви. Куполы, переходы и весь греческій каѳоликонъ, до самаго алтаря, скрывались во мракѣ; но святые памятники были какъ

(1) Чтен. общ. ист. и древ. росс. 1861 г. кн. 4 стр. 183—186

(2) *Примѣч.* Въ прежнія времена турки запирали на ночь поклонниковъ въ храмѣ Воскресенія.

бы опоясаны рядами неугасающихъ лампадъ и казались свѣтлыми оазисами въ темной дебри. Давно минувшее воскресало въ моемъ воображеніи: страданія праведнаго; источникъ жизни, отсюда излившійся, когда скрижали Моисеевы уступили мѣсто новому закону; торжество крестоносцевъ, преклонившихъ колѣна предъ великимъ гробомъ, ихъ мечами освобожденнымъ, и вѣнчаніе героя вождя діадимой изъ терній. Я смотрѣлъ на могилу Годфрида и вдохновенная Тассова пѣснь гремѣла въ моемъ слухѣ! Къ утру сіи мечтанія прерываемы были благовѣстомъ въ деревянный колоколъ; священники и діаконы мелькали какъ тѣни, съ курящимися въ рукахъ кадилами, гласы поющихъ ликовъ мѣшались со звуками органовъ, и хвала Божеству возносилась на разныхъ языкахъ, съ разными обрядами, но въ единомъ храмѣ (1).»

Кромѣ того Дмитрі мъ Васильевичемъ напечатано весьма любопытное извѣстіе о серальской библіотекѣ въ 1825 году въ Сѣверныхъ цвѣтахъ стр. 162—165; а въ 1826 году послѣдовалъ его же отвѣтъ на замѣчанія Болонскаго в собщаго бюллетеня, не довѣряющаго обнародованнымъ Дашковымъ свѣдѣніямъ. Отвѣтъ этотъ по формѣ изложенія, по неопровержимости доводовъ, есть мастерское произведеніе доровитаго пера (2).

Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о Дмитріѣ Васильевичѣ вообще, какъ о человѣкѣ. Имѣя важную наружность отъ природы, онъ никогда не важничалъ, былъ разговорчивъ со всякимъ и охотно сообщалъ замѣчанія' обнаруживавшія свѣтлый умъ его, о предметахъ и важныхъ и легкихъ. Въ мнѣніяхъ своихъ былъ твердъ, ибо они были плодомъ зрѣлаго убѣжденія. Онъ слѣдилъ за всѣми отраслями наукъ и литературы, читалъ безпрестанно и проникалъ

(1) Сѣверн. цвѣт. 1826 г. стр. 235—237.

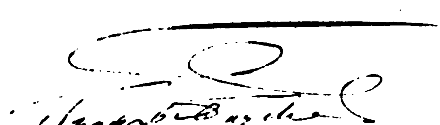
(2) Тамъ же, стр. 285—296.

глубоко въ исторію народовъ и политическія происшествія его времени. Русскую литературу зналъ во всѣхъ подробностяхъ и ни одного произведенія ея не оставлялъ безъ вниманія, даже и тогда, когда впослѣдствіи занималъ важныя должности (1).

---

(1) Мелочи изъ запаса памяти Дмитріева 1854 г. стр. 150.

Рис. Л. Ильинъ   Лит. К. Эрготъ



XVII.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БЛУДОВЪ.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, предсѣдатель государственнаго совѣта и въ комитетѣ министровъ, статсъ-секретарь, президентъ императорской академіи наукъ, предсѣдатель комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ и членъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и комитетовъ кавказскаго, сибирскаго и еврейскаго, родился 5-го апрѣля 1785 года въ селѣ Романовѣ Суздальскаго уѣзда, данномъ предку его отъ царя Михаила Ѳеодоровича за участіе въ спасеніи отечества. Отецъ его, принадлежавшій къ древнему (*), но небогатому роду, скончался, оставивъ сына, еще малолѣтнаго, на попеченіи его матери, которая, живя въ Москвѣ, заботилась всѣми

(*) *Примѣч.* Фамилія Блудовыхъ беретъ свое начало съ самой глубокой древности. Она происходитъ отъ воеводы Ивеція Блуда, во Св. крещеніи Іона, извѣстнаго въ концѣ X вѣка и убитаго въ сраженіи съ поляками на Бугѣ въ 1018 году. Потомство его развѣтвилось, родоначальникъ Дмитрія Николаевича Блудова, Борисъ Семеновичъ, ѣздилъ въ 1528 году посломъ великаго князя Василія Іоанновича къ хану крымскому Сайдатъ-Гирею. Отъ сына его Ѳедора Борисовича родился Семенъ Ѳедоровичъ, который въ февралѣ 1598 года участвовалъ въ избраніи въ цари Бориса Ѳедоровича Годунова, а потомъ былъ воеводою въ Алатырѣ. Назарій Васильевичъ, по прозвищу Беркутъ (татарское—значитъ степный орелъ), былъ въ числѣ воеводъ сподвижниковъ Пожарскаго и Минина во святомъ дѣлѣ спасенія отечества. Отъ седьмаго колѣна Беркута произошелъ графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (Высоч. грамота на россійско-графское достоинство, пожалованное графу Дмитрію Николаевичу Блудову. Родословная роспись Блудовыхъ, хранящаяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Россійская родословная книга кн. Долгорукаго, том. 2 стр. 265—268).

силами дать сыну наилучшее по тогдашнему времени воспитаніе.

Блудовъ, будучи еще 15-ти лѣтнимъ отрокомъ, уже находился на службѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и потомъ продолжалъ ее по дипломатической части до послѣднихъ годовъ царствованія Александра I-го. Онъ былъ въ молдавской арміи, управляющимъ дипломатическою канцеляріею при графѣ Каменскомъ, находился при нашихъ миссіяхъ, въ Голландіи, при дворѣ короля Людовика Бонапарте, въ Швеціи, въ царствованіе Карла XIII, и наконецъ былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ.

Въ 1822 году, марта 19-го, Дмитрій Николаевичъ за отлично-усердную службу награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1826 году волею и довѣріемъ вступившаго тогда на Россійскій престолъ Государя Императора Николая Павловича назначенъ онъ производителемъ дѣлъ слѣдственной коммиссіи надъ преступниками 14-го декабря. Здѣсь его доброта и благородство характера вполнѣ обнаружились и не одному заблудшему облегчили судьбу его положенія. Въ этомъ же году іюля 11-го онъ пожалованъ статсъ-секретаремъ Его Величества, товарищемъ министра народнаго просвѣщенія (1826 г. ноября 25) и награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Въ 1828 году, декабря 6-го, награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника, и назначенъ главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, состоявшими тогда при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1830 году пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-й степени, императорскою короною украшеннымъ. Въ 1832 году Дмитрій Николаевичъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто вышедшаго тогда въ отставку графа А. А. Закревскаго; министерствомъ этимъ онъ управлялъ до 1839 года. Время этого управленія не осталось безъ послѣдствій. Такъ, кромѣ многихъ состоявшихся по министерству полезныхъ распоряженій, послѣдовали два капитальныя уза-

конепія: 1) наказъ гражданскимъ губернаторамъ съ изложеніемъ самыхъ подробныхъ правилъ объ управленіи полицейскомъ губернскомъ и уѣздномъ (1837 года Іюня 3 № 10303), и 2) объ учрежденіи с.-петербургской городской полиціи и о порядкѣ производства въ оной дѣлъ (1838 г. апрѣля 1 № 11109). Оба эти узаконенія, совмѣщая въ себѣ всѣ предшествовавшія по сему постановленія, содержатъ болѣе полноты, подробностей и яснаго изложенія предметовъ (*). Въ управленіе этимъ министерствомъ Дмитрій Николаевичъ награжденъ орденами Бѣлаго Орла и Св. Александра Невскаго 1832 года, назначенъ членомъ государственнаго совѣта 12 Февраля 1832 года; кромѣ того, въ 1837 году, вмѣсто аренды пожаловано ему по 8 т. руб. въ годъ на 12 лѣтъ прибавочныхъ денегъ. Въ 1839 году назначенъ онъ министромъ юстиціи, на мѣсто Д. В. Дашкова, заступившаго мѣсто умершаго графа Сперанскаго по государственному совѣту и II-му отдѣленію собственной Его Величества канцеляріи. Во время кратковременнаго управленія Дмитрія Николаевича министерствомъ юстиціи состоялись между прочимъ слѣдующія, по его представленіямъ, постановленія: 1) о предоставленіи оберъ-прокурорамъ сената права непосредственно опредѣлять во ввѣренныя имъ канцеляріи сената и увольнять изъ оныхъ канцелярскихъ чиновъ (Выс. утв. мн. госуд. сов., объяв. мин. юст. 1839 г. март. 16 № 12130); 2) по его ходатайству улучшено содержаніе канцелярій губернскихъ прокуроровъ (Выс. утв. мн. госуд. сов. 1839 г. апрѣл. 24 № 12169); 3) имъ найдена возможность къ закрытію 3-го отдѣленія 5-го департамента сената (имен. ук., дани. сен. 1839 г. апр. 5 № 12207) и распредѣленію дѣлъ этого департамента между оставшимися отдѣленіями по принадлежности губерній (Выс. утв. пол. ком. мин. 8-го август. № 12617); 4) въ этомъ же году послѣ-

(*) *Примѣч.* Блудовъ, во время управленія своего министерствомъ внутреннихъ дѣлъ положилъ основаніе возсоединенію уніатовъ съ православною церковію, отъ которой они были отторгнуты вслѣдствіе интригъ и обольщенія. Русск. вѣд. № 25.

довали новыя правила о полюбовномъ размежеваніи дачъ, находившихся въ чрезполосномъ и общемъ владѣніи, при чемъ была издана особенная инструкція для руководства при исполненіи предварительныхъ мѣръ полюбовнаго спеціальнаго размежеванія (имен. дан. сен. 1839 г. іюн. 21 №№ 12458 и 12459).

Въ ноябрѣ 1839 года скончался Д. В. Дашковъ, и Блудовъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ былъ въ государственномъ совѣтѣ предсѣдателемъ по департаменту законовъ, а вмѣстѣ и управляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, въ послѣдствіи же нерѣдко предсѣдательствовалъ и въ общемъ собраніи совѣта (*). Въ началѣ 1861 года, по кончинѣ князя А. Ѳ. Орлова, Блудовъ назначенъ былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, а управленіе II отдѣленіемъ перешло отъ него къ барону М. А. Корфу. Въ этой должности оставался графъ Блудовъ до самой своей кончины.

По вступленіи Дмитрія Николаевича въ отправленіе означенныхъ новыхъ должностей, дѣятельность его распадалась на многіе отдѣлы, а именно: по государственному совѣту, по II-му отдѣленію, по ученымъ трудамъ и многоразличнымъ порученіямъ. Попытаемся хотя въ краткихъ словахъ очертить эту обширную дѣятельность и начнемъ со II-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ особенно высказалась личная графа Блудова дѣятельность, а именно:

По II-му отдѣленію Дмитрію Николаевичу предстояли труды обширные. Съ одной стороны изданіе дополненій къ своду законовъ и самое изданіе свода законовъ (ихъ было два, въ 1842 и 1857 годахъ) требовало особенной внимательности и

(*) *Примѣч.* Находясь въ этихъ должностяхъ Дмитрій Николаевичъ отправленъ былъ посломъ въ Римъ для заключенія конкордата съ Папою 22 іюля. (3 августа) 1847 года.

осмотрительности, съ другой стороны на изготовленіе и обработку въ огромномъ количествѣ стекавшихся въ это отдѣленіе преобразовательныхъ проэктовъ, какъ вообще по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, такъ и въ частности по разнаго рода законодательнымъ вопросамъ, нужно было употреблять много времени, терпѣливаго труда, сообразительности и обширныхъ историко-юридическихъ свѣдѣній.

Работу по изготовленію изданнаго въ 1845 году уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ можно отнести къ самому сложному труду графа; уложеніе это составлено согласно Высочайшей волѣ, сообразно съ системою и раздѣленіемъ общаго свода законовъ безъ малѣйшаго впрочемъ отступленія отъ основныхъ началъ отечественнаго законодательства; въ него внесены всѣ нужныя, по состоянію гражданскаго въ Россіи общества и нравовъ, дополненія къ существующимъ узаконеніямъ и опредѣлены съ бо́льшею удовлетворительнѣйшею противъ прежняго точностію не только разнаго рода преступленія и проступки, но и обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія вину подсудимаго, съ означеніемъ за каждое противузаконное дѣяніе соразмѣрнаго съ свойствомъ его наказанія или взысканія, дабы чрезъ то самое могъ быть устраненъ по возможности произволъ въ произнесеніи приговоровъ. При этой работѣ просмотрѣны и приняты въ соображеніе всѣ лучшіе своды европейскихъ законодательствъ.

Обширныя занятія по освобожденію крестьянъ изъ помѣщичьяго владѣнія и самая идея освобожденія нашла въ графѣ Блудовѣ ревностнаго дѣятеля. Конечно, здѣсь главныя работы сосредоточивались въ особенно учрежденныхъ на то коммисіяхъ, но не менѣе того обсужденіе этого предмета по государственному совѣту, возникавшіе по оному споры и противорѣчія требовали со стороны графа терпѣнія, настойчивости и особеннаго сочувствія къ обсуждаемому предмету.

Участіе графа Блудова въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не только касалось однихъ русскихъ, но нынѣ положительно сдѣлалось извѣстнымъ, что еще въ 1856 году, вскорѣ по вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, онъ былъ дѣятельнымъ органомъ мысли Его Величества объ улучшеніи быта польскихъ крестьянъ, и потому, въ качествѣ вице-предсѣдателя польскаго департамента государственнаго совѣта, настаивалъ на необходимости серьезной и полной крестьянской реформы въ царствѣ Польскомъ. Государь Императоръ поручилъ ему изученіе этого важнаго вопроса Затѣмъ графъ Блудовъ 28 апрѣля 1856 года обращался къ тогдашнему намѣстнику царства Польскаго князю Горчакову съ отношеніемъ, содержаніе котораго было потомъ обсуждаемо въ совѣтѣ управленія царства. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ графъ Блудовъ настаивалъ на необходимости ограничить власть гминныхъ войтовъ, устроить общественныя управленія городскія и сельскія и преобразовать бытъ крестьянъ на основаніяхъ, постановленныхъ указомъ 1846 года. Но, къ несчастію, эта мысль тогда была замята и получила осуществленіе только въ настоящее время. И такъ, государственный человѣкъ, которому, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, досталась на долю высокая честь скрѣпить своею подписью, въ качествѣ предсѣдателя государственнаго совѣта, законъ, освобождающій крестьянъ отъ крѣпостной зависимости внутри самой имперіи, былъ уже въ 1856 году предуготовительнымъ орудіемъ другаго освобожденія, которымъ обезпечивается участь слишкомъ трехъ милліоновъ польскихъ крестьянъ, и которое, вырывая съ корнемъ зло, положитъ, какъ надобно надѣяться, конецъ бѣдствіямъ, такъ часто терзавшимъ этотъ несчастный край.

19-го февраля 1861 года графъ Блудовъ скрѣпилъ акты, относящіеся къ освобожденію крестьянъ внутри имперіи. 19-го февраля 1864 года Государь Императоръ подписалъ указы объ окончательномъ устройствѣ быта крестьянъ въ

рствѣ Польскомъ,—и чрезъ нѣсколько часовъ, быть мо-
ѣтъ чрезъ нѣсколько минутъ затѣмъ, графъ Блудовъ испу-
пилъ послѣднее дыханіе. Совпаденіе это знаменательно и
оучительно. Будто слышишь, какъ этотъ благородный ста-
рецъ, отходя, говоритъ: «нынѣ отпущаеши раба твоего,
ладыко, по глаголу твоему, съ миромъ (*).

Графъ Блудовъ предполагалъ напечатать добавленіе къ полному собранію законовъ. Съ этою цѣлію въ 1851 году напечатанъ общій хронологическій указатель къ этому собранію, который раздѣленъ на двѣ части: въ первую вошли узаконенія съ 1649 по 1825 годъ, во вторую съ 1825 по 1850 годъ; алфавитъ этотъ по Высочайшему повелѣнію разосланъ во всѣ присутственныя мѣста Россійской имперіи съ тѣмъ, чтобы они могли удостовѣрится: какіе именно акты изъ находящихся въ ихъ архивахъ вошли въ это собраніе и какіе нѣтъ и затѣмъ коніи съ этихъ послѣднихъ озаботились бы доставить во II отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

Но главною заботою, постоянною мечтою графа были судебныя реформы въ Россіи. Въ домашней ли бесѣдѣ, при отправленіи ли служебныхъ обязанностей, всегдашнею его мыслью было преобразованіе или совершенное измѣненіе существующаго у насъ порядка судопроизводства и судоустройства. Съ 1848 года при II-мъ отдѣленіи начались усиленныя работы по составленію преобразовательныхъ проэктовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ и судоустройствъ, чрезъ что образовалась огромная переписка съ министерствомъ юстиціи. Съ 1850 года II отдѣленіе приступило къ подробной разработкѣ всѣхъ относящихся до преобразованія судебной части проектовъ, согласно послѣдовавшимъ на сіе Высочайшимъ повелѣніямъ, и вносило ихъ по мѣрѣ изготовленія въ государственный совѣтъ. Совершеніе

(*) Москов. вѣдом. 1864 г. № 52 и изъ частнаго письма.

основы этого труда принадлежитъ безспорно графу Дмитрію Николаевичу (*). Онъ устремилъ все свое вниманіе на разрѣшеніе столь важной задачи, составилъ по званію главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ и внесъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта цѣлый рядъ проэктовъ, совокупность коихъ служитъ нынѣ основаніемъ настоящихъ предположеній о преобразованіи судебной части. Такимъ образомъ, въ государственный совѣтъ внесены съ 1857 года слѣдующіе проэкты: I. По гражданскому судопроизводству: 1) проэктъ устава гражданскаго судопроизводства; 2) о производствѣ гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ; 3) о производствѣ взысканій по актамъ безспорнымъ; 4) о производствѣ гражданскихъ дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ; 5) о примирительномъ разбирательствѣ; 6) о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ; 7) объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ; 8) о судебныхъ издержкахъ; II. По уголовному судопроизводству: 9) проэктъ устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ; 10) о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ въ судахъ мировыхъ; 11) объ издержкахъ при производствѣ дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ; 12) объ особыхъ родахъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, и III. По судоустройству: 13) проэктъ положенія о судоустройствѣ; 14) положеніе о присяжныхъ стряпчихъ или повѣренныхъ. Кромѣ того II отдѣленіемъ приступлено тогда же къ составленію относящихся къ этимъ же работамъ проэктовъ: 1) о нотаріальной части, и 2) о несостоятельности лицъ неторговаго званія и о посредническихъ коммисіяхъ. При этихъ работахъ приложены были объяснительныя записки, съ большимъ знаніемъ дѣла составленныя; въ нихъ исторически разсмотрѣнъ ходъ нашихъ судебныхъ преобразованій, съ указаніемъ на формы процессовъ въ иностранныхъ государствахъ. Затѣмъ, по многосложности, это госу-

(*) Смотр. журн. соед. департ. государ. совѣта, стр. 4.

дарственное предпріятіе подвергалось разнымъ измѣненіямъ какъ въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, такъ равно и въ общемъ собраніи онаго; причемъ окончательное исправленіе редакціи труда поручено государственной канцеляріи, при содѣйствіи, по усмотрѣнію и распоряженію государственнаго секретаря, нѣкоторыхъ чиновъ II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и министерства юстиціи, преимущественно юристовъ. Но дальнѣйшее подробное изложеніе хода этихъ работъ отдалило бы насъ отъ настоящаго предмета, а потому мы ограничимся такимъ заключеніемъ, что во всѣхъ послѣдовавшихъ по сему занятіяхъ графъ принималъ, не смотря на преклонность лѣтъ и болѣзненное положеніе, самое дѣятельное, самое горячее участіе, но окончанія оныхъ не суждено ему было дождаться.

Дѣятельность графа Блудова не ограничилась одними служебными занятіями; онъ въ то же самое время наблюдалъ за ходомъ русской литературы, письменными памятниками отечественныхъ древностей, которые и старался по возможности дѣлать доступными каждому посредствомъ печати. Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ его предпріятій: 1) отъ внимательнаго взгляда графа не могло укрыться то, какое важное пособіе составляли для отечественной исторіи древніе разряды службъ. Ибо документы эти, обнимая періодъ времени съ государствованія Іоанна III, безпрерывно продолжались до новыхъ установленій Петра Великаго, чрезъ что составили полную, такъ сказать, лѣтопись правительственной и служебной дѣятельности въ Россіи во все продолженіе московскаго періода нашей исторіи, но они до сихъ поръ еще не были извѣстны вполнѣ нашимъ историкамъ, сохраняясь въ рукописяхъ, разсѣянныхъ по разнымъ архивамъ и книгохранилищамъ. Изданные же до того были отрывки лишь оффиціальныхъ разрядовъ и нѣкоторыхъ книгъ по оныхъ, составленныхъ частными лицами, самое различіе между ними не было опредѣлено. Обнаруженіе этихъ разря-

довъ, въ особенности оффиціальныхъ, какъ составленныхъ самимъ правительствомъ, кромѣ историческаго значенія, представляло еще и ту пользу, что могло доставлять свѣдѣнія тѣмъ дворянскимъ родамъ, кои имѣли надобность въ доказательствахъ. Графъ Блудовъ повергалъ обстоятельства эти воззрѣнію въ Бозѣ почившаго Государя Императора во время пребыванія Его Величества въ Москвѣ, на что и послѣдовало 7 апрѣля 1849 года Высочайшее повелѣніе: «всѣ дошедшія до насъ какъ оффиціальныя, такъ и принадлежащія частнымъ лицамъ, но въ послѣдствіи дошедшія до правительства, рукописи разрядовъ привести въ точную извѣстность, сличить ихъ, повѣрить одне съ другими и издать при II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи.» Для выполненія сей Высочайшей воли учреждена была особенная коммисія подъ наблюденіемъ и руководствомъ инспектора (нынѣ директора) московскихъ архивовъ, состоявшихъ при департаментахъ правительствующаго сената, Иванова, въ коей находились совѣтникъ архива старыхъ дѣлъ Бѣляевъ и правитель дѣлъUndольскій. Коммисіи этой поручалось приготовленіе копій съ нѣкоторыхъ изъ рукописей разрядныхъ и записныхъ книгъ и разборъ столбцевъ, по содержанію своему, относящихся къ разрядамъ. Рукописи дворцовыхъ разрядовъ были вытребованы во II отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи; составленіе по онымъ текста и самое изданіе поручалось чиновнику II отдѣленія Попову вмѣстѣ съ библіотекаремъ императорской публичной библіотеки Бычковымъ.

Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія и составленнаго на сіе плана, добытые вышеозначеннымъ путемъ матеріалы напечатаны: 1) три большихъ тома дворцовыхъ разрядовъ, съ однимъ къ онымъ дополненіемъ, въ 1850—1852 и 1854 годахъ; 2) два тома оффиціальныхъ разрядовъ въ 1853 и 1854 годахъ. Независимо отъ сего, въ это же время приготовлены къ печати копіи съ 20-ти записныхъ книгъ московскаго разряднаго архива.

2) Въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранились до настоящаго времени памятники сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Сіи памятники, извѣстные какъ въ прежнее, такъ и въ настоящее время подъ названіями: «посольскихъ дѣлъ, статейныхъ списковъ и посольскихъ книгъ», заключаютъ въ себѣ подлинныя и подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ и русскихъ пословъ при дворахъ иностранныхъ, распоряженія о пріемахъ и отпускахъ пословъ, переговоры съ ними, наказы русскимъ послам, ихъ отчеты о дѣйствіяхъ при дворахъ иностранныхъ и наконецъ самыя грамоты, составляющія переписку русскаго двора съ иностранными державами.

Въ настоящее время, когда исторія сдѣлалась у насъ предметомъ, можетъ быть, наиболее привлекающимъ общее вниманіе, изданіе столь любопытныхъ и столь важныхъ для нея памятниковъ оказалось необходимымъ; вслѣдствіе чего графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ въ 1851 году испрошено Высочайшее соизволеніе на напечатаніе этихъ актовъ при II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи. До сихъ поръ этихъ документовъ напечатано 6-ть большихъ томовъ убористаго шрифта въ два столбца.

Наконецъ кто изъ русскихъ не читалъ съ полнымъ умиленіемъ превосходной, мастерски составленной графомъ статьи «послѣдніе дни и кончина Императора Николая I», написанной имъ съ полною теплотою, съ горячимъ чувствомъ и съ безпредѣльною преданностію къ памяти почившаго Государя?

Графъ Блудовъ съ 1855 года. состоялъ президентомъ императорской русской академіи наукъ, съ 10 декабря 1851 года помощникомъ предсѣдателя русскаго археологическаго общества, почетнымъ членомъ какъ общества исторіи и древностей россійскихъ въ Москвѣ, такъ равно многихъ дру-

гихъ ученыхъ обществъ. Ученая его дѣятельность, теплота и покровительство, оказываемыя имъ каждому полезному предпріятію изчисленныхъ выше обществъ, въ особенности первымъ двумъ, останутся всегдашнимъ неизгладимымъ о немъ воспоминаніемъ.

Со времени поступленія Дмитрія Николаевича въ государственный совѣтъ и назначенія главноуправляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, онъ удостоился получить слѣдующія Высочайшія награды: чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1839 года февраля 14, Св. Владиміра 1-й степени въ 1841 году, графское достоинство въ 1842 году, Св. Апостола Андрея Первозваннаго въ 1845 году, алмазные знаки сего ордена въ 1847 году, перстень съ алмазами и портретомъ Его Императорскаго Величества 1851 г., портретъ Его Императорскаго Величества съ брилліантами для ношенія въ петлицѣ 1852 года, знакъ отличія за L лѣтъ 1853 года, портреты въ Бозѣ почивающаго Императора Николая Павловича, и Его Императорскаго Величества съ алмазами для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ 1856 года, знакъ отличія за введеніе въ дѣйствіе положенія 19 февраля 1861 года, 1863 года. Онъ имѣлъ иностранные ордена: голландскаго—Согласія съ 1849 года, римскаго—Пія 1-й степени съ 1861 года.

Графъ Дмитрій Николаевичъ скончался 19 февраля 1864 года въ $3^1/_2$ часа по полудни на 79 году своей жизни. Еще наканунѣ смерти онъ разговаривалъ о нѣкоторыхъ вновь появившихся сочиненіяхъ, а утромъ 19 февраля вспоминалъ, чѣмъ на вѣки славенъ этотъ день, радовался мысли, что и польскіе крестьяне получатъ благодѣяніе отъ русскаго Государя (*). Кончина его была тихая, безмятежная, какъ истиннаго христіанина. Здѣсь нельзя не привести словъ знаменитаго проповѣдника (Левианды), сказанныхъ при подоб-

(*) Русск. вѣдом. 1864 г. № 25.

нымъ случаѣ: «Дѣлатель почи отъ трудовъ своихъ». Графъ погребенъ 22 февраля на кладбищѣ александро-невской лавры, вблизи могилъ Карамзина и Жуковскаго. При погребеніи присутствовали Государь Императоръ, члены императорской фамиліи, за исключеніемъ особъ женскаго пола, чины государственнаго совѣта, II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, высшіе чины прочихъ вѣдомствъ, представители академіи наукъ и многочисленная публика.

Обозрѣвши въ краткомъ очеркѣ служебное и литературное поприще графа Дмитрія Николаевича, мы, къ сожалѣнію, должны сказать, что свѣдѣнія эти, по недостатку данныхъ, не вполнѣ очерчиваютъ трудолюбивую дѣятельность графа. Много нужно еще розысканій и изслѣдованій, чтобы вполнѣ ознакомиться съ ней. Мы твердо надѣемся, что кто нибудь изъ числа болѣе близкихъ къ Дмитрію Николаевичу пополнитъ этотъ пробѣлъ и представитъ много такихъ подробностей изъ жизни графа, коихъ мы не имѣли. Но нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, ежели бы мы не сказали нѣсколько словъ о самомъ характерѣ графа, о той добротѣ, которая привязывала къ нему всякаго знавшаго его, той простотѣ обращенія, которая дѣлала доступъ къ нему свободнымъ для каждаго. Графъ готовъ былъ оказать самое теплое, самое радушное покровительство и поддержку каждому. Едвали найдется хоть одинъ трудолюбивый ученый или одинъ даровитый писатель, который, имѣя нужду въ покровительствѣ графа, могъ бы сказать, что обращался къ нему напрасно, не нашелъ въ немъ участія или готовности ходатайствовать, помочь въ чемъ только возможно. Стоило только указать графу на какіе либо неизданные или любопытные или важные документы, и можно быть увѣрену, что со стороны его будетъ оказано дѣятельное пособіе къ обнаруженію или напечатанію неизданнаго. Но не одна письменная древность обращала на себя вниманіе графа, ему были дороги вообще всѣ достопамятности русскія, которыя

заслуживали вниманія или по своей древности или потому, что связывались съ ними историческія отечественныя воспоминанія. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ послѣдовало распоряженіе о сломкѣ красныхъ воротъ въ Москвѣ, утвержденное высшею властію, и уже вызывались чрезъ газеты желающіе взять на себя эту обязанность. Пишущій эти строки обратился къ графу съ просьбою о принятіи участія къ сохраненію этого памятника, приложивши при томъ историческую записку о постройкѣ этихъ воротъ и рисунокъ оныхъ, и дней чрезъ десять послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сохраненіи и поддержкѣ этого памятника; въ другое время, когда зашелъ у графа разговоръ съ пишущимъ же эти строки о сломанномъ въ Москвѣ въ недавнее время древнемъ нашемъ московскомъ памятникѣ—каменномъ мостѣ, съ которымъ связаны многія историческія воспоминанія и который требовалъ небольшой только поправки, то графъ сказалъ съ одушевленіемъ: «а за чѣмъ же вы мнѣ о томъ не написали, я бы его отстоялъ».

Графъ Блудовъ—родственникъ Державина и Озерова, съ молодыхъ лѣтъ снискавшій дружбу Карамзина, а чрезъ него и Дмитріева, лучшій другъ Жуковскаго, Пушкина, Дашкова, Уварова и Батюшкова, изъ числа коихъ образовалось извѣстное общество «Арзамазскаго гуся», въ коемъ Дмитрій Николаевичъ носилъ названіе «Кассандры»—былъ смолоду родной всѣмъ литературнымъ и научнымъ интересамъ. Хотя онъ и не принималъ непосредственнаго участія въ литературномъ движеніи того времени, но, благодаря авторитету, которымъ пользовался по многостороннему образованію, критической способности, авторскому мастерству и необыкновенной живости и остротѣ ума, онъ игралъ въ немъ одну изъ самыхъ вліятельныхъ ролей. Ему завѣщалъ Карамзинъ продолженіе своего безсмертнаго труда. Онъ былъ издателемъ 12 тома его «Исторіи» (1829 г.) и посмертныхъ твореній Жуковскаго (1857 г.). Обширныя связи пріязни, пріобрѣтенныя имъ въ свѣтѣ и во время путешествій, украша-

ются именами всего, что было лучшаго въ обществѣ не только русскомъ, но и европейскомъ, начиная съ изгнанной въ Швецію г-жи Сталь, до современныхъ намъ дѣятелей, какъ Барантъ и пр. Никакія вліянія, никакія колебанія въ историческомъ ходѣ судебъ нашего отечества не могли бы заставить его измѣнить дѣлу просвѣщенія, когда обстоятельства неблагопріятствовали этому дѣлу. Посреди такихъ обстоятельствъ онъ иногда удалялся и молчалъ, но не принималъ солидарности съ ними, и ему никогда не предложили бы дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ; а это уже было много. Роль графа Блудова въ этомъ отношеніи была не только блистательна, но и благотворна. Не знаки служебнаго отличія, не память объ его высокомъ санѣ служатъ лучшимъ украшеніемъ его свѣжей могилы, а воспоминаніе о томъ, что среди этихъ отличій, на высотѣ земныхъ почестей, онъ употреблялъ даваемое ими вліяніе на то, чтобы дѣлать добро людямъ, служащимъ дѣлу просвѣщенія дорогаго ему отечества и протягивалъ руку помощи страждущимъ и нуждающимся (*).

(*) *Примѣч.* 1, Вышеизложенныя строки, какъ вполнѣ выражающія характеристику графа, мы дозволили себѣ позаимствовать изъ прекрасной статьи М. П. Лонгинова, помѣщенной въ современной лѣтописи московскихъ вѣдомостей 1864 г. № 8.

(*) *Примѣч.* 2, Какъ доказательство той доброты и благородной твердости, съ которою графъ ополчался за своихъ подчиненныхъ въ защиту отъ клеветы и несправедливыхъ обвиненій, приведемъ слѣдующій трогательный случай, помѣщенный въ № 57, „Сына Отечества" за нынѣшній годъ. Случай этотъ былъ слѣдующій: въ 1830 году, во время управленія Дмитрія Николаевича дѣлами иностранныхъ исповѣданій, шефъ жандармовъ Бекендорфъ сообщилъ ему о дошедшихъ частнымъ образомъ до Государя Императора неблагопріятныхъ свѣдѣніяхъ на счетъ исправлявшаго тогда должность директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Вигеля, что онъ, совершенно не занимаясь дѣломъ и даже не читая бумагъ, получилъ въ награду чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, почему и просилъ отвѣтнаго по сему увѣдомленія. Въ отвѣтномъ этомъ увѣдомленіи высказался вполнѣ начальникъ, защищающій своего подчиненнаго отъ несправедливаго извѣта съ энергіею, прямотою, свидѣтельствующими о непоколебимомъ чувствѣ справедливости и любви къ ближнему, которыя воодушевляли его при видѣ беззащитности и проявлялись со всѣмъ пыломъ благородной души, тамъ, гдѣ нарушалась правда.

Будучи весьма не богатъ, графъ Блудовъ, сдѣлавшись важнымъ государственнымъ сановникомъ, не измѣнилъ ни образа жизни, ни характера въ пріемахъ, жилъ очень просто, былъ врагъ роскоши и блеска, не дѣлалъ различія между посѣщавшими его по чинамъ, богатству и другимъ подобнымъ соображеніямъ, а смотрѣлъ только на умъ и достоинства душевныя, былъ ко всѣмъ неизмѣнно любезенъ и доброжелателенъ; а потому въ его скромныя комнаты охотно собиралась и блестящая знать и образованные люди всѣхъ состояній. Ихъ привлекала почтенная личность хозяина и необыкновенно-занимательный его разговоръ. Пересмотрѣвъ всѣ важнѣйшіе архивы, перечитавъ множество дѣлъ прошедшаго времени, а также лично участвовавъ въ важныхъ событіяхъ, графъ Блудовъ, обладая самою счастливою памятью, бывалъ неистощимъ въ разсказахъ о временахъ, прошедшихъ между царствованіемъ Петра I и Александра I включительно. Слушая его разсказы или поучительную бесѣду, никто и не вспоминалъ, что находился въ присутствіи перваго сановника въ государствѣ. Всякій, знавшій его, искренно уважалъ его рѣдкія качества, и если вспоминалъ объ его высокомъ положеніи, то развѣ для того только, чтобъ еще болѣе почтить человѣка, который умѣлъ сохраниться такимъ среди всѣхъ обольщеній знатности и власти (*).

П. ИВАНОВЪ.

(*) Соврем. лѣт. 1861 г. № 8. Русск. Вѣдом. 1861 г. № 25.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

I. Графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій . . . . . 1.

II. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкій . . . . . 13.

III. Князь Яковъ Петровичъ Шаховскій . . . . . 25.

IV. Александръ Ивановичъ Гѣбовъ . . . . . 37.

V. Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій . . . . . 41.

VI. Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ . . . . . 57.

VII. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ . . . . . 65.

VIII. Александръ Андреевичъ Геклешевъ . . . . . 69.

IX. Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ . . . . . 77.

X. Гавріилъ Романовичъ Державинъ . . . . . 81.

XI. Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ 113

XII. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ 117

XIII. Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій 127

XIV. Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій 137

XV. Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгорукій 149

XVI. Дмитрій Васильевичъ Дашковъ 153

XVII. Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ 165

ОПИСЬ

ПОРТРЕТОВЪ ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРОВЪ И МИНИСТРОВЪ ЮСТИЦІИ.

Генералъ-прокуроры:

1. **Гр. Нав. Ив. Ягужинскій.**
   Снят. съ портр. С. П. Кожина.
2. **Кн. Ник. Юр. Трубецкій.**
   Снят. съ портр. сен. Трубецкаго.
3. **Кн. Як. Нет. Шаховскій.**
   Съ порт. кн. Шаховскаго.
4. **Александръ Ив. Глѣбовъ.**
   Съ порт. г. Бекендорфа.
5. **Кн. Александръ Алек. Вяземскій.**
   Съ порт. кн. Мих. Анд. Оболенскаго.
6. **Гр. Александръ Никол. Самойловъ.**
   Съ порт. ген. отъ арт. Ермолова.
7. **Кн. Алек. Бор. Куракинъ.**
   Съ порт. въ Куракинской богадѣльнѣ.
8. **Александръ Андр. Беклешевъ.**
   Съ портр. г. Евген. Ант. Селивановской.
9. **Нет. Хрисанф. Обольяниновъ.**
   Съ порт. г. Симонова.

Министры Юстиціи:

10. **Гав. Ром. Державинъ.**
    Съ порт. писани. г. Кипренскимъ.
11. **Кн. Петр. Вас. Лопухинъ.**
    Съ порт. г. Вишела.
12. **Ив. Ив. Дмитріевъ.**
    Съ порт. г. Погодина.
13. **Дм. Прок. Трощинскій.**
    Съ порт. г. Вишела.
14. **Кн. Дм. Ив. Лобановъ-Ростовскій.**
    Съ порт. кн. Ив. Ал. Лобанова-Ростовскаго.
15. **Кн. Алек. Алек. Долгорукій.**
    Съ порт. кн. Юр. Ал. Долгорукаго.
16. **Дмит. Вас. Дашковъ.**
    Съ фотогр. порт. сен. Веймарна.
17. **Гр. Дм. Ник. Блудовъ.**
    Съ фотогр. порт. г. Деляпова.

ОПЕЧАТКА.

Въ прилож. къ жур. мин. юст. 1861 г., въ статьѣ Дм. Вас. Дашковъ, на стр. 162, сверху на 13 и 14 строк. напечатано: «отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1829 году, напечатанный въ Сѣверныхъ цвѣтахъ 1820 года», слѣдуетъ читать: «отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ съ 1820 году, напечатанный въ Сѣверныхъ цвѣтахъ 1826 года».

Stanford University Libraries
3 6105 001 687 545

DK
127.4
.19

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305